

СЕРГЕЙ СКРИПАЛЬ

ЗАБЫТЫЙ КОНТИНГЕНТ

2024

ББК 63.3(2)633–68

УДК 355.01 (581)

С 45

С 45 Скрипаль С. В. Забытый контингент: повесть / С. В. Скрипаль. — Ставрополь; Кемерово: Вектор-Принт, 2024. — 172 с. — Текст: непосредственный.

«Забытый контингент» — повесть Сергея Скрипаля о жестокостях Афганской войны. Автор не понаслышке описывает события, участником которых он являлся сам. Один эпизод сменяет другой. Сюжет развивается по спирали, и от того становится интересным и захватывающим. Повествование завораживает откровенностью, простотой и ясностью изложения. Это не первая книга Сергея Скрипаля о войне. Ранее выходили повести «Афган», «Контингент», «Обреченный контингент», «Солдат», «Осколки» и др. В этой повести автор рассказал о том, чего мы не знали о необъявленной войне.

ББК 63.3(2)633–68

УДК 355.01(581)

ISBN 978-5-6052538-1-5

© Скрипаль С. В., 2024

© Вектор-Принт, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Белов	5
Глава 2. Мишка.....	19
Глава 3. Воцанюк	31
Глава 4. Витька	38
Глава 5. Игорь.....	44
Глава 6. Колька.....	54
Глава 7. Олег	65
Глава 8. Костя	72
Глава 9. Славка.....	79
Глава 10. Пашка.....	85
Глава 11. Дубов.....	102
Глава 12. Вовка.....	111
Глава 13. Смирнов.....	119
Глава 14. Рахматулла.....	127
Глава 15. Газнийский борщ.....	140
Глава 16. Шнурок	147
Глава 17. Максим.....	161
Глава 18. День ВДВ	167

*Родителям посвящается
с любовью и благодарностью.*

* * *

Как я туда попал – совершенно не помню. Это уже потом, из рассказов однополчан сложилась картинка: вертолёт из Кандагара в Шинданд, а оттуда уже самолётом в Ташкент. Впрочем, неважно это, таких историй тысячи было.

Запомнился дух госпитальный, как-то по-домашнему, что ли, было. Не буду описывать состояние людей, попавших в белое царство простыней и подушек после пыльных окопов, сна на камнях, вечного состояния усталости, недосыпа и неуверенности в завтрашнем дне. Скажу только, что в этом казенном доме было на удивление уютно.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 1. БЕЛОВ

Прапорщик Белов не сдержал крика, обрушиваясь с дувала на голову моджахеда, который низко наклонился над телом молоденького десантника и широким кинжалом вспарывал ему живот. Белов вместе с духом рухнули на труп солдата. Афганец дико завизжал, пытаясь выскользнуть из-под прапорщика, но тот притиснул его к себе и ударил ножом в висок. Дух сразу обмяк мешком и, изогнувшись, затих. Прапорщик поднялся с земли, вытер руки и нож о длинную рубашку убитого и склонился над солдатом.

Тот лежал в пыли, раскинув руки и ноги. Изуродованное лицо с выколотыми глазами слепо уткнулось в вечернее небо. Куртка была залита кровью, сквозь распоротую ткань и кожу живота, пузырясь, вылезало кровавое месиво. Брюки были разодраны, и пах ужаснул прапорщика своей зияющей чернокрасной наготой. Белов пошарил в карманах у солдата, вынул небольшую пачку каких-то бумаг, из «лифчика» взял гранату и полный магазин к автомату. После этого встал во весь рост, затолкал взятое в свой «лифчик» и осмотрелся.

Он стоял в небольшом дворике, окруженном высоким азиатским забором, по которому несколько минут назад бежал, захваченный погоней за бандой, уходящей из кишлака. К дувалу примыкал глинобитный дом с черными дырами небольших окон и дверью. Слева от себя прапорщик увидел сарай и, уже отворачиваясь от него, краем глаза уловил за разошедшей дверью движение. Он бросился на землю грудью, в падении переворачиваясь на правое плечо и дергая курок автомата. Над головой веером прожужжали пули и врезались в стену, но Белов действовал немного быстрее. Из сарая послышался крик. Прапорщик лежал на земле и прислушивался к отдалявшемуся шуму боя, угасавшему где-то на краю кишлака. Он полежал еще немного, потом вскочил на ноги и бросился в сторону от сектора обстрела, открывавшегося из дверей сарая. Все было тихо. Белов скользнул ближе, подскочил к изрешеченной пулями двери и пинком распахнул ее. На земляном полу увидел скрюченное тело бородатого мужика-афганца с бритой головой, рядом АКМ с прикладом, разукрашенным бисером. Прапорщик подобрал ещё горячий автомат, забросил его за спину.

В доме на развалившейся лежанке нашел ветхое одеяло, хотел прикрыть тряпкой убитого бойца, но во двор уже вбежал медбрат, рыжий хохол Мишка Шандра. Белов сунул ему бумаги погибшего, набросил одеяло на пробитую голову духа и вышел со двора. Сторожко брёл по пыльной улице. Вокруг все дышало недавним боем. Редкие чахлые деревца сгорели и, дымясь, разваливались пеплом. В широком арыке лежало несколько трупов. Среди разноцветных лохмотьев прапорщик углядел тело в ситцевом камуфляже и хотел было вытащить, освободить из мусульманского плена убитого солдата, но навстречу катил БТР с бойцами на броне. Белов махнул рукой, машина остановилась. Солдаты спрыгнули на землю. Прапорщик показал им дом, где находился Шандра с убитым солдатом, и зашагал дальше.

Вдруг совсем рядом хлестнула автоматная очередь. Из узкого переулка выскочил лейтенант Ключев и крикнул прапорщику: «Двое! Уходят к «зеленке»! Я — по дувалам, ты — сюда», — и, махнув рукой в переулок, откуда выскочил, ловко вскарабкался на стену и побежал по ней. Прапорщик кинулся в переулок, на ходу поправляя за плечом чужой автомат и жалея, что не бросил его в БТР. Он слышал над собой стрельбу, потом чей-то крик. Белов быстро перебежал от одной стены глиняного забора к другой, потом понял — наступила тишина. Он остановился, восстановил дыхание и настороженно прислушался. За спиной, с той стороны, откуда заскочил в переулок, загнанно хрипели солдаты с БТРа. Прапорщик, не оглядываясь, подал им знак остановиться, а сам крадучись пошел дальше, устремив автомат вперед. Поворот дувала, против всех ожиданий, был очень крутой, что абсолютно не соответствовало канонам восточной архитектуры, где все углы были сглажены и очертания строений напоминали замедленную киносъемку. Прапорщик выдвинул автомат за угол, кто-то схватил руками ствол и потянул на себя. Прежде чем что-то увидеть, Белов нажал на курок, автомат коротко рявкнул.

По стене сползала тонкая фигура, закутанная в серо-зеленую паранджу. Прапорщик кинулся к ней, опустился на колени, приподнял женскую голову и откинул с лица прикрывавшую его сетку. Совсем юное лицо с широко раскрытыми, немного раскосыми глазами, полными застывшего ужаса. Рот плотно сжат, и сквозь бледную узкую

полоску губ яркой струйкой на выдохе вытекала кровь. Подбежали бойцы. Один из них разодрал на девчонке паранджу, оголив тело до самого низа живота, ставшего сплошным кровавым месивом. Девочка еще с трудом дышала, рот ее смягчился, губы шептали горячно-невнятно, но их свела судорога, и вместе с последним выдохом из рта хлынул поток черной крови.

Прапорщик осторожно опустил голову девочки на землю и крепко прижал свои окровавленные ладони к глазам, смертельно уставшим за этот длинный день войны. Над собой он услышал голос лейтенанта Ключева, спрыгнувшего с дувала:

— Ладно, Леонидыч, пошли, брось ты...

Прапорщик молчал. Солдат, который разрывал одежду на девчонке, высокий, крепкий, удивленно прохрипел сорванным голосом:

— Что ж она, дура, за автомат хватается. Сидела бы дома, хрена по улицам шастать.

Белов поднялся, молча забрал у второго бойца саперную лопатку, сунул ему трофейный автомат, взял на руки убитую девчонку и побрел обратно в сторону арыка.

Он переступил через арык, прошел еще шагов двадцать и, опустив тело на землю, начал долбить слежавшуюся, спекшуюся под адским солнцем в монолит почву.

К нему опять подошел лейтенант:

— Леонидыч, брось ты ее, сейчас все равно духи повылазят, сами зароят... пойдём.

Прапорщик обернулся к Ключеву:

— Лейтенант, прошу, уйди отсюда, — и опять продолжил свою работу. Ключев пожал плечами и пошел на окраину кишлака, где уже выставляли боевое охранение, готовились к ночёвке.

...Этот сегодняшний бой был случайным, если на войне вообще бой может быть случайным.

Батальон послали на поиски двух упавших в горах вертолетов. «Вертушки» сбили пять дней назад, точных координат их гибели зафиксировано не было. Вот и шел батальон в поиск, точно не зная, где искать. За эти дни их только дважды обстреляли: один раз — из «зеленки», а второй — когда они двигались километрах в двадцати отсюда. В батальоне было много необстрелянных пацанов, впервые

вышедших на операцию. Шли колонной. Впереди два БТРа, за ними три «ГАЗ-66», и замыкали еще два «броника», а вдоль колонны все время мотался командирский уазик. Как только колонна втянулась в кишлак, блеснул разрыв, и сразу же вспыхнул головной БТР. С обеих сторон из-за дувалов затарахтели автоматы. Водитель головного БТРа отбросил загоревшуюся машину к стене и освободил путь другим. Из подбитого бронетранспортёра высыпали солдаты и, не останавливаясь, поливали вдоль глиняных заборов огнем из автоматов.

Прапорщик вскарабкался на тент «ГАЗ-66» и с силой швырял во дворы гранаты, потом решетил их из автомата и кричал молодым солдатам, съезжившимся в испуге на дне кузова: «Патроны, мать вашу, патроны!». Бойцы передавали набитые магазины и бросались наполнять опустевшие, сбрасываемые прапорщиком. Через несколько минут кишлак остался позади, и командир дал команду остановиться. Потеряли один БТР, «двухсотых» не было. Водитель машины сильно контужен, двум солдатам осколками посекло ноги: когда рванул взрыв, сидели на броне. Остальные отделались легким испугом и царапинами. Командир доложил в полк об обстреле, дал координаты и попросил забрать раненых. Колонна пошла дальше. Через час их догнали вертолеты. Один сел, забрал раненых и вновь умчался в высокое знойное небо, перед этим отстрелявшись по кишлаку.

После обстрела прапорщик долго разглядывал молодых солдат, читал на их лицах переживания, бурлившие в них. Испуг, удивление, ошарашенность, но панического ужаса, к счастью, не было.

— Ничего, мужики, прорвемся, — протянул парням примятую пачку «Памира».

Солдаты потянулись за сигаретами. Старослужащие привычными движениями набивали опустевшие магазины, спокойно курили, лишь изредка перекидываясь фразами. Они, как и прапорщик, знали, что если кто-нибудь из духов уцелел в кишлаке и добрался до «зеленки», то впереди их ждет еще не одна засада...

Так что этот сегодняшний бой был не случайным, а, скорее, закономерным. Вскоре, поужинав разогретой тушенкой, прапорщик залез под «шишигу» с установленным на борту минометом, придвинулся поближе к переднему колесу, под правую руку положил

автомат, левую сунул под голову и закрыл глаза. Солдаты и офицеры, не занятые в охране, тоже улеглись. Возились недолго, быстро принаравливаясь к неровностям афганской земли.

Белов забылся в тяжелом сне. Его тело напрягалось, кулаки стискивались, из горла вырывались хриплые стоны. Он переживал сегодняшний бой еще раз во сне. К нему приходили и убитые им люди, чтобы умереть опять от его руки, и убитые этими людьми парни из батальона, и эта девчонка, погибшая сегодня по случайности. Прапорщик побывал во многих боях, потерял многих друзей и бойцов, был сам дважды ранен и контужен. Казалось бы, смерть и кровь вошли прочно в его жизнь, но каждый бой и каждая смерть заставляли его мучительно переживать. В отпуске, отдыхая в Союзе, он мучился, и днем и ночью вспоминая пережитое на войне. Он и в армии слыл нелюдимым человеком, а в Союзе вообще дичился людей и предпочитал уединение. Окружающие, узнав, что он «из-за речки», пытались разговаривать его, но быстро отступали. Прапорщик ждал конца отпуска с ужасом и облегчением...

Внезапно сильно грохнуло. Сноп пламени и комя земли рванули рядом с санитарной машиной. За первым разрывом треснул еще один. Белов схватил автомат и юркнул глубже под машину, надо было разобраться в происходящем. Духи стреляли из безоткатных орудий со стороны «зеленки». Вокруг метались солдаты. Прапорщик заорал пробегающему мимо сержанту:

— Шинин, ко мне! Всем занять оборону!

Несмотря на грохот, люди услышали команду. Шинин влез под машину ближе к Белову.

— К каждому старику по два молодых, — отдавал распоряжения прапорщик. — Я буду у переднего края. Найдешь меня там. Все.

Шинин скользнул в ночь. С машины, под которой лежал прапорщик, солдаты начали обстрел из миномета, но крайне редко, чтобы не дать возможности духам пристреляться по вспышкам. Под «шишигу» буквально влетел Клюев, босой и безоружный. Вытаращенными от ужаса глазами он смотрел на автомат прапорщика и визжал:

— Огонь! Огонь!

Прапорщик выскочил из-под машины, оттолкнув в сторону Клюева, и побежал к передней линии обороны, где ни на секунду

не умолкала стрельба. Добежал до небольшой ямы, откуда бойцы поливали из пулемёта невидимого.

Вот-вот должна была начаться атака. Духи вели огонь плотно и вскоре вlepили снаряд в санитарную машину. Все, что там находилось, разлетелось в клочья, уносясь в разные стороны. На ноги Белова что-то мягко шлепнулось. Он оглянулся и при свете ярко горящей машины разглядел бесформенный, влажно мерцающий комок. Прапорщик протянул назад руку, схватил предмет, ощутив его теплоту и мягкость, и поднес ближе к глазам. Чья-то рука, оторванная ниже локтевого сустава, с ошметками мяса и кости. На обшлаге тлеющего рукава крепко пришитая пуговица. Белов осторожно положил руку на край ямы и сменил магазин...

Машина горела ярким факелом, освещала все вокруг, люди перебежали от арыка к машине, пытаясь сбить огонь. Духи усилили стрельбу, и им удалось подбить БТРы. Теперь гул взрывов, свист и визжание пуль, росчерки трассеров, стоны и крики слились в единое целое. Бой продолжался, с каждой минутой все усиливаясь и стервенея. Стволы автоматов и пулеметов раскалились. Люди уже не орали, а рычали по-звериному. Прапорщик видел, как вспыхнул «ГАЗ-66» («шишига»), где лежали боеприпасы. Он рывком выскочил из ямы и кинулся к машине. На ходу понял, что борт загорелся от санитарной машины, горящий обломок которой упал рядом.

Перепрыгнув через пламя, Белов вскочил на подножку и рванул дверь на себя. Из кабины вывалился водитель. Времени вытаскивать его не было, и прапорщик толкнул тело вглубь, втиснулся на место водителя, дал газ, выжал сцепление. Машина рывкнула, дернулась и скачком бросилась вперед. Прапорщик отвел машину от огня, из-за сиденья выдернул одеяло и, выскочив вон, прыжком кинулся к борту сбивать пламя. Огонь нехотя съезжился и превратился в тлеющие глазки. Подоспел боец с брезентовым ведром и залил обугленный борт. Прапорщик услышал гул винтов и увидел бортовые огни двух «вертушек». Они скользили над боем, но не стреляли, видимо, ориентируясь в темноте, сгущавшейся по мере удаления от позиций батальона. Духи уже не так уверенно вели огонь, и бой начал затихать. Вертолеты испугали духов, и те стали уходить к «зеленке», а затем

выше в горы. «Вертушки» еще немного покружили над батальоном, стрельнули несколько раз в сторону гор и ушли.

Прапорщик забросил автомат за спину и достал «Памир». К нему бежал Шинин. Он что-то кричал и размахивал левой рукой, свободной от автомата. Вдруг сержант рухнул на колени, переломился в пояснице, вновь вскочил, закружился на месте, отшвырнул автомат и, схватившись руками за левый бок, ткнулся лицом в землю.

Доктор, капитан Воцанюк, с помощью Шандры перевязывал раненых. Кроме Шинина, тяжелых не было. Так, легкие ранения и контузии. Мишка сказал, что Ключев ранен в руку, туда пошёл, мотнул головой.

Белов нашел Ключева и, закуривая, сел рядом с ним. Лейтенант уже был с автоматом и в ботинках, сидел, обхватив правой рукой левую, и тихонько раскачивался, изредка кривясь от боли.

— Лейтенант! — негромко позвал прапорщик.

Тот виновато поднял глаза.

— Во взводе Шинин тяжелый, — прапорщик замолчал, затягиваясь вонючим дымом.

Лейтенант сгорбился еще больше и молчал, потом вдруг быстро заговорил:

— Леонидыч, ты прости меня... Испугался я. Тут отпуск на носу, думал, что чуть постреляют — и все. Думал, боя не будет, а оно видишь как.

Прапорщик всматривался в лицо лейтенанта, бледное и серое то ли от боли, то ли от пережитого страха. Тот продолжал хриплым от озлобления голосом:

— Ты, прапор, лучше молчи. Мне до старлея неделя осталась, документы уже ушли. Если промолчишь, то за этот бой да за ранение мне какой-нибудь орден навесят. Хотя, — он попытался ухмыльнуться бескровными губами, — я скажу: «Зачем мне орден? Я согласен на медаль». Ты понял? В случае чего, у меня и на тебя кое-что есть. Девчонку зачем сегодня прихлопнул? То-то! Ключев уже совершенно осмелел:

— Ты ж ее вначале ..., а потом пристрелил и, чтобы не докопалась, похоронил...

— Ох и падал же ты, лейтенант, — не повышая голоса, перебил горячечную скороговорку Ключева. — Урод.

Офицер схватился было за автомат, но прапорщик, почти не размахиваясь, саданул огромным кулаком в подбородок снизу-вверх. Голова лейтенанта мотнулась назад, изо рта потекла тоненькая струйка крови. — Дерьмо ты собачье, — все так же спокойно продолжал прапорщик, — о своей заднице тревожишься, а то, что пацанов твоих положили, тебя меньше всего волнует. Какая же ты сука! — и, сплюнув, пошел разыскивать Воцанюка, разузнать, что с Шининым.

Комбат, майор Пожарищенский, сидел на корточках у радиации и курил. Левый рукав его бушлата тлел, распространяя вонь горящей ваты. Капитан говорил:

— Шинин очень тяжелый. Видимо, пуля пробила почку. Срочно нужна операция. Часа три-четыре он еще протянет, но никак не больше. Комбат отбросил окурок:

— Техники не будет. Все «вертушки» кинули на Панджшер. Началась большая операция. В лучшем случае, прилетят только к вечеру. Думайте, что делать будем.

Прапорщик кашлянул:

— Дай мне уазик. До Кандагара километров шестьдесят – семьдесят. Проскочу до рассвета.

— Ты что, охренел, что ли?! — вскрикнул комбат. — Перед Кандагаром «зеленку» днем не проскочишь безнаказанно, а ты ночью хочешь.

— Так ведь пока доеду, как раз светать начнет, — упрямылся Белов.

Майор помолчал, о чем-то раздумывая:

— Хорошо. Повезешь Шинина. Остальные в порядке, воевать смогут. Рвем оставшийся «газон» и уходим в горы, вертолеты-то все равно искать надо. Майор встал, досадливо отряхнул загоревшийся было рукав и пошел к своей чудом уцелевшей машине. Она была в порядке, только без стёкол, и несколько дыр виднелись в дверцах кабины.

Прапорщик вывел из кабины осколки, набросал между передним и задним сиденьями ворох бушлатов и медленно подкатил к раненым. Уложили на бушлаты покорного Шинина, осторожно

согнули ему в коленях ноги и захлопнули с обеих сторон дверцы. Прапорщик зафиксировал замки, чтобы во время пути дверцы не распахнулись. В это время Шинин пришел в себя, раскрыл глаза, полные мучительной боли, попытался облизать пересохшие губы, потянулся приподняться, но тут же вскрикнул от сумасшедшей боли и опять потерял сознание. Белов проверил автомат, затем взял автомат Шинина, вогнал в него полный магазин, положил на соседнее сиденье, пристроил рядом с десятком гранат и столько же автоматных рожков, скрученных парами между собой.

— Давай, Леонидыч, пробуй. Надо проскочить. Мы еще пару суток покругим по сопкам, а потом, наверное, домой, в часть, — комбат пожал широкую ладонь прапорщика и добавил: — Знаешь, сейчас по радиации сообщили, что у Вощанюка сын родился, побежал на связь, подробности узнавать. Брат его письмо получил и вскрыл... Ну все, хоп! — комбат хлопнул Белова по плечу.

Прапорщик проехал через весь кишлак, зорко осматриваясь по сторонам, но ничего тревожного не заметил. Люди, живущие здесь, затаились до утра. Он знал, что своих убитых и трупы душманов местные жители похоронили поздно ночью, и долго над их могилами заунывно пел мулла, и его молитву лишь изредка прерывал нестройный жиденский хор голосов: «Аллах акбар!».

Перед поворотом Белов увеличил скорость и проскочил быстро. Теперь дорога шла прямо, и он расслабил немного мышцы. Можно было теперь почти спокойно ехать до того кишлака, который разнесли вертолетчики. По обеим сторонам расстилалась пустыня, и даже сейчас, ночью, в предрассветной темноте, можно было прекрасно рассмотреть любой предмет, тем более если он двигался. Машина шла легко, хорошо отрегулированный мотор гудел ровно и монотонно. До рассвета оставалось около двух часов. На заднем сиденье зашевелился Шинин, прапорщик повернулся к нему:

— Ну, как дела, Андрюха? Жив?

Но Шинин, очевидно, не слышал вопроса, шептал: «Пи-и-ить...». Белов левой рукой удерживал руль, а правой, отстегивая фляжку от ремня, говорил раненому:

— Андрюха, а вот пить тебе Вощанюк запретил, только губы смачивать дал добро.

Отвинтив крышку, смочил водой кусок бинта и, протянув руку назад, к лицу Шинина, протер влажным тампоном потрескавшиеся горячие губы сержанта. Тот потянулся к влаге, пытаясь поймать хоть одну каплю, но прапорщик уже убрал бинт.

— Ты, Андрюха, потерпи, осталось немного, — решил Белов отвлечь раненого от боли. — Жаль, фары включить нельзя. На такой тачке на гражданке эти полсотни мы бы меньше чем за час мотанули. Как думаешь?

Шинин молчал.

Прапорщик заговорил вновь:

— Нам с тобой, Андрей, нужно только «зеленку» проскочить. Скоро кишлак, а от него до Кандагара километров тридцать. Действительно, впереди показались развалины, темнеющие бесформенной грудой. Он снизил скорость до минимума и осторожно въехал в растерзанное селение

— Господи, хоть бы дорога не была завалена, — взмолился прапорщик и тут же нажал ногой на педаль тормоза: перед машиной высилась груда хлама. Белов чертыхнулся, поставил машину на ручник и, не глуша двигатель, выскользнул из кабины. Сразу кинулся разгребать мусор, откидывать крупные камни, отбрасывать тряпье. Завал был небольшой, и минут через десять он расчистил неширокий, но вполне пригодный для машины проезд. Все время, пока работал, ни на секунду не ослаблял внимания, следил за окружающим его чужим безмолвием. Прошел немного вперед — дорога чистая, без завалов. Хотел было уже вернуться к машине, как услышал с правой стороны тихий писк. Белов резко присел, направив ствол автомата туда, откуда повторился звук. Через некоторое время опять пискнуло.

— Может, котенка придавило? — подумал он и, встав на ноги, осторожно стал подходить к куче тряпья, откуда доносился писк.

Подошёл вплотную, присел на корточки, оглянулся по сторонам, включил фонарик. Осмотрел тряпье, осторожно стал отбрасывать клочья материи, потому что знал, что духи любили ставить мины-ловушки в таких местах, где другому человеку и в голову не придет. Но тут вроде бы все чисто. Тряпье зашевелилось, и опять раздался писк. Приподнял тонкое одеяло и опешил. На камнях лежала мертвая женщина в парандже, с раздробленной головой, к груди она

прижимала застывшими руками младенца. Ребенок тыкался головой в окаменевшее тело матери, причмокивал губами и тоненько пищал.

Прапорщик с силой разжал руки женщины, потянул к себе ребенка, тот сразу же забился и закричал в руках Белова. Прапорщик метнулся к машине.

Вокруг все было спокойно. Шинин лежал тихо, без сознания. Прапорщик включил плафон освещения, положил ребенка на сиденье и только теперь понял, что тряпье, в которое завернут малыш, пропитано кровью. Белов знал, что командирский водитель — мужик запасливый, поднял второе сиденье, там нашел сверток абсолютно новых портянок, зимних, байковых, широких. Расстелил их на сиденье и подошел к ребенку. Малыш все еще плакал, по-взрослому всхлипывал и морщил мордашку. Белов принялся разматывать пеленки. Кое-где материя заскорузла от крови и прочно слиплась, приходилось с силой, но аккуратно ее раздирать. Когда убрал последние пеленки, ребенок, только что замолчавший, вновь закричал и задвигал ножками. Прапорщик охнул, будто его шарахнули по голове прикладом, оперся руками о приборную доску и спинку сиденья, стоял и смотрел на мальчика полутора-двух месяцев от роду.

Правая ножка была оторвана по колено и лежала рядом почерневшим инородным телом. Жалость горячо обожгла Белова, но он встряхнулся и осмотрел культю. Из раны медленно сочилась кровь. Водой из фляги смыл сукровицу, смазал рану антисептиком, потом йодом. Мальчик зашелся криком и беззвучно раскрыл рот, синел и дергаясь всем телом.

Белов резко дунул в лицо малыша (где-то слышал об этом) — и ребенок, передохнув, закричал с новой силой. От крика очнулся Шинин и посмотрел непонимающим взглядом.

— Пополнение у нас, Андрюха, — бормотал Белов, размышляя, сколько промедола можно ввести ребенку. Здоровому мужику вводят весь шприц, значит, пацаненку и четвертинки хватит, рассудил прапорщик и воткнул иглу шприца в бедро израненной ноги ребенка. Потом туго забинтовал культю, переложил младенца на расстеленные портянки и запеленал. Ребенок успокаивался, изредка глубоко вздыхая и попискивая.

— Да ты же лопать, наверное, хочешь! — осенило Белова, и он достал из бардачка банку сгущенки, вскрыл ее штык-ножом, свернул из бинта подобие соски, окунул ее в банку и сунул ему в рот. Мальчик зачмокал и закрыл глаза.

Только теперь прапорщик взглянул на небо. Звезд уже не было, и за дальними сопками угадывалось наступление утра. Белов еще раз окунул «соску» в сгущенку, дал ее засыпающему ребенку, смочил губы Шинина мокрым бинтом и уселся за руль. Теперь нужно было ехать быстрее: полчаса потеряно. Прапорщик ощущал прилив сил, появилось чувство, что все закончится хорошо. Вскоре впереди показалась кандагарская «зеленка», тесным коридором обступающая трассу. Теперь уже по обочинам дороги валялось много техники: сгоревшие «Уралы», перевернутые «наливники», разодранные взрывом и перевернутые БТРы, продырявленные юркие «ГАЗоны». У самого въезда в «зеленку», беспомощно задрав вверх колеса, лежал «МАЗ», он еще дымился, видимо, подорвали его вечером или ночью.

Прапорщик увеличил скорость, и машина понеслась вдоль виноградников. Автоматная очередь внезапно резанула металл над головой Белова. Он затормозил и сразу же сильно бросил ногу на педаль газа. Правой рукой хватая с приборной доски гранаты, зубами выдирая кольца и швыряя по разные стороны от машины гремучие заряды. Гранаты рвались позади машины, создавая страшный грохот в предутренней тишине. Когда гранат не стало, прапорщик высунул ствол автомата перед собой и, поводя им слева направо, давил на курок. От грохота ребенок проснулся и заплакал, сзади громко захрипел Шинин. От толчков его тело повернулось на простреленный бок.

— Терпите, мужики, терпите, — шептал Белов, пытаясь правой рукой сменить магазин, но от тряски тот съехал с колен, и никак не удавалось втиснуть новый. Прапорщик перестал делать попытки и сосредоточил все внимание на дороге, изрытой воронками от мин. Прямо перед машиной, метрах в пятнадцати от нее, на дорогу выскочили два духа и открыли огонь из автоматов. Пули защелкали по машине, и прапорщик вдавил тормоз в пол. Машина стала.

Белов почувствовал, как пуля вонзилась в его плечо. Он упал на сиденье, где лежал ребенок, и укрыл его своим телом. Ногу Белов старался не убирать с педали. Мотор потихоньку работал. Громко

стонал Шинин, а именно этого и хотел прапорщик. Он подтянул к себе упавший автомат и, стараясь не лязгать металлом, присоединил к нему новый магазин. О боли в плече он старался не думать, беспокоился только о том, чтобы в нужный момент рука не подвела. Попробовал пошевелить пальцами — все нормально, даже не очень больно.

Голоса приближающихся духов раздавались со всех сторон, но прапорщика интересовали только те, которые двигались от Кандагара. Когда голоса приблизились настолько, что Белов стал различать отдельные слова, он рывком втиснулся в кресло, и машина бросилась вперед, сметая все на своем пути. Белов даже не увидел, а почувствовал мощные удары, которые нанесла машина по приближавшимся духам. Теперь он высунул автомат через боковое окошко, направил ствол назад и дулил из него короткими очередями. Духи тоже стреляли, но беспорядочно и не целясь, и машина уносилась все дальше и дальше к спасительному повороту, за которым были видны склады ГСМ, а там — ребята из боевого охранения.

В машине орали все. Орал младенец, который хотел есть и пить, а может быть, действие промедола закончилось и ребенку опять было больно. Орал Шинин, орал от страшной боли и от желания мочиться, которое он подавлял всю дорогу, и теперь не мог себя больше сдерживать, орал прапорщик от восторга, что все получилось. Орал, чтобы не заплакать от жалости к своим погибшим бойцам, к убитой им девочке, к младенцу, спасением которого он купил себе индульгенцию, орал от боли, которая уже прочно поселилась в его теле. Так и мчались они орущей компанией навстречу удивленным солдатам-минометчикам из охраны ГСМ.

— Все, мужики, приехали, — севшим голосом просипел Белов, слабея телом, привалился к дверце, затормозил у ворот склада ГСМ, заглушил двигатель и потерял сознание.

* * *

Сразу за территорией госпиталя небольшой базарчик, вернее, что-то вроде обжорного ряда. Запахи легко преодолевали высокие кирпичные стены, дразнили, призывая уйти в самоволку. Впрочем, какая там самоволка? Куда денется солдат в госпитальном синем

одеянии, обязательно не по росту: либо со штанами выше щиколоток, либо — наоборот, закатанными, чтобы не волочились по земле. И все знали, что на базаре можно было за 15–20 копеек наесться от пуза только что вынутых из кипящего масла баурсаков, это такие шарики из теста, начинённые мясным фаршем. Или так же брызгающих жарким соком парочки чебуреков. Нам, не искушённому в восточной кухне парням, всё казалось божественно вкусным, особенно после казенных армейских харчей. И плов с щедрыми кусками мяса, и манты, и фичи (лепёшки с мясом), и шашлыки на коротких алюминиевых шампурах. Обязательным, совершенно бесплатным приложением ко всем блюдам была пиала салата из помидор и лука, тонувших в соке и масле, щедро присоленного и перчённого. Народ, торгующий на рынке, видимо, делал увеличенные порции для военных. Часто нам совали в руки овощи и фрукты, просто так; нередко предлагали и спиртного.

Не всегда удавалось проскочить в обжорный ряд, но грело ожидание того, что если не сегодня, то уж завтра обязательно туда попадёшь ...

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 2. МИШКА

Бой был мгновенно коротким, кровавым и беспощадно жестоким. Засада оказалась классической по замыслу и ужасающе простой по исполнению. Духи прятались в неглубоких расщелинах скал, обрамлявших подступы к пустыне, и в редких кустах виноградника...

Рота брела по испеченной солнцем пустыне в поисках сбитых вертушек. Точных координат не было, вот и шли почти наугад. Солдаты еле передвигали ноги, то забираясь на ненавистные бесконечные сопки, то спускаясь с них. Вода и продукты заканчивались, патронов оставалось по магазину на автомат. Раненые страдали от жажды больше других, время от времени кто-нибудь из них терял сознание и бесшумно падал в пыль. К ним немедленно подбегал медбрат Мишка Шандра, уставший не меньше остальных, и, весело балагуря, приводил в чувство упавшего. После этого раненые старались увеличить шаг и инстинктивно держались ближе к здоровым. Комбат видел, что батальон идет кучно, и понимал всю опасность такого марша, но впервые за все время службы здесь, на войне, не настаивал на том, чтобы солдаты держали интервал.

Во время последнего привала, когда солдаты быстро давились осточертевшей тушенкой и галетным крошевом, запивая эту пищу крохотными, экономными глотками теплой воды, комбат позвал офицеров к себе. Они отошли к подножию очередной сопки, на которую приходилось карабкаться после привала, и сели прямо на горячую землю. Комбат вынул последнюю памирину из помятой пачки, закурил и передал ее Вощанюку. Тот, в свою очередь, сделал две жадные большие затяжки крепкого дыма и передал остатки сигареты Ключеву, который, пользуясь правом последнего, не спеша докурил ее, обжигая пальцы, до самого конца и с сожалением вдавил окурки в пыль.

— Все, мужики, хватит, — заговорил комбат, сплевывая горькие табачные крошки, налипшие на нижнюю губу, — сегодня последний день поиска. До вечера продолжаем маршрут. Ночью вызываем «вертушки»... Как раненые? — спросил без всякого перехода у Вощанюка.

— В общем-то, неплохо, — ответил капитан, — устали сильно. У Ахмедова и Пшеничного раны плохие, загноились: грязь попала. Медикаментов нет. Сейчас с Шандрой последние бинты израсходовали, да вот еще один Ключеву оставили.

Об инциденте во время боя прапорщик Белов никому не рассказывал. Ключев знал об этом, но после той ночи вел себя замкнуто, старался меньше общаться с солдатами, не требовал большого внимания от Воцанюка. Он был ранен автоматной пулей в мякоть правого предплечья. Рана оказалась «чистой», то есть пуля прошла насквозь, не задев кости. Особой боли не было, и за эти дни рана затянулась тонкой розовой пленочкой, что с удовлетворением отмечал Ключев во время перевязки.

Капитан предложил лейтенанту сделать перевязку, но тот отказался:

— Да ладно, у меня бинт еще чистый: сегодня не кровило.

— Ну хорошо, — Пожарищенский встал. Поднялись и остальные. — Сейчас свертываемся, вернется дозор, и идем сюда! — Он ткнул указательным пальцем на вершину сопки, у подножия которой они только что сидели. — Сейчас нужно поговорить с солдатами, чтобы не шли кучно. Беду чую. Почему не было второго нападения? Ведь знают же, знают, гады, что у нас потери большие и машин больше нет... Здесь они где-то! Здесь... — убежденно вздохнул комбат. — Ключев, проверьте боекомплект, хотя какой к черту боекомплект!

Офицеры стояли молча. Ключев угрюмо, сосредоточенно смотрел на сопку, а Воцанюк был радостно улыбчив. Это немного раздражало майора, но он понимал состояние Воцанюка и спросил у него:

— Решил, как сына назовешь, капитан?

— Да нет еще, — счастливо улыбнулся капитан, — думаю, может, как отца, Сережкой?!

— Добро, — комбат хлопнул капитана по плечу, — а теперь вперед, вон уже дозор возвращается.

На далеком гребне холма показались фигурки солдат из дозора. С такого расстояния их можно было разглядеть только в бинокль, но и то помешало бы горячее марево, струящееся от земли. Да и единственный уцелевший бинокль был только у старшего дозора сержанта Князева, так что оставалось только терпеливо ждать новостей...

— Ключев, — окликнул майор уходящего к солдатам лейтенанта, — возьмите Шандру и еще двоих бойцов, пойдете в прикрытие. Если будут раненые, помогите санитарам.

— Вощанюк, пойдете в центре. Раненых рассредоточим между здоровыми. Я буду впереди. На сопку идем широкой шеренгой. Интервал не менее пяти метров. Все, идите. — Комбат пошел навстречу возвращающейся разведке.

Князев доложил, что ничего не обнаружили. За этой сопкой еще одна, немного выше этой. Комбат дал им десять минут перекусить и скоординировал марш.

Солдаты длинной цепью поднимались на сопку, охватив ее большим сегментом. Через полчаса они были на ее вершине и начали спускаться вниз, цепляя стоптанными каблуками ботинок землю. Пыль поднималась вверх и в полном безветрии медленно оседала, забивая и без того хрипящие легкие людей (**зримо!**). Перед ними раскинулась следующая сопка, такая же серая, как и все предыдущие, с редкими кустиками колючки и острыми каменными вкраплениями, которые встречались все чаще и указывали на близость гор.

Шандра шел, еле передвигая ноги. Он страшно устал, даже больше, чем все остальные, поскольку во время ночного отдыха большую часть времени проводил с ранеными: обрабатывал раны, колол лекарства (пока они были), перевязывал. Свою усталость Шандра гасил в себе и не показывал ее ничем. По своему характеру он был подвижный зубоскал, но беззлобный и отзывчивый. Врагов у него не было ни скрытых, ни явных. Даже дедовщина его не коснулась никоим образом ни в начале службы, ни теперь, когда оставались считанные недели. Родом он был с Западной Украины, речь перемежал мягкими украинскими словами, и, наверное, поэтому его самые острые шутки смягчались. Этот рейд был для Мишки самым тяжелым не только потому, что был последним, как им, дембелям, обещал замполит полка, но и потому, что уж очень много крови и смертей было за неделю с небольшим. Шандра дня три чувствовал приближение какого-то бедствия, но по привычке отгонял от себя это предчувствие анекдотами, которых он знал великое множество. Солдат и офицеров удивляла способность Мишки травить анекдоты часами и никогда не повторяться. Все ломали головы, откуда у него

столько?! А Шандра все рассказывал и рассказывал, но умалчивал об одном, что все его братья (а их у него было восемь) в каждом письме подбрасывали два-три свеженьких.

Шандру любили и уважали не только за его балагурство. Рука у него была легкая, что ли? Почти все раненые, которым он делал первую перевязку, очень скоро выздоравливали.

Мишка терпеть не мог безделья и скучал от вынужденного ничего-неделания. Первое время, когда только начинал службу в Афгане, он явился спасителем солдат и офицеров в жизненно важных вопросах. В полку была жуткая нехватка ложек. Мишка подобрал на аэродроме деревянные брусья от разбитой бомботары и за несколько недель нарезал ложек для всех, причем расписал их все восточным орнаментом, вписав в узор годы службы по григорианскому и восточному календарям. Многие хранили эти ложки как талисман и увозили, если удавалось, домой в качестве сувениров...

Чуть позже полк настигла другая беда: у старшины закончился табак, а самолет-почтовик с письмами и табачным довольствием был сбит духами при заходе на посадку кандагарского аэродрома. Во всем расположении полка невозможно было найти даже маленького окурочка, все было собрано подчистую, аккуратно ссыпан табак, и солдаты с офицерами курили вонючие газетные самокрутки.

Шандра в три дня вырезал на каждое отделение по трубке, и полк стал похож на казачий курень, когда люди закуривали по очереди и неумело затягивались из шандровских «люлек», как он сам называл свои изделия.

До армии Мишка закончил медучилище и вот уже почти два года был солдатским доктором...

Батальон медленно поднимался к вершине сопки. Шандра заметил, что Ахмедов все чаще оглядывается назад и ищет взглядом Мишку. Шандра догнал раненого и шел сзади него метрах в пяти, но все равно не успел подхватить рухнувшего ничком Ахмедова. Мишка подскочил к потерявшему сознание, перевернул на спину. Ахмедов сгорал в высокой температуре. Шандра ничем не мог ему помочь, кроме того, что смочил его губы водой из своей фляги и протер виски влажными пальцами. Ахмедов чуть приоткрыл глаза и начал вставать, медленно раскачиваясь и опираясь здоровой рукой о Мишкино плечо.

Шандра забросил автомат за спину, отобрал оружие у Ахмедова, и они последними взобрались на вершину.

В ложбине, между подножием сопки и тонкой полоской «зеленки», Мишка увидел обгоревшие останки двух вертолетов. Солдаты уже летели вниз во главе с комбатом, радостно размахивая руками и вопя во все горло. Даже Ахмедов воспрянул духом и заторопился вниз, отпустив Мишкино плечо. Шандра бежал за раненым, чутко следя за ним. Теперь уже склон сопки был почти весь каменистый, а за «зеленкой» высились скалы.

Солдаты сбежали в ложинку и бросились к вертолетам, но комбат был уже около машин и, подняв руку вверх, закричал: «Стой!». Все остановились, тяжело передыхая. Восторг сменился горечью. «Вертушки» лежали рядом друг с другом так, что лужи расплавленного металла слились в одно озерцо и тускло отсвечивали под солнцем. От машин остались только автоматы перекоса винтов и другие особо прочные стальные части, в том числе и вооружение. Все было закопченным и черным. В одном из вертолетов на месте кабины стояла фигура летчика, сгоревшего в адском пламени, со вскинутыми высоко вверх руками, истонченными огнем. Остальных пилотов не было видно, очевидно, они рассыпались в прах.

Комбат подошел вплотную к вертолету и внимательно осмотрел останки. Все вооружение было на месте, можно было спокойно сообщать в полк, но что-то все же тревожило его, какие-то неуловимые признаки того, что здесь кто-то был. Пожарищенский обошел вокруг места катастрофы, под ногой похрустывал хрупкой корочкой дюраль. Комбат подошел ближе к стоящему трупу и вдруг понял: вот оно! Подошва ботинок не издала знакомого звука раздавливаемого металла, а наткнулась на что-то твердое и пружинистое.

Пока Пожарищенский обходил «вертушки», солдаты столпились и, скинув автоматы с плеч, натертых до крови, присели, докуривая остатки табака. Во всем чувствовалось расслабление, рейд подходил к концу, скоро — в полк, домой. А там неделя отдыха, может быть, даже баня, горячая пища, свежая вода, хлеб, курево, да мало ли приятностей ожидает солдата в родном полку.

Шандра в это время опять склонился над вконец обессиленным Ахмедовым, тот лежал на спине, тяжело дыша. Мишка смотал с его

руки окровавленные бинты и отбросил их в сторону. Рана была в ужаснейшем состоянии, гной вытекал и края раны заметно расширились, поднимая красную волну припухлости все дальше и дальше. Мишка увидел Вощанюка и громко позвал его. Капитан подошел и вынул из подсумка единственный бинт, от которого отказался Ключев. Вощанюк бегом осмотрел рану и понял, что ампутация неизбежна, если, конечно, еще возможна. Шандра наматывал свежий бинт, ментально пропитывающийся резко воняющей жидкостью, и в это время грохнул взрыв, в клочья разнесший майора Пожарищенского.

Как только рвануло, духи открыли огонь из засады. Пули безжалостно косили растерявшихся солдат. Многие так и не успели поднять свои автоматы и замертво валились на землю. Мишка еще не успел понять, что произошло, как крупнокалиберная пуля перебила ему лучевую кость правой руки, на которую он оперся, чтобы встать после перевязки Ахмедова. Другие пули этого же калибра прошли все еще стоявшего Вощанюка, и он рухнул на Шандру, прикрыв его своим крупным телом. Больше Мишка не видел ничего.

А солдаты гибли... Ключев стоял на коленях и давил на курок автомата, поводя стволом из стороны в сторону, давил даже тогда, когда перестал ощущать дрожание оружия, и, получив пулю в голову, все равно давил на курок, пока смерть не ослабила его пальцы. В какие-нибудь пять минут все было закончено...

Шандра очнулся от резкой боли в руке. Тошнота подступала к горлу, обожженному сухостью. Хотелось пить. Мишка попробовал шевельнуть языком, но тот, казалось, распух до невероятных размеров и лишь больно дернул рот. Тогда он приоткрыл глаза. Все вокруг двоилось и троилось, раскачивалось и плыло куда-то вверх. Прежде чем вновь закрыть глаза, Мишка успел заметить, что неподалеку от него бродят люди, но кто они такие, не было ни желания, ни сил рассматривать. Прежде всего он решил определиться, что с ним произошло и что такое давит на него сверху. Он опять открыл глаза и увидел, что на нем лежит тело Вощанюка. Шандра попытался напрячься и сбросить груз с себя, но сумасшедшая боль заставила прекратить эти попытки. Он вновь расслабился, пытаясь удержаться в здравом рассудке: подавляя тошноту, напрягал слух. Его удивило, что он видел людей, но не слышал ни единого звука.

Через некоторое время в ушах появился легкий звон, а потом стали прорезаться искаженные звуки, то резко колющие перепонки, то затихающие. Стало труднее дышать. Мишка чуть повернул голову и приоткрыл рот. Сейчас же откуда-то сверху скользнула струйка тягучей жидкости и увлажнила его десна и язык. Шандра сначала обрадовался и проглотил немного, но тут же понял, что это кровь, и его опять тряхнули судороги в желудке. Мишка дернулся всем телом, и звуки ринулись в полном звучании в его мозг, больно раня его. Теперь Шандра слышал гортанную речь, одиночные выстрелы, и до него дошло, что за людей он видел.

Через узенькую щелочку век Мишка рассматривал дикую картину мародерства, вернее, только маленькую часть картины, окружавшей его. На том отрезке пространства, который он мог видеть, повсюду лежали трупы солдат. Духи ходили смело, не пригибались, не обращивались, громко переговаривались и смеялись. Они подходили к убитым, переворачивали их ногами на спину, стаскивали одежду, если она не была сильно испачкана кровью, забирали ценные на их взгляд вещи: часы, авторучки, портсигары и прочую мелочь, что обычно водится в солдатских карманах. Изредка духи стреляли одиночными в голову тем, кто еще показывал признаки жизни, или перерезали им горло широкими лезвиями кинжалов.

Шандра замер. Он лихорадочно вспоминал, где его автомат. Ни под собой, ни на себе он не ощущал ничего жесткого... И вдруг его осенило, что в санитарной сумке у него лежит граната, и пожалел, что не сможет ее достать. «Эх, достать бы сейчас эту гранату! — казнил себя Мишка. — Я бы вам, сукам, показал кузькину мать!». Сквозь щелку прикрытых век увидел подходящие к нему ноги, наискось перечеркнутые стволом автомата. Шандра успел рассмотреть еще новенькие мягкие сапоги, расшитые цветным бисером, и закрыл глаза. Теперь он слышал, как эти ноги вплотную подошли к его голове и пошли вокруг, уверенно вминаясь в песок. Мишка все время ждал выстрела, но почувствовал только грубый толчок в левый бок. Тяжесть, давившая на него сверху, исчезла. Шандра чувствовал себя совершенно голым и беззащитным под взглядом духа, но того привлекла португеза Воцанюка, и он, что-то бормоча, торопливо снимал ее. Мишка ничем не мог порадовать глаз духа,

так как весь был залит кровью капитана, создававшей иллюзию того, что Шандра мертв.

Очень скоро духи выпотрошили всех и, отойдя к обгоревшему винограднику, постелили на землю цветастые платки, уселись на колени и вознесли Аллаху благодарственную молитву. Потом они поднялись и скрылись в каменных россыпях скал.

Мишка долго наблюдал за ними, ловя взглядом то тут, то там выплывающие из-за камней чалмы и горько жалея, что стрельнуть в эти ненавистные головы не из чего.

Прошло около часа, прежде чем Мишка решился подняться с Ахмедова. Он сполз с остывшего трупа и сел. Голова раскалывалась от боли, тошнота давила все сильнее, истощенный организм не мог ничего извергнуть из желудка; до умопомрачения кололо в животе. И не только это сильно беспокоило Мишку, беспокоила правая рука. Теперь он взглянул на нее и увидел, что выше кисти кость раздроблена, а обломки ее торчат белыми зубьями сквозь черно-кровавую запыленную плоть. Шандра понимал, что срочно нужно промыть и забинтовать, но он слишком хорошо знал, что сделать это нечем. Он посидел еще немного, размышляя над тем, что ему делать, потом поднялся на ноги, придерживая изуродованную руку левой. Тут же он увидел свою сумку, затоптанную чужими ногами. Он поднял ее, с радостью ощутил в ней тяжесть гранаты. Мишка вытащил ее, сумку отбросил, ввинтил запал и сунул гранату в левый карман брюк. Теперь он почувствовал себя увереннее.

Мишка бродил среди убитых друзей, многих не узнавая, так как душманские пули разворотили их лица в кровавое месиво. Всех нашел, но никак не мог понять, где же Пожарищенский, пока не вспомнил, что все началось со взрыва. Теперь Мишка решил уходить вслед за духами. Наверняка где-то рядом есть кишлак, в который пошли духи. А если есть кишлак, значит, есть и дорога, по которой рано или поздно должны идти армейские машины. Мишка еще раз обошел место гибели батальона, но ничего из оружия не нашел, шарить же по подсумкам в поисках пищи и курева не стал. Только подобрал с земли широкополую офицерскую панаму и почти полную флягу воды...

Перед наступлением темноты Мишка нашел небольшое углубление в скале, прикрытое сверху плоским козырьком, улегся на не остывший

еще камень. Ночь пришла темная, прозрачно тихая, с ясным иззвезданным небом. Шандра чувствовал, что у него повышается температура и скоро он начнет замерзать. Планы на завтрашний день мешались в его голове. Вскоре, так ничего и не придумав, Мишка погрузился в болезненно бредовую муть тяжелого сна. Его трясла лихорадка, он что-то вскрикивал сквозь отуманенное сознание, пугаясь своих вскриков. Так прошла долгая ночь, и лишь под утро Мишка уснул на несколько часов, пока проклятое кругломордое солнце не начало раскалять воздух и камни. Шандра проснулся немного окрепшим, и теперь более оптимистически смотрел на ожидающие его впереди испытания. Рука ныла, изредка подергивая и покалывая иглами боли. Значит, рана загноилась, и теперь вопрос времени, будет ли у него рука. Эта мысль поставила Мишку на ноги. Он снял с себя ремень и, помогая левой руке зубами, увеличил его на всю возможную длину. Потом расстелил его на земле и, примерившись, улегся на спину так, чтобы застегнутый ремень плотно перехватил раненую руку. Ценой невероятных усилий ему удалось это. Немного полежав, отдохнув, Мишка встал, натянул панаму на голову, подобрал флягу и начал карабкаться вверх на скалу, имеющую удобный наклон для подъема, и трещины, достаточные для того, чтобы втиснуть в них стопу.

К полудню Шандра поднялся на вершину скалы, но не увидел с нее ничего для себя утешительного, а только следующую гору, гораздо выше этой. Мишка громко выругался. Делать было нечего, и он начал спуск. У подножия горы Мишка был к вечеру. За весь день он не встретил никого, кроме греющейся на камне кобры. Обошел ее от греха подальше. На этот раз он быстро уснул, разбитое тело требовало отдыха, но рана непрерывно дергала, и скоро Мишку затрясло. Ему не хотелось есть, но жажда вынудила еще днем выпить большую половину воды из фляжки, он испугался, что в беспамятстве выпьет остатки, поэтому, прежде чем улечься, он отбросил фляжку подальше от себя.

Эта ночь совершенно вымотала Мишку. Утром он еле смог подняться. На раненую руку он старался не смотреть. Она совершенно распухла, и каждое движение отдавалось в ней болью. Все тело ломило, хотелось лечь и лежать, лежать без движения...

Наконец Мишка вскарабкался на вершину. Под горой лежал небольшой кишлачок, а чуть дальше виднелась дорога. Он решил

дождаться темноты, чтобы пробраться поближе к цели своего пути, а пока лежал, напрягая зрение, рассматривал кишлак и дорогу. Дома в кишлаке были плотно прикреплены друг к другу и соединены общим широким дувалом. Мишка разглядел на одном домишке вывеску и понял, что это кантин.

Его всегда удивляли контрасты между нищетой и богатством в этой стране. В самом зачуханном канине можно было увидеть товары для нищего и богатея: от рваных лохмотьев до шикарных дубленок, от ручных ступок до «шарпов» последних модификаций. И это никого не удивляло и не смущало. Принцип один: на что есть деньги, то и покупай.

По дороге прошла колонна машин, и Мишка разглядел, что это местные «барбухайки», до невероятности разукрашенные и обклеенные разноцветными картинками. Так он пролежал долго, до тех пор, пока в кишлаке не закончился вечерний намаз.

Луна светила ярко, и Мишка спустился на противоположный от кишлака склон горы и пошел в нужном направлении. Но ноги плохо слушались его, и он все чаще и чаще присаживался на камни и терял сознание, вода давно закончилась, да и флягу он потерял где-то по пути вместе с гранатой, которую зачем-то вынул из кармана...

Перед восходом солнца Мишка увидел, что дорога находится прямо перед ним. Судя по большому количеству обгоревших, сброшенных под откос машин, движение было здесь интенсивным.

Неподалеку от себя, среди скального монолита, Шандра обнаружил довольно широкую щель и забился в нее, чтобы спрятаться от жалящих лучей солнца. Боль в руке почти не тревожила, просто горела привычным жжением. Не хотелось ни пить, ни есть. Оставалось только ждать, когда появится колонна военных грузовиков. Мишка уснул. Он не услышал, как по дороге прошла небольшая колонна «КамАЗов», охраняемая быстрыми «брониками».

Впервые за эти дни Мишка перестал бояться смерти, он перешел этот порог. Теперь ему было все равно, что с ним будет, и поэтому он крепко спал.

Проспал он около трех часов. Злое солнце уже плавало землю, и горячее струящееся марево дрожало над дорогой. Шандра открыл глаза, солнце тут же обожгло его мозг, и он попытался подальше

втиснуться в приютившую его щель. Вдруг Мишка услышал ниже себя голоса. Он осторожно высунул голову из-за камня и посмотрел вниз. На скальной площадке, через которую ему нужно было спускаться к дороге, расположились трое духов. Они установили крупнокалиберный пулемет, направив его ствол в сторону дороги, и теперь лежали рядом с ним, переговариваясь, ожидая добычу.

Духи были молодыми, с черными, негустыми бородками. В кокетливых тюбетейках, в зеленоватых шароварах и широких рубашках навыпуск, с надетыми поверх коричневыми жилетами, они были похожи на разбойников из «Тысячи и одной ночи».

Из-за поворота дороги, скрытого горной грядой, послышался гул моторов, только потом показались неясные силуэты машин, расплывающиеся в прозрачной ряби. Духи напряженно следили за вытягивающимися в сектор обстрела машинами.

Мишка крыл себя последними словами за потерянную гранату, которая могла разом перечеркнуть все старания духов. Теперь он мог уже разглядеть лицо водителя в головной машине, груженной снарядами ящиками. За этой машиной шли еще три с таким же грузом. Впереди и сзади колонны ехали БТРы. Под солнцем сияли стволы пулеметов, но стрелки не могли видеть духов, так как те были надежно спрятаны за камнями. Шандра надеялся, что под солнцем блеснет и оружие духов, но тщетно...

Мишка представил себе, что случится через несколько мгновений, как рванется в небо огненный смерч. И он решил...

Абсолютно бесшумно солдат выскользнул из своего укрытия, такого уютного и безопасного, пружинисто оттолкнулся от камней и, широко раскинув руки и ноги, бросился вниз на духов. Он упал прямо на пулемет, и молодой афганец, не ожидавший ничего, кроме скорой военной удачи, дернул курок.

Пулеметная очередь ударила в Мишку, вырывая из него большие куски, и сбросила его с площадки. Бесформенным комом падал Мишка вниз. И, уже умирая, он шепнул непослушными губами ласковое украинское слово:

— Мамо...

* * *

Кормили в военном госпитале вполне прилично. Плюс совсем забытые вилки и чайные ложечки, не говоря уже о белых скатертях и подавальщиках-«официантах» — солдат из выздоравливающей команды.

Ох и дураками же мы были, гордились, что раненым полагался на ужин творог со сметаной и сахаром и стакан кипячённого молока. Многие из нас не любили кипячёное молоко, отдавали его всем желающим, а вот творог — нет, лопали сами забытое с «гражданки» блюдо.

Действительно, уход был очень хорошим. Военные врачи, многие с большими звёздами на погонах, относились к нам не как к солдатам, просто, как к пациентам, по-доброму, с сочувствием и благожелательно. Может быть, именно потому и мы не допускали каких-то крупных «залётов».

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 3. ВОЩАНЮК

В то время, когда солдаты еще сладко потягивались в палатках, предвкушая недолгий отдых после затяжного рейда, разъяренный капитан Вощанюк шел от комбата. Несколько бойцов сидели в тени палаток, наслаждались прохладой раннего афганского утра, которое вот-вот должно было залить мир удушающей августовской жарой. Солдаты видели своего командира, но никак не могли увидеть связи между его злостью и своей дальнейшей судьбой.

Вощанюк подошел к палаткам и заорал:

— Старшина, подъем давай!

Прапорщик Губенко выскочил откуда-то из-за палаток и, длинно растягивая гласные, прокричал:

— Па-а-а-дъё-о-о-ом!..

Но все уже и так выстраивались на дорожке, всматриваясь в гладко выбритое лицо капитана, искаженное злостью. Вощанюк прошел вдоль строя и вернулся к его середине, когда почувствовал, что все двадцать бойцов готовы слушать его, немного помолчал и жестко сказал:

— Час на сборы! Выходим в рейд по «зеленкам».

Строй растерянно вздрогнул, но молчали, хотя обида душила. Обычно после рейда полагался хоть какой-то отдых. От услышанного разом почувствовали мгновенную усталость, навалившуюся после двухнедельного рейда по этим чертовым «зеленкам», из которого они только вчера вернулись. Командир это прекрасно знал и понимал, какие чувства возникали у бойцов, и поэтому уже более мягко добавил:

— Мужики, надо. Больше некому.

Разбродились. Завтрак прошел быстро. После рейдов завтрак обычно затягивался надолго, спешить-то было некуда, потом всех ждала почти настоящая русская баня, которую всегда устраивал сибиряк Сашка Мохов. А теперь — хрен всем, а не баня. Старшина выдал боекомплект и сухпай. Бойцы хмуро крепили «лифчики» и бронежилеты поверх гимнастеров, затягивали ремни, увешав их подсумками с магазинами,

и выходили опять на построение, но уже навьюченные как верблюды, изредка матерясь и сплевывая в уже раскаленную пыль.

На ночлег остановились в апельсиновой роще на небольшой поляне. Огней не разводили. Даже курить капитан разрешил только под плащ-палаткой. Старшина расставил караулы по разным сторонам тропы, ведущей к поляне, и все быстро улеглись, дожевывая галеты и сахар. Сон на войне или валит сразу, или долго не приходит, как бы за день ты ни умаялся. Воцанюк лежал с открытыми глазами, и чувство тревоги, поселившееся в нем утром у комбата, полностью захватило его. Что-то было не так, что-то уж слишком гладко прошел сегодняшний день. Комбат сказал, что срочно нужно прочесать территорию в районах «зеленки», потому что духи сильно активизировались у Кандагара, видимо, готовят прорыв перед осенней операцией. Поэтому все группы батальона были брошены на разведку.

В предыдущем рейде группа Воцанюка прочесывала противоположное нынешнему направление, и там были стычки с духами с первого же дня, но не сильные, без потерь... А сегодня никого и ничего, хотя район заселен довольно густо для Афгана. Но абсолютная тишина. Странно.

Воцанюк залез с головой под плащ-палатку, быстро выкурил сигарету и, вынырнув наружу, опять улегся. Через некоторое время старшина пошел менять караулы. Капитан дождался их возвращения и чуть задремал.

Он проснулся сразу, без привычного на гражданке перехода от сна к бодрствованию. Чувствовалось приближение утра, хотя и было еще непроницаемо темно. Капитан взглянул на часы, они показывали четыре. Эти часы ему подарил перед своим последним рейдом другой капитан Воцанюк, его родной брат. Теперь капитан берег этот «Омакс», чтобы отдать часы Серёжке — сыну брата, родившемуся за два дня до гибели отца.

Старшина спал рядом с капитаном, опершись о ствол апельсинового дерева, подложив под локоть правой руки неудобный, но надежный автомат. Воцанюк поднялся и, осторожно шагая, пошел снимать караулы.

...Оба солдата были мертвы. Капитан едва не споткнулся о труп одного из них, не заметив его в сереньком рассвете. Воцанюк опустил

на колени и перевернул солдата на спину. Литовец Юозас, молчаливый великан. У него было перерезано горло. Рана уже подсохла, но от движения вновь жирно залоснилась кровью. Второй труп лежал в трех метрах от Юозаса. Воцанюк перешагнул к нему. Тело лежало на спине, головы не было. Воцанюк знал, что это Славка Долгих — безобидный, толстогубый москвич.

Капитан осмотрелся вокруг, но ничего настораживающего не было видно в уже ясно проступившем рассвете. Воцанюк пошел в обход к другому караулу, почти не сомневаясь, что там произошло то же самое. По пути подумал, что надо было заскочить на поляну и поднять группу, но продолжал двигаться вперед, чутко всматриваясь и вслушиваясь в тишину рощи, поводя стволом автомата...

И этот пост был уничтожен: оба тела обезглавлены. Петька Глазов и Рашид Дурдыев лежали плечом к плечу, залитые обильной кровью, вытекшей из страшных срезов между плеч с белеющими костями позвончиков. Оружия с ними не было, как и у первого караула.

Теперь уже капитан ринулся через рощу прямо к поляне, почти не таясь. Безднадежность охватила его и заставила отказаться от осторожности, но он сдержал себя, и зашагал медленно по этой чужой, далекой от родины роще, без хрустких веток под ногами, без шуршащей листвы, без запаха прели.

По всей поляне лежали убитые, все семнадцать человек, застигнутые духами врасплох. Низкое еще солнце наискосок освещало поляну. Круг синееющего неба смотрел сверху на капитана, и Воцанюк вдруг услышал особенную тишину над этой поляной — тишину смерти, прерываемую интернациональным жужжанием мух, уже начавших свой мерзкий пир. Капитан ступил на поляну полностью опустошенный, уничтоженный случившимся. У его ног лежал старшина с разрубленной головой, его рука впилась в ногу мертвого солдата, с короткой щетиной черных волос на затылке и безжалостной раной на макушке. Дальше лежали трупы остальных ребят с широко раскрытыми глазами и ртами, разбитыми головами и порубленными телами. Кровь, еще алая, сочилась из ран, медленно сворачиваясь, рубиново поблескивая, подчеркивая невозвратность происшедшего. Все приняли смерть, не успев проснуться, крикнуть, выстрелить, увидеть убийц, понять происходящее с ними, попытаться спастись.

Духи ушли только что, их следы хорошо были видны кровавыми пятнами, они вели к близким предгорьям.

Вощанюк уселся на землю, тупо глядя перед собой. Жужжание мух усилилось, в деревьях зачвиркала какая-то тварь. Мутным взглядом капитан обвел поляну в надежде уловить какое-нибудь движение. Но нет. Все были мертвы, все семнадцать. Капитан понимал, что вернуться назад он не может и не хочет. У него есть только один путь — вперед. Он поднялся с земли и, не оборачиваясь, быстро пошел по следам душманов. Вскоре роща закончилась, и перед капитаном открылась панорама невысоких сопок, плавно переходящих в горы. Вощанюк приложил к глазам бинокль и увидел уходящий за первую сопку отряд, тяжело нагруженный добытым оружием. Он долго разглядывал и вычислял возможный маршрут духов и решил двинуться им наперерез по более труднодоступному пути. Почти бегом он пересек не очень широкую полосу пустыни с редкими кустами верблюжьей колючки и вошел в засыхающие заросли виноградника. На ходу сорвал огромную кисть прозрачных ягод и, не чувствуя сладкой прохлады, разжевал и проглотил виноград.

Сразу за виноградником капитан начал подъем на сопку, не на ту, за которой скрылись духи, а на стоящую рядом, и тут уже он не стал торопиться. В его голове возник план, который мог удасться только при холодном и точном расчете. Вобразившись на вершину, Вощанюк лег и в бинокль разглядел, что духи идут по тому маршруту, который он мысленно для них проложил. Он зло ухмыльнулся и чуть-чуть сполз вниз, чтобы какой-нибудь глазастый душара не засек его. Капитан закурил и расслабился, можно было не торопиться и отдохнуть перед большим броском наперерез убийцам его группы.

Увидев, как духи скрылись за другой горушкой, Вощанюк ринулся вниз, широко ставя ноги, изредка соскальзывая на камнях. Так он бежал долго, чтобы успеть до другого, выбранного им укрытия, пока духи не начали подъем на скальную гряду. Он успел и даже смог уже отдышаться, когда на фоне блеклого неба появилась голова первого душмана. Теперь у него для отдыха был почти час. Капитан решил проверить карманы и освободиться от лишних, теперь уже никогда не понадобятся ему вещей. В нагрудном кармане ополовиненная пачка «Родопи» и зажигалка. Из внутреннего кармана вынул

конверт, завернутый в целлофан, с надписью: в/ч п/п, Воцанюку Андрею Павловичу. В конверте — давнишнее последнее письмо от жены брата, и еще была маленькая записка Николая...

Гибель Николая, своего брата-близнеца Воцанюк принял как неизбежность, которую ждал изо дня в день, из месяца в месяц. Он сам летел на место гибели батальона, и сам же нашел тело брата, страшно изуродованное выстрелами в грудь. Под солнцем тела убитых раздулись до огромных размеров. Кожа плотно обтянула лица и руки солдат. О погрузке таких тел в «вертушки» не могло быть и речи, и была дана команда повторно расстрелять погибших.

Уже потом, в вертолете, Воцанюк нашел в кармане брюк брата записку, в ней Коля писал, что сына хочет назвать Серёжей. В нагрудном кармане куртки Андрей нашел еще одну такую же записку на случай, если тело разорвет пополам. Обе записки были залиты давнишней кровью. Андрей отмыл обе бумажки и одну отправил жене брата...

Воцанюк сжег конверт на огне зажигалки, потом снял с руки часы, положил их на камень и затылком автомата ударил по ним. Хрустальный «омаксовский» циферблат тоненько хрустнул. Андрей носком ботинка отбросил часы от себя. Все. Теперь уже прошлого для него нет, есть только короткое будущее. Ни пить, ни есть ему не хотелось, он просто пытался отдохнуть, но расслабиться не давала лихорадка нетерпения близкой и желаемой мести, которую он сдерживал до времени.

Андрей передвигался уже впереди духов, срезав путь через большую скалу, разбив в кровь пальцы рук и колени, но зато теперь духи были позади него, и он мог видеть их в любой момент. День уже близился к вечеру, чего с таким нетерпением ждал капитан. Он пожевал галеты, но не оттого, что хотел есть, а чтобы время быстрее прошло. Потом перебрался на другое место, где выкурил сигарету. Духи неумолимо двигались к тому месту, которое, по плану Андрея, должно было стать для них местом расплаты — могилой.

Солнце начало быстро сползать к горам, духи остановились, сбросили с себя поклажу и расселись на камнях. Андрей затаился совсем близко от них за большим камнем. Вскоре один из душманов вышел на каменистую площадку, повернулся лицом на восток и протяжно затянул привычную калему:

— Ля Иллях иль Альляху ва Мухаммед расули Аллах — Нет бога, кроме Аллаха, и Мухамед пророк его.

Остальные люди вынимали коврики и большие платки, расстилали их на земле и, встав на колени, покорно склоняли головы перед своим Богом. Мулла продолжал выкрикивать слова молитвы, а остальные в нужный момент нестройным хором вторили ему:

— Аллах акбар — Аллах велик.

Андрей, не таясь, вышел из-за камней, он знал, что правоверного очень трудно оторвать от молитвы-намаза. Перед ним были все двадцать духов, все те, кто уничтожил его группу, безжалостно порубив ее, не сделав ни единого выстрела. Андрей стоял над согнутыми спинами, и чувство мести, весь день подавляемое им, взяло, наконец, вверх — подствольник автомата коротко рывкнул, послав гранату в середину молящихся. Взрыв разнес чье-то тело, осколками наспиговывая ближних. Духи ошалело вскакивали с колен, а Андрей косил их, быстро меняя магазины, и швырял гранаты. Капитан стоял открыто, чуть согнув в коленях широко расставленные ноги и решетил ненавистные фигуры в широких блеклых одеждах. Всего минута понадобилось для того, чтобы уничтожить этих ненавистных ему людей. Андрей заорал от утоленной жажды мести, стоял и смотрел на страшное дело своих рук, и возбуждение разом схлынуло.

Капитан устало сел на камень, положил автомат на колени и закурил. Краем глаза увидел, как один из духов, тот, который начал молитву, приподнялся и потянул за ремень автомат. Андрей не шевельнулся, глубоко затягивался даже тогда, когда дух навел ствол на него.

Сигарета, быстро набухая каплей тягучей крови, бессильно всхлипнула, выстрелив последней струйкой дыма, и погасла в помертвевших губах капитана. Пуля ударила Андрея прямо в переносицу, он ткнулся головой в еще горячий автомат и медленно сполз на чужую, враждебную землю Афганистана.

* * *

Госпиталь жил почти фронтовой жизнью. Каждый день, вернее, по вечерам, от Тузельского военного аэродрома приходила колонна «таблеток» — санитарных машин с красным крестом в белом круге на борту. Из них выгружали «двухсотых» (убитых) и «трёхсотых» (раненых или искалеченных).

Когда пришла пора перейти в команду выздоравливающих, меня прикомандировали в приёмный покой. До поздней ночи мы таскали носилки с телами, причём не всегда понимали, труп лежит на окровавленном брезенте или всё же живой человек. Относили к душевым, там за них брались санитары, раздевали, смывали грязь, копоть и кровь, делали первые перевязки, и мы разносили живых по отделениям.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 4. ВИТЬКА

Оглушающий удар по голове бросил Витьку на колени и погрузил в тяжелое липкое забытье... Большой обломок скалы, сорванный взрывом с пятиметровой высоты, расколол Витькину каску и прокатился по обмякшей спине солдата, прочно приковав его ноги к земле. Щебень дождем прошуршал, засыпая могильным пластом разгоряченное боем тело. Из-под свежего холмика лишь слабо краснело лицо и белели кисти рук с ободранными до корней ногтями. Рота с хрипом ушла вперед, не заметив такой нелепой гибели Витьки. Сопя и потея, матерясь и стреляя из всех стволов, рота рвалась на гребень (кому нужной?!) скалы, откуда духи с именем Аллаха так же яростно отбивали от шурави кусок родной земли.

Роту вел начальник строевой части майор Стефанчук. Вот так случилось. Командир роты Сашка Бледных в третий раз лежал в госпитале — сразу после «свадебного» отпуска нарвались на бээмпэшке на мину, крепко трахануло о броню. Прапорщик Белов был в рейде под Кабулом.

Когда командир полка дал распоряжение идти на прочесывание, Стефанчук доложил, что никого из офицеров нет, а рота под командованием сержанта идти в поиск не может.

— Как никого нет? — возразил подполковник. — А ты что, уже не офицер? Разъелся на штабных харчах. Завтра в пять выходишь в горы с ротой Бледных. Возьмешь себе еще Веревкина в помощь. В общем, повоюете. Задача такая...

Но Веревкин идти в горы отказался, не прямо, конечно. Нажрался, гад дерьма какого-то, у него температура под сорок навалила, и остался он при продскладе «бдить и охранять», проявив при этом даже героизм: «Даже при такой высокой температуре в госпиталь не иду, не могу покинуть пост». Стефанчука уже третий день душила злорада: «Вот сволочь, кинул меня под винты одного, а сам, сученыш, к Надьке моей подбивает клинья».

Воспоминание о Надежде — новой официантке из столовой — напрочь испортило и без того хреновое настроение начальника строевой части, вызвав цепную реакцию злорады на еле шагающих и измотанных рейдом солдат.

— Вперед, мать вашу, быстрее шагать! — гаркнул Стефанчук, понимая, что и сам уже вот-вот свалится от усталости, но при этом сладко думая: «Уж теперь-то никто твякнуть не посмеет, что Стефанчук на халяву опять орденотк отхватил...»

Тут-то и резанули со скалы пулеметы. Можно было уйти, спрятаться за другой сопкой, но выиграло по-молодецки ретивое, и крикнул роте Стефанчук:

— Скалу взять! Духов выбить!

Вздрогнули, как боевые кони, солдаты и ринулись под защиту нижних складок скалы. Стефанчук — за ними, высоко подбрасывая враз polegчавшими коленями, а в голове мысль — хороша, та, которая, к сожалению, всегда приходит поздно: «Вот дурак, надо же было вот за той сопочкой прикрыться да вертушки вызвать».

Но дело сделано. Не будешь же команду отменять, тем более что солдаты взбрыкнули и на второй «этаж» скалы лезут. Один Стефанчук остался, солнце — хоть и январское, а полуденное — сильно греет, бежать, воевать мешает. Поднапрягся майор, догнал солдат, решил облагодетельствовать:

— Всем снять бушлаты. На обратном пути заберем! Тут бою на полчаса.

Ничто так сильно не расслабляет в бою, как заминка. Это как с женщиной в ответственный момент: вот все, она твоя, а тут — бац, звонок в дверь... Солдаты сбросили с себя бушлаты, парят под солнцем, а Стефанчук опять «вперед!» орет.

Взобрались на третий уступ солдаты. Духи, слышно уже, визжат, орут, из миномета долбят по шурави, но те пока скрыты от них. Вот сейчас и было время залечь и вызвать вертушки, даже солдаты ему, майору, подсказывать стали. Нет. Вперед! Не перечь мне, обезьяна! Вперед!

Последним карабкался Стефанчук, перед ним мелькали подошвы «Арены» — нахальные такие подошвы кроссовок, неуставные. В свое время Стефанчук такие раздолбоны устраивал офицерам и солдатам за неуставняк... Хорошо, Веревкин подсказал, что раздолбоны, оно, конечно, вещь полезительная, но в определенных условиях. Когда три дня назад утром Стефанчук вышел проверять роту в «адиках», солдаты почти с любовью посмотрели на него

и с его же позволения кинулись вынимать из тайников кроссовки и переобуваться, сбрасывая с себя абсолютно непригодные в горах ботинки на гладкоскользящей подошве.

Сопя, майор с трудом поднимался на каменный выступ — и тут соскользнула нога на ледышке, и рухнул бы вниз Стефанчук, но обхватила его запястье рука впереди карабкающегося солдата и помогла удержаться. Влез Стефанчук на выступ, сердце испорченным будильником верещит (хорошо!). Солдат уже дальше лезет, назад не оглядывается, а майор ему вслед: «Спасибо! Не забуду». Поднялись еще выше, а там дело к рукопашной идет, ломятся солдаты стеной... благо, пулемет заткнули, а от миномета в таком бою толку как от тех самых ботинок в горах. Но дух, который минометом заправляет, один черт, плюется снарядами, и сшиб он каменюку со скалы, рухнула она на Витьку, того самого солдата, что выдернул из лап смерти (ой каких холодных!) Стефанчука. Видел это майор, видел. Но слишком уж плотным показался ему огонь душманов. Залег Стефанчук за камнями и прицелился из автомата. Но куда стрелять? Солдаты как шли стеной, так и смели духов, всего-то десяток их было. Стефанчук стрельнул для порядка в небо весь магазин и покарабкался вверх к солдатам.

Начинало уже темнеть. Не полчаса понадобилось для боя, а почти пять часов. Потеряли десятерых. «Вертушки» вызывать майор запретил, приказал трупы взять, собрать трофеи и спускаться вниз. Солдаты почти в открытую огрызались, со злобой собирая духовское оружие и сбрасывая его вниз. Оставили только три автомата и красивый маузер с деревянной кобурой, который Стефанчук тут же нацепил на себя. Взвалили солдаты трупы товарищей на плечи и сунулись было вниз. Ан нет! Духи-то капкан закрыли, и без бинокля видно, как они, хитрюги, «безоткатки» на прямой прицел вывели. Что тут началось! Дым, огонь, грохот, осколки, то ли снарядные, то ли каменные над головой шныряют. А главное, что обидно, из автоматов бить по ним бесполезно, все равно что из трубочки пшеном плевать. Миномет бы, да нет его, улетел вместе с парой РПК вниз со скалы... Не рискнул Стефанчук солдат вздрючить за это. По связи вымолил майор «вертушки», а ночь — вот она подлая — все темью укрыла, морозцем прижимать стала. Духи понимают, что вниз шурави ходу

нет, но для остротки через некоторые промежутки лупят по скалам, головы поднять не дают.

До утра промерзли на голом камне солдаты, отмораживая носы и уши, руки и ноги. Будет работка хирургам! Стефанчук всю ночь глотал спирт, спрятавшись за штабель трупов. Так и грелся всю ночь. К утру надрался в стельку. Растолкал заиндевевших солдат, но они лежат, не шевелятся, только постанывают от боли, глаза не открывают. Понял Стефанчук: хана ему, если ничего не придумает.

Духи уже ушли, оставив после себя стреляные гильзы. От восходящего солнца прямо на Стефанчука шла пара вертолетов. Голова у майора хмельная, легкая в мыслях. Отошел Стефанчук в сторонку, за выступ скалы спрятался, вынул весь запас бинтов и ваты, приложил к мякоти ляжки и долбанул сквозь тампон из трофейного маузера. Ноге стало горячо. Маузер подальше закинул вместе с кобурой и бинтами, испачканными пороховой гарью и кровью. Выполз из-за выступа и хрипит: «Духи!». Солдаты задвигались словно в воде: автоматы хватают, а руки не держат, вскочить хотят, а ноги не сгибаются.

Вскоре «вертушки» подлетели. Первая и вторая всех на борт взяли, как замерзшие бревна, на пол побросали людей. Третья подошла с другой стороны. Стефанчук показал, где оружие бросили, шмотки, и улетел в Кандагар.

Не нашли ничего внизу солдаты из спасательной группы, все духи с собой унесли. Возвращались назад и услышали — стонет кто-то. Бросились искать, нашли Витьку живого, но почерневшего, с лицом и руками замороженными. Погрузили и его в вертолет и полетели в Кабул с дозаправкой в Газни.

Лежал Витька в госпитале месяц. Две недели в себя не приходил, лежал, глаз не открывая и слабо дыша. Доктора уж и рукой махнули: вряд ли... Оклемался Витька, но молчит, ничего говорить не хочет, да и не может. Через месяц его отправили в Ташкент, в триста со-роковой госпиталь.

Стефанчук проявил себя героем, даже в госпиталь не лег. Пулю из него вынули и опознали в ней вражескую, из маузера, хотя и дивились эксперты из особого отдела, слишком уж в упор стреляли. Но свидетелей нет, а на нет... Стефанчук доложил «как все было» командиру и пошел к себе в строевую часть похоронки писать и отпуск

себе оформлять. Не дрогнула рука офицерская даже тогда, когда подписывал сопроводительные бумаги для военкоматов на организацию бесплатных похорон, не дрогнула даже тогда, когда вспомнил он того солдата, что из пропасти его выдернул, а потом под камнем лежать остался. Кесарю кесарево.

Витькины затерялись документы, нет нигде. С одеждой изгаженной, окровавленной сгнули его бумаги, историю болезни ведут бесфамильную. Молчит солдат, хотя по глазам видно, что все соображает-понимает. Лежит Витька в белой палате, в белой постели, уплетает все подряд, все вкусно. И стукнуло ему в голову: «мама», а чуть погодя «папа!», и брата вспомнил, и всех бы родственников так пересчитал, но вырвался из него крик: «Домой хочу!». Засуетилась дежурная сестра, побежала к ординатору. А из Витьки прет двухмесячное молчание, обо всем рассказать хочет. Хорошо, хоть укол ему дали, уснул солдат.

Через две недели дали Витьке месяц отпуска с учетом дороги, выдали новую парадку, сухпай на три дня, помогли взять билет на поезд в общий вагон. И протрясся Витька в поездах до своей родной Сибири. Благо, люди добрые везде есть, не дали с голоду опухнуть. Развеселые нефтяники и водочкой потчевали, но плохо стало парню, и не стал он пить больше. Ребята пытались разговорить Витьку, но он отмалчивался, а ночью пришел поезд на любимую таежную станцию — центр Витькиной вселенной. Вышел он на заснеженный перрон с мартовской коркой льда, сунул руки свои страшные, без ногтей, в карманы шинели и зашагал по знакомой темной улочке к своему дому, выбросив напрочь из головы то, что через три недели должен явиться назад, в Кандагар.

Не знал Витька, что уже прошел с той поры месяц, как похоронили его родители, и ежедневно они обивают порог военкомата, выясняя, когда же тело его пришлют, ведь в похоронке сказано «погиб», а не «пропал без вести». Не знал еще Витька, что после отпуска мать его увезут в районную больницу и похоронят ее очень скоро — не выдержит материнское сердце. А на похороны его не отпустит подполковник Стефанчук, поясняя это тем, что до дембеля три месяца осталось. Пока совсем вернется домой Витька, младший брат уйдет в армию и попадет в Киев, на Чернобыль. Не знал, что у отца ноги

после смерти матери откажут, носить перестанут. Всего-то два месяца батя порадуется на здорового, живого Витьку и уйдет вслед за мамой.

В 92-м летом будет отдыхать Витька в Старой Рузе в реабилитационном центре для афганцев и встретит там полковника Стефанчука, вмиг узнавшего Витьку и быстро уехавшего из санатория неизвестно по какой причине.

* * *

Старший лейтенант. Направлен в хирургию. Нет правой ноги. Укрыт по грудь простыней. Руки — поверх. Простыня, проваленная в безногом месте, постоянно пропитывается чёрно-красным, кровь капает сквозь брезент носилок. Лейтенант при памяти, что-то шепчет постоянно, кривится от боли и крутит в руках нательный крестик на цепочке. Это так странно, крестик и офицер, как-то нелогично, неправильно, поскольку религия и советская армия никак не овместимы.

Нести старшего лейтенанта тяжело. Остановились передохнуть. Напарник закурил в сторонке. Старлей глазами показал, чтобы я наклонился к нему. «Возьми, — слабо прошептал он, — возьми! Может быть тебя Он спасёт». Выронил из ладони крестик и закрыл глаза...

Позже встретил этого офицера, когда он хмуро сидел на скамейке в засыпанной осенней листвой аллее. Попытался вернуть крестик, но бывший хозяин резко отказался.

Не сохранился крестик, затерялся где-то. Если бы на шее носил — уцелел бы. А так, перекадывал из кармана в карман. Вот и обронил где-то. Но, кто знает, может, сохранил меня подарок инвалида — старшего лейтенанта.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 5. ИГОРЬ

Игорь дружил с Витькой уже почти год. Раньше они друг на друга почти не обращали внимания. А однажды вместе попали в плен к духам. Глупо попали, у самого подъезда к кандагарской «зеленке». Заглох двигатель «Урала», и Игорю пришлось остановиться. Колонна дальше пошла. Ремонтная машина подскочила, прапорщик, начальник ремонта, матерится. Да и как не ругаться. Двое суток шли колонной из Газни — ничего. А здесь уже почти дома — и на тебе. Охранение боевое тоже укатило. Да и что охранять, склады ГСМ под носом. Машины с поста видны как на ладони. Витька — водитель ремонтной машины — вытащил из кузова ящик с инструментом, и ребята начали колдовать над заупрявившимся «Уралом». Все излазили ребята, нашли причину, устраняют. Прапорщик ушел на склады за свежей водой, сказал, что туда и обратно, и чтобы они машину к тому времени на ноги поставили. Рядом с машиной ребятня афганская кружится, бакшиш у шурави клянчат. Игорь отдал им свой оставшийся сухпай, а Витька почти полную пачку «Памира» бросил. Пацаны визжат от радости, но не уходят, еще попрошайничают. Ничего нет у солдат больше. Хэбэшки с себя сбросили да в кабину спрятали, а то не углядишь — враз детвора утянет, отчитывайся потом перед старшиной. Возьются Игорь с Витькой, гайки крутят, ничего вокруг себя не видят. Одуревшее солнце металл плавит, прикоснуться не дает, но у Витьки на этот случай всегда есть несколько пар холщовых рукавиц. Спрыгнул Витька с подножки, другой ключ понадобился, а Игорь гайку прижал и ждет, когда же Витька наконец ключ принесет. Заметил вдруг Игорь, что тишина наступила, и холодом отчего-то по всему телу повеяло. Отпустил он проклятую гайку, которая никак не хотела на место встать, и выпрямил спину.

От усталости и неудобной позы в глазах разом потемнело, и поплыли перед глазами фигурки микроскопные, прозрачные. Схватился за зеркало Игорь — прошла мгновенная слабость — и увидел он Витьку, лежавшего в пыли вниз лицом, а под левой лопаткой у него узкий напильник торчит. Слетел с машины Игорь — про автомат свой, что в кабине лежит, вспомнил, но прежде к Витьке кинулся. Только наклонился над телом товарища, как почувствовал на шее

веревку. Еле успел под петлю пальцы просунуть, как сильный рывок протащил его по бетонке, обдирая до костей спину. Перед тем как удар в лицо вышиб из него сознание, увидел он двух бородатых мужиков, а неподалеку от них стайку притихших пацанят-попрошак.

Очнулся Игорь под вечер. Солнце садилось за знакомые очертания гор. Руки стянуты сзади крепко-накрепко, во рту промасленная тряпка торчит. Стертая спина горит огнем. В голове гул тошнотворный. Осторожно заворочал по сторонам головой Игорь. В подвальной темноте глинобитного домишки разглядел Витьку, также связанного и таращившего глаза. Попробовал Игорь кляп изо рта выпихнуть, но духи еще сверху веревкой перетянули. Витька упал на бок и, извиваясь червяком, пополз к другу. Придвинулся вплотную и зашептал:

— Влипли мы, Игорек!

Как будто Игорь сам этого не понимал, но замычал согласно, как, мол, ты от кляпа избавился? Да пока Витька полз, веревка соскользнула с кляпа, вот и выплюнул его. Чуть постанывая от боли, потянулся губами к Игорю, как будто поцеловать его хотел. Впился зубами в веревку, охватившую лицо Игоря, и начал ее распатывать, ослаблять ее узел. Веревка толстая, крепкая, противно скользила под зубами. Наконец Витька справился с нею, начал тянуть кляп. Игорь изо всех сил толкал распухшим языком вонючую тряпку и, как только она выпала, попытался сплюнуть противный привкус. Но наждачный язык только ободрал сухое нёбо.

Сколько ни бились, сколько ни елозили ребята по глиняному полу, никак не получалось у них растянуть и распутать зубами хитроумные душманские узлы, только подсыхающие раны опять кровью наполнились и больно ныть начали. Сели тогда плечом к плечу солдаты и тихонечко зашептали. Витька рассказал, что, как только он за ключом прыгнул, над ящиком наклонился, увидел, как тень мелькнула, и острая боль пронзила под левой лопаткой. Всего лишь чуть успел Витька отклониться, но эта малость спасла жизнь. Под другим углом, не в сердце, вошло жало напильника, по ребрам скользнуло, убить не убило, а сознание выбило.

Рассказал и Игорь свою грустную историю. Заскучалось ребятам. Жизнь к концу подходит, а даже закурить нельзя. Понимают, что, если уж к духам попали в руки, живыми не уйти. А обиднее всего то,

что из окошечка знакомые горы видны. По изгибам вершин точно определить можно, где стоит их полк, да и не только полк, но и палатка где родная — сказать с точностью до метра можно.

Вскоре стемнело. Руки и ноги занемели до деревянности, хоть и пытались ими шевелить по Витькиному совету. Начали было говорить о доме, но только тошно стало, хоть вой на луну, такую огромную, ясномордую, чем-то на «кантинщика» Али похожую. Услышали ребята, как где-то неподалеку мулла проплакал призыв к вечернему намазу. Значит, уже скоро. Как только перед Аллахом за день отчитаются, так за ними и придут правоверные. В абсолютной тишине, остро ударив по нервам, скрипнула расшатанная дверь. В комнату ввалилось несколько человек. Первым вошел тот самый мужик, что чуть не вышиб мозги из Игоря. В руках у него светила «летучая мышь». Видно, сильно душманов обидело, что шурави, не уважая их труда, кляпы изо рта повытаскивали. Ох и били же солдат. Пинали их ногами, хорошо, хоть чувяки мягкие, но все равно пытались побольнее пяткой врезать, Игорь долго не мог сознание потерять, желая этого больше всего на свете.

Витька тоже хрипел, вполне осознанно, сквозь новый тугой кляп. Когда хрустнула лучевая кость у Витьки, тогда только он замолчал, безвольно перекатываясь телом под футболящими ногами.

Игорь прижимал локти к ребрам, втягивал по-черепашьи голову в плечи, подтягивал колени к груди, но все это мало помогало. Вспышки боли пронзали до удивления ясный мозг. Игорь понимал, что боль в боках — это сломанные ребра, не дающие глубоко вздохнуть между беспорядочными ударами. Наконец он отключился. В голове что-то ярко вспыхнуло, наливаясь белым светом, и тут же погасло.

Игорь приоткрыл глаза. Сквозь распухшие веки при керосиновом свете лампы увидел он порыжевшие носки мягких сапог с трещинкой у самой подошвы, попытался приподнять голову, но треснувший носок сапога врезался чуть пониже глаза и новые удары многих ног сбросили Игоря в тот черный тоннель, из которого он только что пытался выбраться.

В следующий раз Игорь открыл глаза, когда услышал (как будто сквозь вату) стрельбу. Безучастно наблюдал он за размытыми фигурами, мечущимися перед его глазами, то наплывая, то исчезая,

удивляло только то, что почему-то смотрел он на все вниз головой. Потом в госпитале Витька рассказал, что духи собирались увезти их в горы, перекинули уже через седла, сами уже на коней сели, да налетели ребята прапорщика Белова с ним во главе и крепко дали духам, те не успели смыться.

Отлежались ребята в госпитале больше месяца, срослись полomанные кости. Пока валялись на больничных койках, посещали их строгие офицеры — особисты, но ничего не сумели вменить солдатам, отступились, слишком малый срок для предательства, всего четыре часа в плену побыли. С тех пор и стали не разлей вода Игорь и Виктор. Продолжали ходить колоннами из Кабула на Газни, из Газни на Кандагар, из Кандагара на Шинданд. Везде, где могли пройти колеса машин, побывали они — в Баграме, Мазари-Шарифе, на Саланге, Чарикаре. Во сне видели эти маршруты.

В этот раз шли из Шинданда на Кандагар, везли двадцать тонн огурцов и помидоров, которые в качестве шефской помощи Ташкентский горком комсомола выделил. Не только, конечно, фрукты-ягоды везла колонна грузовиков, но и доски, и кирпич, и цемент — все, что нужно для постройки модулей.

Как всегда, возглавлял «нитку» танк с тралом впереди, и время от времени тяжеленный металлический каток с легкостью мяча подскакивал на разорвавшейся мине. Над колонной со свистом носилась пара «Ми-24», зорко следящая за сопками и близкими к дороге кишлаками. Дорога была хорошо известна Игорю, но это нисколько не расслабляло, потому что ее рельеф бесконечно принимал новые очертания благодаря минной войне. Задача была одна — держать колею. «Урал», который вел Игорь, шел последним в тяжелогруженной колонне, за ним шли пять порожних грузовиков, ремонтная Витькина машина, а за ней катил БТР, ни на миллиметр не сходящий с накатанной идущими впереди машинами колеи. Впереди Игорь увидел вспухающее облако разрыва, и тотчас же последовала команда остановиться. Игорь нажал на тормоз, закурил, поглядывая в зеркало заднего обзора. Приказали всем заглушить двигатели и погрузить мешки с цементом с подорванной машины на запасную. Подождали, пока танк пробьет новую колею для прохода пустой машины, и быстро стали перебрасывать тяжеленные мешки

из кузова в кузов. Игорь видел, как Витька с другими солдатами из ремвзвода, торопясь, снимал колесо, вывороченное взрывом, из переднего моста машины. Когда закончили погрузку, начальник колонны, майор, отогнал ремонтников от машины и, щелкая затвором «ФЭДа», начал снимать машину со всех сторон, стараясь избежать при этом попадания в видоискатель номера.

Все понимали, что командир делает снимки впрок. Дело в том, что подорванную машину, если она полностью вышла из строя, очень трудно списать. Для этого нужно оформить гору документов. Проводятся расследование, опросы свидетелей, требуются фотоматериалы. О чем думают там, в Министерстве обороны?! Это хорошо сейчас, т.к. обстрела нет, и командир снимает и снимает, а бывает, что голову не высунешь, и, рискуя жизнью, лезут люди под огонь, оправдания для себя добывать.

Колонна пошла дальше, змеей проползая мимо подорванной машины, ремонтников и БТРа, оставленного для прикрытия. Вертолеты нетерпеливо сновали над колонной, изредка выстреливая желтыми вспышками тепловых ракет и постреливая из пулеметов в какую-то видимую им одним цель. Проезжая мимо Витьки, понуро стоящего у машин, Игорь коротко гуднул и махнул рукой, Витька в ответ что-то прокричал и тоже помахал.

Часа через три отставшие догнали колонну на привале. Витька пришел к Игоревой машине и устало плюхнулся в пыль, прислонясь спиной к заднему колесу, от которого падала тень. Подошел Игорь, не скрывая радости, хлопнул Витьку по плечу, вынес из кабины сухпай и термос с горячим отваром из колючки. Обедали быстро. Съели банку минтая в масле, банку сгущенки с галетами, запивая все это желтым пойлом. Покурили Витькины «Мальборо» из НЗ. Всегда курили их, как только Витька догонял колонну. Традиция такая появилась у друзей. Подошел к ребятам испуганный солдат-водитель подорванной машины. Страх до сих пор так и сочился из глаз. Молодой, необстрелянный еще. Первый раз в рейсе.

— Спасибо, сержант. Ты извини, что не смог вести машину. Испугался сильно. Руки, понимаешь, трясутся.

— Да ладно, садись, — кивнул Витька. — Есть хочешь?

— Нет, спасибо, не лезет, — жалко улыбнулся солдат. — Я бы покурил.

Витька протянул ему пачку. Солдат присел рядом с ним и, с интересом разглядывая быстро тлеющую сигарету, медленно затянулся. Покурил, с виной в голосе сказал:

— Ну я пойду. Спасибо, — поднялся с земли и пошел, неловко переставляя ноги, всей своей фигурой выказывая неловкость от того, что его воинскую работу выполнил другой.

После привала шли уже второй час. Машины втягивались в неглубокое ущелье с обширными зарослями «зеленки». «Вертушки» продолжали молотить знойный, густой воздух желто-зеленого неба. Жаркий ветер ничуть не помогал избавиться от тяжелой духоты в кабине, густо пропахшей бензином. Автомат дребезжал в зажиме. Игорь пожалел, что забыл подтянуть винты. Он вел машину, а в голове роились разные мысли. Есть тайна одна у Игоря. Он никому не открыл ее, даже Витьке, стыдно почему-то было. Дело в том, что в Бога поверил Игорь. Ну, может, не поверил, а все же... Зажали однажды колонну духи перед Баграмом. Молотили со всех сторон из пулеметов, минометов, безоткаток, автоматов, базук и прочей стреляющей дряни. В клочья рвали машины и людей. Ми-8 пытались сверху отбить нападение. Да куда там! Один сбили духи почти сразу. Видел Игорь, как метнулась какая-то штуковина к «восьмерке», волоча за собой длинный дымный хвост, и врезалась в правый бок вертолета. Моментально вспыхнула машина, превратилась в ярко-красный шар с черными полосами просветов и рухнула камнем в голову колонны, прихватывая два «Урала». Вторая «вертушка» еще побесновалась над духами, отстреливаясь тепловыми ракетами, а потом легла на левый борт и, блеснув под солнцем блистерами, ушла от боя в сторону баграмского аэродрома. Видимо, боекомплект закончился. Что тут началось! Духи палили бесконечно, лупили по почти беззащитной колонне, хотя солдаты и огрызались автоматным и редким пулеметным огнем.

Бээмпэшки почти сразу же подбили, и они дымили, бесполезно задрав к небу пулеметы. С «ГАЗ-66» тоже вначале квакал «Василек», забрасывая мины. Но духи спокойно брали колонну в кольцо и очень быстро разнесли «газон» в куски. Игорь залег за передними

колесами, пробитыми еще в самом начале боя, и выцеливал автоматом мечущиеся недалеко фигуры. Скоро патроны закончились. Понял Игорь, что из колонны уже никто не стреляет. Духи шли почти в открытую, простреливая насквозь притихшую истерзанную колонну. И было в их наступлении что-то такое неумолимое, что стальным штырем пронзило сердце Игоря. Посмотрел он по сторонам — никого живого не увидел. Дымит колонна, языки пламени подбираются к его машине, а в ней снарядов нурсовских три тонны. Онемел от страха липкого Игорь, шевельнуться не может. А задний борт чадить начал. Детство почему-то промелькнуло перед Игорем, так быстро и пронзительно ясно губы, одеревеневшие сами по себе, непослушно зашептали:

— Господи, спаси и помилуй.

Даже испугался Игорь, что это такое он бормочет. Выполз из-под машины, в кабину юркнул, бушлат из-за сиденья выдернул, метнулся к уже вспыхнувшему борту. Начал пламя сбивать, а духи увидели и перенесли весь огонь на него. Пули свистят вокруг, в землю зарываются, дрожа от злого нетерпения, откалывают щепки от досок, ослепить пытаются Игоря. И тут уж совершенно несуразное выкинул солдат. Плюхнулся на колени, коряво перекрестил себя, зашептал где-то слышанные слова:

— Господи наш, Иисусе Христе, спаси и сохрани...

Потом опять вскочил на ноги, и показалось Игорю, что сияние от него какое-то исходит и пули от него отскакивают. Сбил пламя Игорь, для верности еще из канистры водой залил. Тут вертолёты налетели, задали жару духам, отбили остатки колонны. Потом танки оттащивали побитые машины, перегружали грузы. Работал Игорь молча, а сам все думал, что же происходило с ним. Машина его была буквально изрешечена. Витька только головой качал, удивлялся и все на друга поглядывал: странный он какой-то.

Задумался Игорь, пропустил команду «стой». Хорошо, интервал между машинами есть, а то так бы и врезался в идущую впереди. Бросил ногу на тормоз. Только теперь понял, что стреляют. Из «зеленки» стреляли по колонне, но жидко как-то, неумело. Танк с тралом уже несея в сторону зарослей кустраника, на ходу выстреливая снаряд за снарядом. «Вертушки», суетливо заходя в разворот, тоже лупили из

подвесок по невидимому врагу. Игорь выхватил из зажима автомат и прыгнул на землю с левой безопасной стороны. Водители остальных машин уже лежали под колесами, выставив стволы автоматов наружу. Игорь посмотрел в хвост колонны. Какая-то машина уже затянулась плотным шлейфом черного дыма. Ветер налетел и пригнул к земле завесу. Игорь увидел горящую Витькину машину. Он кинулся к ней, пригибаясь к земле, когда оказывался на открытом месте между машинами. Добежал, попробовал открыть дверь, но ее заклинило. Он вскочил на подножку. Через открытое окно увидел, как Витька отчаянно выдирает ногу, зажатую между педалью и вмятым металлом кабины. Игорь влез через окно в кабину, развернулся спиной к Витьке и высадил обеими ногами дверцу. Потом сунулся вниз и стал тянуть Витькину ногу, одновременно надавливая головой в каске на выпученный металл. Обдирая ногу в кровь, со стонами и воплями Витька освободился. Игорь вынырнул из кабины и протянул ему руку. Но Витька встал на подножку и потянулся за автоматом.

Вдруг со стороны «зеленки» раздался грохот, и один-единственный снаряд, успевший вылететь из безоткатной пушки, тут же раздавленной гусеницами танка, врезался в машину Витьки. Игоря отбросило на землю, выбив на время дыхание. Крыша кабины оторвалась и острым лезвием сорвала с плеч голову Витьки, которая плюхнулась на колени уже поднимавшегося со спины Игоря. Тело Витьки, нелепо корчась, сползло в пыль, поливая все вокруг кровью, свертывающейся в ярко-пыльные шарики. Игорь сидел и смотрел в лицо друга. Широко открытый рот, полуприкрытые глаза смотрели на Игоря с укоризной:

— Что ж ты, дружище?! Что ж ты раньше-то не подошел...

Скрежет порванного железа все еще стоял в ушах Игоря, в голове у него что-то щелкнуло. Он крепко прижал к себе голову Витьки и заплакал. Тщательно пытались отобрать голову санитары. Игорь плакал, ругался, прятал голову под гимнастерку. Так и увезли его в Кандагар, а оттуда отправили в Ташкент. Голову, конечно, отобрали, вложили ее вместе с телом Витьки в цинковый гроб и отправили «черным тюльпаном» домой.

Разгружали у продсклада ящики с огурцами и помидорами солдаты. Руководил ими прапорщик Веревкин, досадливо морщился

и грязно материл шефов за семьдесят процентов гнили. Ведь видно же, что еще в Союзе половина сгнила. Мать вашу, шефы...

Игоря привезли в госпиталь. Солдаты-санитары отмыли его от крови, переодели в пижаму. Тут Игорь пришел в себя после укола, вернее, проснулся. Беспокойно ему. Нет Витьки рядом с ним. Засуетился Игорь, растолкал санитаров, ищет что-то. Понятное дело. Отправили его в зарешеченное психиатрическое отделение. Хорошо, что кто-то из раненых надоумил санитаров. Сунули они в руки Игорю глобус школьный, небольшой такой, размером с солдатскую голову, только ножку отвинтили, конечно.

Спокоен Игорь. Дружок его, Витька, с ним. Обнял Игорь земной шар руками солдатскими, охраняет его покой. Беспокоится только тогда, когда баня и глобус забирают. Вежливо со всеми разговаривает, вполне разумно, между прочим. Пришла пора выписывать Игоря домой. Сколько же можно? Уже почти восемь месяцев лечится. Оформили билет на поезд. Благо, он идет напрямую из Ташкента до города, откуда уходил Игорь в армию, где живут его родители. В день отправления дали телеграмму, чтобы встретили сына.

Сидят Игорь с сопровождающим на привокзальной площади, ждут, когда объявят посадку на поезд. Сопровождающий уже бутылку «Чашмы» выпил, по нужде хочется. Огляделся по сторонам, никого рядом из военных нет, некого попросить за больным посмотреть. Не просить же гражданских — тайну военную выдавать. Слева от вокзала портрет Брежнева висит, очень на узбека похожего. Ручкой приветствует всех на русском и узбекском языках. Полиглот. Взял сопровождающий за руку покорного Игоря, поинтересовался, не хочет ли в туалет. Отвел его на перрон, посадил на скамейку, приказал ждать его, а сам в вокзал кинулся.

Сидит Игорь на скамеечке, глобус поглаживает, о чем-то с Витькой толкует. Вдруг взвизгнули тормоза прибывающего на третий путь товарняка, ну очень похоже на полет снаряда взвизгнули. Холодно стало Игорю. Поднялся он со скамейки, по сторонам озирается. Тут как раз объявили, что на первый путь прибывает поезд, на котором надо ехать домой. Люди забежали, заторопились, узлы свои с чемоданами к платформе волокут. Игорёк между ними бредет, тревожит

его что-то. Вот и локомотив идет. Мечется сопровождающий по платформе, нет нигде чокнутого.

Идет Игорь, а сзади него старуха торопится, в обеих руках по чемодану. Захотела бабка обогнать неспешащего солдата, толкнула его сердито. Разжались руки Игоря — и заскакал глобус по асфальту да вниз на рельсы спрыгнул.

— Ви-и-и-ить-ка-а, — заметался Игорь и прыганул прямо под колеса налетевшего поезда.

* * *

Ни для кого не секрет, что медики — люди профессионально циничные. Ещё бы, столько навидаться, столько людей вернуть к жизни, столько отправить в маленькое зданьице в самом углу госпитальной территории, в морг.

В тот раз что-то рано «таблетки» пришли. Подошёл к приёмному отделению. Смотрю, стоят женщины в белых халатах и плачут. На носилках лежал солдат... Да какой солдат — мальчишечка еще, совсем молоденький, даже мне, самому — срочнику, он показался слишком юным. Руки у него уже бинтом связаны, какая-то бирка прикреплена, на которой либо номерок, либо фамилия... Выворачивают у него карманы. А там сухарь недоеденный и недокуренная сигарета. Видать, оставил хлеб и курево на «после боя». Во внутреннем кармане — письмо недописанное нашлось. Все у этого парнишки оказалось НЕ ДО...

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 6. КОЛЬКА

Жутко... Жутко... Страх наползает липким потом, заставляя забыть о горном холодном воздухе, за десять минут до этого покалывающем морозными иглами. Рев разрывов мин в близком ущелье заставляет сильнее (куда больше!) втягивать голову в воротник бушлата, теснее обхватывать заиндевший автомат, глубже втискиваться в призрачное убежище — небольшую ложбинку за камнем, пробитую ежегодными весенними потоками воды. Теперь промерзшая ложбинка заполнена крупным телом Кольки. Метрах в семи от него, за камнями, покрытыми толстым слоем голубого искристого снега, лежит прапорщик Белов. Засада.

Группу сбросили с «вертушек» в трех километрах от нужного места. Маршрут прошли быстро, без затруднений, что, в общем-то, немного удивило Белова, ведь на восемьдесят процентов группа состояла из молодых.

По разведанным, на этом участке горной вьючной тропы должен появиться караван с оружием из Пакистана. Реализацию разведанных возложили на Белова и дали ему свежесформированную группу «горных егерей», как их прозвал один из первых командиров роты. Так название и закрепилось за ними. На совещаниях у командира полка эту роту иначе и не называли. Название-то названием, да вот люди постоянно менялись. Хорошо, если по ранению, а то все больше «черными тюльпанами» домой отправляли. Раньше было хуже. Попадет в роту солдатик, а по физкультуре у него в школе тройка был, на гражданке крутым считался, «портюшку» по подъездам глотал, «дурь» курил, худо-бедно за себя мог постоять, особенно если толпой наваливались. А здесь... Эх, да что тут говорить! Еле на горушку вскарабкается, и все — сдох. А по маршруту еще топать и топать, да не только топать, а еще груз свой тащить да воевать надо. Дело в том, что ножонки слабые. Горы не дискотека. Вот и проходили месяцы, пока молодые окрепнут, к горам привыкнут, приноруются к ним. Теперь-то полегче. Замкомандира по физо выбил в Союзе тренажеры — доказал их нужность. Молодые с них месяц не слезают, колени накачивают, а потом уж в горах легче.

Ждали в засаде уже три часа. Ни единого движения не улавливалось. Белов неслышной тенью проскальзывал по залегшей цепи из двадцати солдат, перебрасывался короткими фразами со «стариками», дольше задерживался с молодыми, чувствовал притаившийся страх у молодежи, пытался ободрить, настроить на предстоящий бой.

Ночное небо черным куполом висело над горами. Звезды по сумасшедшему сияли, выжимая слезы из пристальных глаз взглянувшего на восток, откуда придет рассвет. Январский мороз давил, усиливая свою мощь ветерком. Тишина звенела. Люди старались лежать спокойно, только про себя ругали мороз и мечтали о кружке обжигающего чая. Изредка где-то далеко срывался со скал одинокий камень и катился вниз. Легко можно было пересчитать, сколько выступов имеет стена, по которой щелчками летел в пропасть камень, прежде чем пропадал в расщелине или ущелье. Однажды услышали рев сошедшей лавины. Подумалось: начался артобстрел. Но по скоро наступившей тишине и снежной искрящейся пелене, поднявшейся высоко в небо, поняли, что не духи атакуют. Колька поежился в своей ложбинке и невольно оглянулся назад на стену скалы, с которой они слезали к месту засады. Только отлегло, только прошел первый испуг, как опять зарокотало. В первый миг почудилась опять лавина. Но нет. Вслед за ударом последовали еще и еще, зарыдали, заплакали в резком воздухе мины, застрекотали автоматы и пулеметы.

— Как? Откуда узнали? — стучало в голове у Белова. — Что делать?

На извечный вопрос ответа не было. Пока не было. Белов окинул взглядом близлежащих солдат. Никто не вскочил, не вскрикнул, так и лежали, заметно напружинив тела. Только шалопут Сережка Донцов, уловив взгляд прапорщика, оскалился в бесшабашной белозубой улыбке и едва заметно махнул ладонью в теплой двупалой рукавице. Как-то спокойнее стало Белову, прошла мгновенная паника. Задумался прапорщик: «Почему же духи лупят по ущелью? Кто там? Может, наши?»

Пришлось выходить на связь. Благо, грохотало здорово. Быстро настроившись. Белов доложил обстановку.

— Ничего не предпринимать. Ждать. При изменении обстановки доложить! — глухо прогудело в наушниках.

Через десять минут, когда стрельба достигла тугого грохочущего вала, который катился из ущелья к вершинам гор, прапорщик опять связался с полком и получил приказ разведать обстановку, хотя сам уже отправил солдат.

К ущелью ушли двое: Колька Светлый и Сережка Донцов. Белов следил за их удаляющимися фигурами: гибкой и ловкой Сережкиной и крупной, приноравливающейся Колькиной.

Сережка дослуживал уже второй год, весной — дембель, привык к горам, даже полюбил их, хотя горы всегда здесь приносили увечья и смерть. Нравилось Сережке испытывать свою силу и выносливость. Ловко, легко двигался он по горам. Безошибочно находил безопасные тропы, чувствовал необходимую устойчивость камня, нависшего над пропастью; запросто ориентировался в пещерных лабиринтах, хотя и жил в степном Казахстане. Почувствовал Сережка в Николае Светлом тягу и интерес к горам, поэтому и взял его сейчас с собой в разведку. Белов предлагал кого-нибудь из тертых ребят, но Сережка уперся и настоял на своем выборе.

Солдаты передвигались по узкой щели в направлении боя. Колька быстро прилачился к крадущимся шагам Сережки и старался повторять все его движения.

В Кольке боролись два чувства. Страх, который он испытывал, пробегал ознобом по телу от попадавших в рукава и за воротник струек мороза, но его легко пересиливало чувство любопытства. Еще ни разу не был Колька в бою, но слышал, конечно, стрельбу, видел хищные хвосты ракет, пытающихся врезаться в борт «вертушек», в одной из которых сидел он сам. Теперь он непосредственный участник событий.

Думал Колька о себе как-то отстраненно, словно видел все по телевизору. Чувство реальности ушло.

В конце каменного коридора, изгибающегося в сторону ущелья, уже видны были вспышки и красно-люминесцентная стена огня. Но боясь быть замеченными, ребята торопливо протискивались между теснящихся камней, задевая за выступы касками и автоматами. Сережка добрался до расширившегося края щели и лег на снег. Колька притиснулся ближе к нему и улегся рядом. Под ними огромным провалом виднелось ущелье, широко раскинувшее щупальца трещин, наподобие той, в которой разместились разведчики.

Колька напрягал зрение, пытался разглядеть что-либо в ярких вспышках, мечущихся с одной стороны ущелья к другой и наоборот. Сережка внимательно изучал обстановку в прибор ночного видения, потом матюкнулся и сунул Кольке под нос трофейный американский бинокль. Колька ткнулся носом в специальное углубление и тут же отшатнулся от окуляров. На него вдруг накинута ствол миномета, выплывший очередной снаряд. Колька вновь прильнул к биноклю и отчетливо разглядел в красном свете панораму боя. С левой стороны духи вели минометный огонь из пяти видимых орудий. Снаряды с воем неслись по восходящей траектории и плюхались беззвучно в стойком гуле на правой стороне ущелья, где на нешироком плато металась фигурки людей. Колька никак не мог понять, кто это. Люди на правой стороне огрызались редким огнем автоматов и ружей. Укрыться им было негде, только редкие камни могли служить защитой, но мины доставали всюду. Колька разглядел тропу, заваленную камнями, по которой могли уйти эти люди, по плотный огонь не давал им этой возможности. Сережка толкнул его в бок и махнул рукой назад. Ребята скользнули вниз, поднялись со снега, и Сережка, хохотнув, сказал:

— Во дают душары! Друг друга крошат...

Колька недоуменно взглянул на него.

— Да какая-то мелкая банда захотела караван пощипать, а те, видишь, по соплям им врезали. Хрен с ними, пусть долбятся, нам же легче потом будет. Ладно, пошли назад.

Колька опять шел за Сережкой. В голове проносились вырванные биноклем эпизоды боя. Он вспомнил взметнувшуюся вверх в снопе пламени фигуру человека, рядом с которой вспух разрыв. Еще одну фигуру, переломленную пополам на камнях засыпанной тропы...

Вернулись к своей группе. Сережка скользнул к прапорщику, доложил результаты, а Колька улегся в свое остывшее ложе.

Белов вышел на связь, в свою очередь доложил результаты разведки: караван имеет семь минометов (углядел же Сережка, посчитал по вспышкам), четыре пулемета, около сорока человек. А вот количество лошадей уточнить не удалось, их духи укрыли за валунами.

С той стороны приказали ждать караван, по возможности уничтожить его своими силами, а к рассвету будут вертолётё.

Белов прошел по цепи, дал приказ пулеметчику ударить по каравану в голову и хвост, минометчикам двух орудий сосредоточиться на центре колонны, тем самым перекрывая пути духам вперед и назад и сея панику в середине. Остальные солдаты должны будут поражать уцелевших автоматным огнем.

Вдали стихал бой. Только поспешно трещали запоздавшие одиночные выстрелы. Тишина.

Колька вглядывался в угол скалы, прикрывавшей поворот тропы. Он вспомнил, как мальчишками играли на развалинах старых домов, окружавших новый район города. Делились на две группы. Устраивали засады. Пуляли друг в друга горохом из прищепковых самострелов и крупной из трубочек. Случалось, дрались. Помнил Колька сладкое чувство безопасности и беспроегрышности, когда пацаны другой армии, ничего не подозревая, пробирались между разрушенными стенами в поисках противника. Колька всегда руководил своей группой мальчишек, считался самым отчаянным и бесстрашным. По всем правилам военного искусства располагал к себе бойцов, пытаясь предугадать маршрут противника по обе стороны его движения, и, когда «враги» достигали критической точки засады, кричал страшным голосом: «Огонь!». Тут же из щелей высовывались стволы горохового оружия, и противник осыпался со всех сторон жалящими снарядами...

Колька увидел на тропе первую лошадь. Она шла почти вплотную к скале, а по другому краю тропы шагал человек с автоматом на груди. Вслед за первой лошадью показалась вторая. Вскоре весь караван из нескольких десятков тяжело навьюченных лошадей растянулся по хорошо просматриваемому с места засады участку тропы. Душманы шли весело, разгоряченные успешным боем. Колька примерно прикинул размеры цепи и одновременно с классическим криком прапорщика Белова «огонь!» мысленно дал команду на поражение противника своим пацанам из детства.

Пулеметы и минометы ударили в унисон, разом осветив тропу с остолбеневшими людьми и животными на ней. Колька поймал в прорезь прицела чалмастую голову одного из погонщиков, задравшего ствол автомата вверх, и ударил по ней короткой очередью.

Душман взмахнул руками, далеко отбросил от себя оружие и упал под копыта взвившейся лошади.

«Есть» — совсем по-киношному подумал Колька и удивился тому, что ничего, кроме удовлетворения от удачного выстрела, не испытывал.

А караван внизу метался, как совсем недавно металась напавшая на них банда. Люди и кони смешались. Треск выстрелов и разрывов, крики отчаяния, ржание — все это странно возбуждало Кольку. Он водил автоматом по хорошо видным ему целям и, увидев пораженного им человека, с наслаждением всхлипывал: «Есть!»

Забывшись в угаре стрельбы, Колька высунулся из-за камней по грудь, выискивая все новые и новые цели. Вдруг по камням царапнула пуля и с густым упругим воем унеслась вверх.

«Вот черт! — подумал Колька. — Ведь могла же и в меня».

Его тряхнуло страхом. Он представил себе, как кто-то из духов вскрикнул бы: «Есть!», если бы лежал сейчас Колька с пробитой головой. Вот тут-то реальность зашумела в ушах Кольки, заставляя втиснуться глубоко за камни.

Духи опомнились от внезапной атаки и бросились к стене, под защиту неровностей скалы. Стрельба утихла. Прапорщик Белов сообщил в полк. До утра нужно было держать духов на месте, не упускать их из сектора обстрела, пока не появятся «вертушки». До рассвета оставалось час-полтора. Солдаты закурили, и в воздухе, который становился прозрачнее, потянулись тягучие, крепко пахнущие волокна табачного дыма. Колька не курил и поэтому пристально смотрел вниз на тропу, пытаясь разглядеть высывающихся из укрытия духов. Тропа была завалена трупами людей и лошадей, тяжелыми бьюками, которые падали с металлическим цоканием во время обстрела со спин животных.

Покурившие и вроде бы отдохнувшие солдаты опять припали к своим щелям, выискивая цели, но духи высывались редко, так как насыщающееся светом утро неумолимо приближалось и любое неосторожное движение грозило смертью.

Белов никак не мог успокоиться. На духов не похоже, чтоб они так пассивно вели себя. По связи предупредили, что вертолеты будут минут через сорок. Оставалось только ждать.

Рассвет полностью охватил небо, заблестел нестерпимым сиянием на снегах, окрасил их в красно-розовый цвет, блеснул золотой полосой над отрогами Гиндукуша и вытолкнул огромное белое солнце.

У Кольки даже дыхание перехватило от этой впечатляющей картины. Грандиозность горной панорамы подавляла его. При ярком свете тропа поразила Кольку безжалостностью смерти. В темноте все казалось бесформенным, слитым в одно целое. А сейчас он разглядел огромные ржавые пятна впитавшейся в снег крови, страшные позы мертвых людей, придавленных тюками и лошадьми. Один из душманов лежал на вьюке, безвольно свесившись руками и ногами. Голова его представляла собой кровавое месиво, смерзшееся в кошмарный шар из шелка чалмы и раздробленного черепа. Из ватной спины поднимались струйки дыма, и отверстия от трассирующих пуль все расширялись. У самого поворота скалы, из-за которого вышел караван, лежала живая лошадь. Она поднимала голову, пыталась вскинуть передние ноги, но все ее попытки были напрасны. Колька находился в середине цепи, и край тропы хорошо открывался только ему. Он приложился к автомату, поймал голову лошади в прицел и выстрелил. Лошадь вострепелась, легко вскочила на колени и с пронзительным визгом-ржанием стала валиться под откос. Большой вьюк, обтянутый грязно-серым брезентом, рванулся вниз, увлекая за собой животное и человека, который запутался рукой в узде. Духи под скалой грозно завизжали, бесполезно паля в воздух.

Со стороны солнца показались вертолеты. Очертания двух машин размылись от яркости, но по мере приближения принимали четкость, доносили до людей свист и гул двигателей. Душманы вновь загалдели, и к вертолетам понеслись перекрещивающиеся линии очередей. Белов закричал:

— Всем укрыться...

Колька высунулся из-за камней и наблюдал за надвигающимися вертолетами до тех пор, пока не увидел струи пламени из подвесок. Он быстро опустил голову и обхватил ее руками, при этом понимая всю бесполезность этого движения, когда за спиной грохнуло сразу несколько взрывов и каменный щебень плеснулся на солдат.

Вертолетчики промазали. Дали залп поверх духов и чуть не смели со скалы группу Белова. Со следующего захода залпы ударили ниже

тропы, и «вертушки» пошли на третий заход. Колька услышал мощный выстрел над головой с самой вершины скалы. Он выглянул в щель между камнями как раз в тот момент, когда снаряд, посланный духами, забравшимися высоко в горы, влетел сквозь блистер ведущего вертолета и блеснул разрывом внутри него.

Колька заворуженно смотрел, как метнулись в разные стороны куски машины, как она, распухая огненным шаром, рухнула вниз. Вторая «восьмёрка» шарахнулась ввысь, паля НУРСами из подвесок по вершине горы, и водопад щебня зашуршал по стене, срывая с нее снежный покров, заваливая площадку. Колька почувствовал, что его засыпало достаточно сильно. Он рванулся и легко выскочил из холмика, но теперь его ложбинка оказалась засыпанной, и защитный уровень камня, за которым он лежал, теперь едва прикрывал макушку каски. Колька беспомощно огляделся. Все солдаты лежали так же тихо и спокойно под кучами щебня, как перед самой вертолетной атакой, лишь осторожно освобождали головы, сметая с касок пыль, мелкие камешки. Белов, разъяренно жестикулируя, позвал Кольку к себе. Тот на четвереньках пополз было к прапорщику, но увидел Сережку, залегшего между большими валунами, и метнулся к нему.

Сережка имел способность устраиваться как можно более комфортно в любой ситуации. Вот и сейчас камни окружали его со всех сторон, и щебень задерживался, не засыпал Сережку, как всех остальных.

— Что ж ты, Колёк... Раз засыпало, лежи, не шевелись, — хлопнул Кольку по плечу Сережка. — Представляешь, какой толщины бронежилет над тобой? Ведь защита! А ты дергаешься. Хорошо еще, что обстрела не было, а то бы — крышка.

Пока Колька менял позицию, духи угодили из базуки в хвост второй «вертушки». «Восьмерка», заваливаясь на правый бок, уходила между горами прочь от группы Белова. За ней тянулся черный, негустой след. Духи внизу ликовали.

Белов сообщил в полк. Оттуда его злобно выматерили, обвинив в том, что он не выставил дозоры на возможных подходах к группе. Прапорщик понимал всю несправедливость этих слов: людей в его группе как раз хватало на то, чтобы успешно провести бой из засады, но спорить было бесполезно. Теперь оставалось только ждать.

А сколько ждать? Очевидно, до завтрашнего утра. Первым делом нужно организовать оборону, и прапорщик с головой окунулся в решение неотложных задач.

Вот она, война! Недавно были охотниками, а теперь сами стали дичью. Белов, зная повадки духов, выставил пост у щели тропы, сквозь которую они ночью спустились к месту засады. Духи сверху так просто не уйдут, всячески будут помогать оставшимся внизу. Второй пост оставил у среза площадки контролировать движение на тропе. Остальным солдатам приказал приткнуться к стене скалы под выпуклости.

Солдаты стеснились у стены — и вовремя. Сверху духи сбросили несколько валунов, но они, не причинив никому вреда, гулко рухнули на площадку и, подскакивая, скатились вниз. Солдаты нехотя жевали холодную тушенку, молча курили. Спать хотелось зверски. Белов разрешил поспать, а сам еще раз связался с полком. Колька не мог заснуть. Панорама гор, гораздо более высоких, чем они казались ночью, приковывала к себе. Яркое солнце пригревало, и от солдатских ватников валил пар. Когда-то Колька был в горах, но в цивилизованных краях. Промок — пошел в гостиницу, переоделся, согрелся. А здесь... Задремал Колька. Через два часа растолкал его Сережка. Прапорщик послал сменить наряд у тропы.

Колька поплелся за Сережкой, еще не совсем проснувшись. Предыдущий наряд ушел, и Сережка с Колькой уселись в их логово. Но деятельная натура Сережки заставила их обоих собрать крупные камни и выложить что-то вроде крепостной стены, прикрывающей тропу. По задумке архитектора, в ней были, как и полагалось, амбразуры, дающие возможность для широкого наблюдения за тропой и обстрела. С площадки слышалась стрельба, видимо, нижние духи сделали попытку пробиться дальше по тропе. Внезапно что-то грохнуло, и, едва ребята упали на землю, снаряд из базуки врезался в кладку. Сережка вскочил на колени, высунул ствол автомата в амбразуру и, ничего не видя в каменной и снежной пыли, зачастил выстрелами. Колька сунулся к другой щели и тоже нажал на курок. Пули злобно защелкали, взвыли рикошетом, беспорядочно заметались по всей длине расщелины.

Утихло. Пыль быстро осела. Сережка весело выругался, а Колька остоленело молчал. Вдруг сзади раздался голос Белова:

— Психуете? Что за дела?

— Веселимся, — повернулся к нему Сережка. — Ослы из базуки стрельнули, а тут ловить нечего.

Колька тоже повернулся к прапорщику, с одобрением осматривавшему сооружение. И опять грохнул выстрел. Солдаты вновь застрочили. К ним присоединился Белов, предварительно швырнув гранату. Она метнулась через стену, несколько раз задела боками о камни и рванула метрах в десяти от баррикады. Опять тишина.

Сережка слышал стон. У плавного поворота он увидел ствол брошенной базуки и руку, тянущуюся к ней. Сережка полоснул очередью по руке и рывком перескочил через стену.

Белов закричал:

— Стой... Назад, назад... Ты куда?

Но Сережка уже неслился к базуке. Подскочил к повороту, схватил оружие одной рукой, другой навел автомат на духа и добил его, выглянул за угол и попятился назад, простреливая тропу перед собой. У стены он остановился, перебросил через нее базуку и повернулся спиной к тропе, чтобы перемахнуть через ограду к своим.

Духи выскочили из-за поворота, поливая очередями. Сережка присел, сжался в комок, развернулся лицом к нападающим, но выстрелить не смог. Обожгла руку вражеская пуля, пронизала жгучей болью.

Белов лупил очередями по пригибающимся, но неумолимо приближающимся к Сережке духам.

— Серега, быстро лезь сюда, — звал прапорщик.

Колька целился сквозь амбразуру, но не стрелял: голова Сережки закрывала сектор обстрела.

Сережка перекинул левую руку через край стены, попытался подтянуться. Автомат скользнул ремнем вниз, вдоль раненой руки, вызвав адскую боль. Сережка наклонился, перехватил оружие левой рукой и, перебросив его через стену, попытался еще раз вскарабкаться на нее, поставив ногу в амбразуру Кольки.

Белов крикнул Кольке:

— Я прикрою. Помоги ему.

Колька отбросил автомат, хотел было подняться, но страх, тошнотворный, животный страх, притиснул его к земле. Не мог Колька оторвать себя от уютного убежища. Он ясно представил себе, как над срезом стены появляется его голова, и пули, учуяв жертву, впииваются в его лицо.

Жутко. Жутко!

— Ну, что ты, гад! — орал Белов, продолжая палить. — Помоги же ему. Помоги же ты, сука!

Колька даже не пошевелился, занемел всем телом. Белов бросил автомат, вскочил на стену, схватил руку слабейшего, изрешеченного Сережки и потянул к себе уже мертвое тело солдата. Вдруг прапорщик вздрогнул, секунду постоял и рухнул назад с развороченным лицом и перебитыми ногами.

Колька лежал оглохший, опустошенный ужасом. Через стену хлынули солдаты, выметая духов на самую вершину горы. Медбрат горестно мотал головой, осматривая еще теплые трупы Белова и Сережки. Потом подошел к Кольке, попытался перевернуть его на спину, думая, что и он мертв. Но Колька не дался. Медбрат все понял и выплюнул одно единственное слово:

— Дерьмо...

* * *

В госпиталь с концертом приехала Певица. Актальный зал вместил в себя зрителей раза в три больше расчётного. В первых рядах ребята из хирургии, с ампутированными ногами и руками, кто-то постукивал по полу новенькими протезами, кто-то пытался хлопнуть единственной ладонью по подлокотнику кресла. Парни из нашего отделения, сидевшие подальше, напрягали выздоравливающие глаза либо тревожно, напряжённо крутили забинтованными по носы головами, стараясь не пропустить ни звука.

Певица пела долго. Зал ревел от восторга, на сцену летели гладиолусы, хризантемы и астры. Думается, не одни штаны цветочных воришек изорвались о госпитальную изгородь, и клумба у стоявшего неподалёку штаба ТурКВО подрастеряла свой шикарный вид. Певица несколько раз спускалась со сцены, проходила между рядами и совала в руки раненых яблоки, груши, маленькие дыни. По её щекам текли слёзы. Парни смущённо сжимали в руках подарки, старались спрятать кисти рук с обломанными, обкусанными ногтями, стыдливо краснели и хрипло благодарили звезду.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 7. ОЛЕГ

С самого вечера варан лежал на песке, широко раскинув мощные лапы и вытянув безобразную голову. Теперь уже приближался рассвет, вытягивая розовую нитку на горизонте. Древний зверь мудрыми глазами всматривался в очертания построек кандагарского аэродрома, с которого со звонким свистом взмывали в еще ночное небо один за другим вертолеты. Варан чувствовал, что нужно поскорее убираться отсюда. Где есть человек и его машины, там обязательно будут неприятности. Но это было любимое место «ящера» на протяжении долгих лет. Вот уже пять лет, как он мог приходить сюда только ночью, а днем убирался подальше в пустыню. Удивительно быстрым движением варан развернул свое длинное тело головой на восток, но свист летящей мины остановил его. Еще ни разу за столько лет войны варан не слышал так близко этого звука, поэтому он вновь замер, впитывая новую информацию о людях. Зря... мина конечной точкой своей траектории выбрала именно варана. Сверкнул разрыв, взметнулись ошметки животного. Афганистан просыпался.

Олег встал рано, еще не было пяти. Вчера было очень много полетов. Вертолёты до бесконечности взлетали и садились. Олег бегал к каждому из них, ловко выдергивал кассету с фотопленкой, на которой прописывались параметры полетов, вставлял другую и возвращался в лабораторию. Там проявлял эти пленки в огромном ведре с проявителем, затем, взглянув на обрабатываемую пленку в лучах света, определял достаточность или недостаточность проявления и перебрасывал ее в ведро с закрепителем. За целый день набегался до изнеможения, без перерыва на обед. Когда вернулись последние «восьмерки», у Олега хватило сил только на то, чтобы снять с них кассеты, сунуть в аппарат новые и добрести до своего топчана в этой же пропахшей фотозапахами лаборатории. Ночью постоянно преследовала одна и та же мысль: «Проснуться раньше, проявить оставшиеся кассеты». Олег знал, что с утра будут опять массовые полеты, и он просто зашьется на работе. Вообще-то, одному здесь было тяжело, но остальные двое солдат улетели в Шинданд в командировку для обеспечения полетов полковых вертолетов. Под Шиндандом проводилась широкомасштабная операция по

уничтожению огромных скоплений врага. Те двое улетели под командованием Малыша — прапорщика Малышева, добрейшего человека. Он всегда помогал своей группе быстро расправиться с проявкой и прочтением пленок. Олег только печально вздохнул, когда увидел на столе огромную кучу непрочитанных фотолент.

Был у него помощник, дембель Вовка Долгов, в принципе неплохой парень, но по общему признанию — алкоголик. Действительно, не было ни одного дня, чтобы Вовка хоть немного, но не был бы выпившим. Где он доставал спиртное? А черт его знает. Где-то брал. Вчера еще Вовка набрался с утра, потом в обед приложился к фляжке со спиртом, а вечером уже не поднимался со своего топчана. Лежал на нем, улыбался в ответ на ворчание Олега, тихо напевал что-то себе под нос, потом уснул. С ним пытались бороться и командир полка, и замполит, и начальник группы АФС (аэрофотосъемки) капитан Кулаков и Малыш. Но все было тщетно. Даже на импровизированной гауптвахте-яме, вырываемой в день ареста самим арестованным, Вовка умудрялся напиваться, чем окончательно сломил командира полка — боевого летающего полковника. На Вовку махнули рукой, и он, одинокий герой, продолжал свою службу. Олег читал уже седьмую пленку, записывая в журнал снятые параметры, когда Долгов, тяжело постанывая, поднялся с топчана и побрел к туалету, шаркая в пыли давно не чищеными ботинками. Вернулся назад он через полчаса уже навеселе, зато притащил с кухни горячую перловку с тушенкой и котелок чаю. Олег на ходу жевал, заряжая пустые кассеты, а Вовка взялся за расшифровку оставшихся пленок, отрываясь от них только для того, чтобы отхлебнуть из фляги. Олег с опасением посматривал на Вовку, боялся, что тот не до конца выполнит работу, напьется раньше времени. Но Вовка работал быстро и четко, несмотря на принятую изрядную дозу спиртного.

Олег услышал двигатели заходящих на посадку вертолетов и выскочил из лаборатории. «Вертушки» садились парами. Сразу четыре машины зарулили на стоянку полка. К ним со всех сторон кинулись механики, сразу же набросились на свой узел вертолета. Олег заменил кассеты и вернулся в лабораторию. Пленки извивались в ведре змеями, неприятно прилипая к изъеденным химикатами рукам. Олег вынул одну на свет, и тут-то раздался ужасающей силы

грохот. Вовка, уже дремавший за столом, выскочил из домика. Олегу ужасно хотелось сделать то же самое, но он не мог, так как пленки еще были в проявителе. Грохнуло еще раз тогда, когда Олег выходил из лаборатории. В конце взлетной полосы находились склады артвооружения, и именно над ними вставал огромный гриб взрыва. Дым клубился черной массой, поблескивая языками огня. Зрелище было потрясающим. Вовка и Олег зачарованно смотрели на все еще поднимающийся в небо сгусток взрыва, пока сверху не стали падать осколки растерзанного металла. Они падали под ноги солдат, шипели в бочке с водой, стоявшей рядом с лабораторией. Со стороны складов грохнуло еще раз, уже не так громко, как прежде, но этот взрыв принес целую стаю осколков поменьше, опаснее предыдущих, они шли параллельно земле на большой скорости. Мгновенно аэродромный порядок сменился панической суетой. Люди носились по взлетке, выискивая защищенные места. Олег с Вовкой спрятались за большие жестяные контейнеры, но осколки легко пробивали их. Неподалеку от лаборатории находился пост афганского караула. Он представлял собой глубокую яму, сверху которой была натянута палатка. Ребята бросились к посту. Там уже было полно людей. В основном летчики и технари. Испуганный «зеленый» афганский солдат-часовой сжимал побелевшими пальцами автомат, шепча молитвы. Все сидели на земле, прямо в пыли. Олег увидел, что у большинства есть автоматы, и пожалел, что свой оставил в домике. Он тут же кинулся к ступенькам, ведущим из ямы, и побежал за автоматом. Еще раз грохнуло. Олег остановился. У него на глазах вертолет, с которого он только что снимал кассету, начал растекаться огромной лужей дюрала. Пламя невозможно было разглядеть под ярким солнцем, и что-то мистическое чудилось в тающем вертолете, прощально постреливающим разрывами боеприпасов. Горело сразу четыре машины, беспомощно оседая на бетонку. Олег встряхнулся и влетел в домик. Косые лучи солнца перечеркивали внутренность лаборатории сквозь пробойны. Олег сдернул с гвоздя куртки, свою и Вовкину, на ходу проверив, в них ли военные билеты, вытащил из-под топчана автоматы, перебросил их за спину и потянулся рукой к зеркальному фотоаппарату японского производства — монстру фототехники, гордости Малыша. Олег снял аппарат с полки и пошел к выходу, но звяканье в футляре

«зеркалки» остановило его. Олег открыл кофр. Аппарат рассыпался на три части, среди которых хищно поблескивал острыми гранями металлический осколок.

Олег вернулся назад в яму. Командир полка уже был там и распределял людей на спасательные работы. Олега с Вовкой отправили к самолетам «МиГ-21». Самолеты стояли почти у самых складов, и было удивительно, что они уцелели у kloкочущей огнем чаши. Наваливались на самолет вдесятером. Быстро подкатывали «водило», цепляли к нему передние шасси самолета, один оставался рулить, а остальные толкали машину, обжигая руки о раскаленный металл. Отталкивали «мигарь» подальше от пожара, на него тут же налетали машины, поливали водой, что-то подсоединяли и проверяли. Олегу некогда было рассматривать, что делают с самолетом. Он бежал назад, к другой машине. Навстречу ему катили самолет другие солдаты. Как только этот самолет удалился метров на десять от группы Олега, сзади проревел взрыв, валя на землю и разбрасывая по сторонам людей. Олег больно ударился локтем и, ругнувшись, посмотрел назад. Самолет пылал огромным факелом. Огонь легко и свободно рвался к небу, питая свою силу большим запасом топлива. Несколько горевших трупов корчились от жара рядом с остовом самолета. Олег увидел бегущего к нему человека, от которого хлестало пламя, и кинулся ему навстречу, но человек упал на колени и повалился ничком. Его одежда горела. Он дико кричал. Олег оглянулся и увидел спешащего к ним Долгова с большим брезентовым чехлом от самолета. Вдвоем они быстро накрыли человека, и Олег, размахивая руками, побежал навстречу санитарной машине.

Склады горели почти весь день. Только к четырем часам вечера к ним смогли подъехать пожарные машины. Мощные струи воды и пены разбрасывали пожарище, разметали тлеющие ящики с патронами, НУРСами и гранатами. Редкие несильные взрывы на время прекращали работу пожарников. Когда огонь начал отступать, шипя и взметываясь на ярких головешках, в склады ринулись саперы. Они быстро обнаруживали взрывоопасные материалы и выносили их из зоны огня, складывали на машины и увозили прочь от аэродрома.

Закончив с самолетами, Олег с Вовкой вернулись в расположение полка. На складах еще звучали взрывы, разбрасывая кругом уже

неопасные осколки. Вокруг царила паника. Афганские солдаты ничего не хотели делать и во главе со своими офицерами молили Аллаха о спасении, стоя покорно на коленях. По пути Олег подобрал офицерскую афганскую фуражку с огромной кокардой, с ярко-красным гофрированным ободком. Олег покрутил ее в руках, удивляясь в который раз опереточному виду военного обмундирования «зеленых», и напялил ее себе на голову. Хотя какая-то, но защита от солнца. Вовка Долгов, не выпивавший с самого утра, приложился к бездонной фляжке и шел счастливый и улыбочивый. Солдаты из советского гарнизона метались по всей территории Кандагарского аэродрома, разбойничая и мародерствуя. Влетали в кантины, хватали все, что попадало под руку, выскакивали и неслись дальше, опустошая все на своем пути. Олег увидел «Волгу» афганского генерала, когда-то она сияла блеском черно-лакированного величия. Теперь она имела вид ободранной кошки. Ну ладно, стекла на ней разбиты осколками. А вот кто посрывал поворотники и бамперы, можно было только догадываться, тем более что Олег увидел чью-то предприимчивую спину, усердно склоненную над передними колесами машины.

Вечерело. Все, ужасно уставшие, занимались подготовкой ко сну. Олег сидел у вечернего костра с ребятами с метеостанции — ждали, когда закипит вода для чая. Вовка уже просыпался и начинал медленно, но верно надираться спиртом опять. Подошли танки охранения. Танкисты приволокли мешок муки, и один из них привычно начал готовить огромные оладьи с изюмом на прокаленном жестяном противне.

Уже стемнело. Тревога дня не проходила. Ребята с метеостанции толковали о том, что духи, конечно же, совершат нападение, раз гарнизон остался без патронов. Как бы в подтверждение этого далеко грохнул малиновый разрыв. Олег сходил в домик и принес автоматы.

Вовка взял свой и положил его рядом с собой. Со стороны сгоревших складов доносилась стрельба. Солдаты молча жевали вкуснейшие горячие оладьи и запивали их крепким горячим чаем. К ним подошел капитан Баранов — начальник метеослужбы полка. Попил с солдатами чаю, покурил и, уходя, посоветовал танкистам быть внимательнее, подтверждая этим опасения солдат о нападении духов.

Костер угасал. Угли подернулись белой накидкой, чуть просвечивали сквозь нее глаза-огоньки. Вовка уже дремал. Олег рассказывал

негромко одну из своих гражданских историй. Небо иногда озарялось редкими цветками ракет: красных и зеленых.

Внезапно небо рассекли огненные струи крупнокалиберных пулеметных трассеров. Со стороны складов опять затрещали длинные нервные очереди. Танкисты кинулись на броню. Остальные прыгнули в глубокий окопчик, вырытый на досуге Олегом. Спрыгнули в него и примолкли, настороженно ожидая развития событий. Вовка покачивался, держась одной рукой за край окопа, а другой укладывал автомат перед собой. Издалека донесся мощный вой двигателей «Урала». Столбы света освещали то небо, то стены афганских крепостей, окружавших аэродром. Вдруг фары вынырнули из-за поворота и ударили светом по глазам солдат, спрятавшихся в окопе. Уснувший Долгов испуганно дернул курок автомата, и пули застучали по мгновенно завизжавшему тормозам «Уралу». Олег прыгнул к Вовке:

— Ты, что, охренел?!

Но Долгов пьяно захохотал, саданул Олега автоматом в живот и опять пальнул в сторону машин. Из «Урала» вылетали солдаты и залегали в цепь, мгновенно оцетинившуюся огоньками выстрелов. Олег поднялся с земли, держась за ушибленный живот. Вовка заставил вылезти всех из окопа и приказал идти стеной на солдат из машины. Олег подобрал свой автомат, никак не решаясь выстрелить в Вовку, заговорил с ним. Но тот, мгновенно озлобясь и выходя из пьяного забытья, заорал на Олега, повел стволом автомата на него. Олег вскинул свое оружие и, закрыв глаза, длинной очередью вспорол Долгова, ощутив на своих щеках тошнотворно теплую кровь.

Афганистан засыпал.

* * *

Уже когда был в выздоравливающей команде, сразу после побудки уходил гулять в старый парк. Он там большой был. Вообще, госпиталь напоминал чем-то такой довоенный пионерский лагерь: одно — и двухэтажные корпуса отделений были раскиданы между огромными деревьями, соединялись между собой аккуратными асфальтовыми дорожками. Только не было пионеров. Зато были морг, хирургическое, ортопедическое и другие отделения, и приемный покой,

куда по ночам (именно по ночам) приезжали санитарные машины в большом количестве. Привозили раненых и умерших с военного Тузельского аэродрома, где принимались самолёты из Афганистана.

Да, так вот, гулять я выходил не просто для того, чтобы сигаретку выкурить в ожидании завтрака, а с иной целью.

С неделю назад услышал что-то вроде:

— Нетав сад арис кидев ца,
Удзирод лурджи халаси
Сицоред исети рогорц шения,
Наиареви тцарсули,
Нангреви нарикаласи,
Чагарасавит шемогрчения.
Тбилисо, мзис да вардебис мхарео,
Ушенод сицоцхлеу ар минда,
Сад арис схваган ахали варази,
Сад арис чагара мтатцминда!

Ну, и так далее, певец из меня ещё тот. А пели-то, пели как! Многоголосьем. Грузинским! «Тбилисо»!

Это было потрясающе.

Я познакомился с парнями. Три грузина, солдаты срочной службы, строили что-то. Уж не знаю, как они строили, но пели они постоянно. Конечно а капелла. Вот пока бетон вымешивали, пели, кирпич носили тоже пели, делали кладку — снова пели. Только на перекуре, на обеде и, думаю, во время сна не пели. А так пели всегда. Здорово пели. Часто народ собирался послушать их. Песен было очень много. Однако песню о Тбилиси пели только рано утром. Один раз. Но каждый день, пока находился в госпитале.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 8. КОСТЯ

Разгулялся, расшумелся ветер-«афганец», превратившийся из легкого дуновения в расшвирупевший натиск бури. Вначале налетал порывами, потом однообразно, тоскливо завыл, затем пошел резиновой мощной стеной. Летели бумажки, невесть откуда взявшиеся, спички и щепки, но самым неприятным и страшным летящим предметом был песок. Он хлестал с силой по всему, что попадалось на его пути: по броне танков, дюралю летающей техники, парусине палаток. Неосторожно высунувшиеся на открытое пространство люди отскакивали в укрытие, вскрикивая от боли. Песок стегал по коже, моментально рассекая ее в кровь, забивался в самую ничтожную щелку, насквозь пробивал хэбэшную ткань. Если бы не забота технарей, полетели бы самолеты и вертолеты, но не легко и красиво, ведомые людьми, а безобразно и неестественно, ломаясь на бетоне взлетной полосы, подпрыгивая и круша свои стремительные хищные тела. Но механики знают свое дело, и техника крепко притянута растяжками к земле и зачехлена брезентом. Тросы растяжек тоскливо гудели, рассекая струи ветра. Лопасты «вертушек» чуть подрагивали, словно ожидали внезапного звука двигателей.

Привычная картина осенних ветров.

Ветер начинал свою работу около двух часов дня и неумоимо усиливался, усиливался и усиливался, сводя с ума людей своим упорством. В четыре часа утра внезапно наступала тишина, и обезлюдевший гарнизон оживал. Люди выбирались из палаток, измученные ветром и духотой, выходили на улицу в одних трусах, жадно втягивали в обожженные песком легкие свежий ночной воздух. Вытряхивали мельчайший песок из одежды, постелей, посуды. Техники шли к машинам, продавали, прочищали, готовили самолеты и вертолеты к очередному боевому дню. Отдельные звенья «восьмерок» уже перемешивали воздух широкими лопастями винтов, унося в своих утробах людей на войсковые операции, продукты на дальние точки. Да мало ли что может перевезти на себе этот незаменимый трудяга — вертолет «Ми-8»! Оставшиеся на земле спешат в душевые кабинки, построенные из нурсовских ящиков, сверху которых приспособлен топливный бак от «мигаря». Люди стоят под холодными струями воды

и пьянеют от наслаждения. Грязь и пот смыты с тел, и теперь дышится легко и не хочется верить, что днем все начнется сначала. Костя вернулся во взводную палатку первым. Сидел на кровати и чистил автомат. Шомпол вначале с трудом ходил по каналу ствола, но обильная смазка и ершик сделали свое дело: он залетал легко и свободно. Ветошью Костя снял излишки зеленоватого масла, собрал автомат, защелкнул предохранитель и вставил полный магазин. До подъема оставалось еще больше часа, и Костя вытянулся на старом синем армейском одеяле. Кто-то из солдат приподнял с двух сторон полог палатки, и свежесть легким сквознячком хлынула внутрь, вытесняя затхлый воздух. Солдаты ложились и засыпали.

День тянулся противно медленно. Комбату пришлось в голову провести строевые занятия. Рота уныло стучала каблуками ботинок по жалкому подобию великолепных армейских плацев. Их плац — это прочная корка пыли, залитая водой, как каток, несколько раз. Этим самым достигалась прочность необыкновенная. Костя летал весной на дальние приграничные точки и был поражен, когда увидел, что даже тяжелые транспортные самолеты садятся на импровизированные взлетные полосы, сделанные таким же способом.

— Рота-а-а, стой! — выкрикнул старшина. — Пятнадцать минут на opravку и обед. Второй взвод заступает в караул. После обеда спать.

Взвод, в котором служил Костя, как-то сразу обмяк. До последней минуты каждый надеется, что неизбежная неприятность обойдет стороной, не коснется тебя, при этом понимая всю невозможность желаемого. В общем-то, быть в карауле второго эшелона не такое уж наказание. Знаешь ведь, что сначала идут минные поля, танки, БТРы, десант и пехота, значит, основная тяжесть на них, но только не в сезон ветров. Душманы привычны к местным условиям и легко используют их для своей выгоды.

Костя тщательно готовился к караулу. Затянул шнурки на ботинках, приладил широкие кожаные щитки, закрывающие голени. Давно подсмотрел у «зеленых» этот способ защиты ног от песка и свистнул у одного из них. Плотно застегнул бронежилет, подогнал лямки вещмешка, экономно уложил в него боекомплект и сухпай. Ремень затянул так, чтобы не давил, но и не болтался, и как можно меньше пропускал под куртку песка. Встал, попрыгал на месте, проверил, не звенит, не

стучит ли что-нибудь. Удовлетворенно крикнул и пошел на развод. Взвод стоял за штабной палаткой. Ветер уже ярился. Все гудело и хрипело. Комбат напрягал горло:

— Первое отделение, на доты!

Доты окружали аэродром со всех сторон. Вообще-то, это были не доты в полном значении этого слова. Просто широкие кольца бетонных труб с бетонной же плитой сверху, с узким лазом — амбразурой. Сидели в дотах по двое, наблюдали за своим сектором.

— Второе отделение, на склады.

Не очень, конечно, весело, но жить можно. Есть навесы. Можно укрыться от ветра. Сердце Кости сжалось от сознания неизбежного.

— Третье отделение, на «сквозняк»...

— Мать твою! — чуть не вырвалось из пятнадцати глоток. Сутки торчат на лысом холме, имеющем только неглубокую песчаную трещину. Сутки! До утра так исхлещет песком, что, если вернешься в полк, неделю сгибы на теле кровоточить будут. А днем без ветра тоже не фонтан. Придется лежать под солнцем, не снимая бронежилета и каски, высматривать возможное движение противника и плавиться, разбухать от пота.

Вот и «сквозняк». Низко склонившись, солдаты карабкались на холм, тяжело дыша, задыхаясь. Кристаллики песка уже раздирали пах и терли под руками. Костя влез на площадку и нос к носу столкнулся с командиром отделения, которое пришли менять, литовцем-тезкой Кястасом. Растягивая слова, Кястас обрадованно залопотал:

— Привет, Костик, все нормально. На ближнем подступе мины сигналили, но прорыва не было. Из пулемета стрельнули — тихо. Может, ослы?

Действительно, в этом районе водилось огромное количество ослов, давно уже одичавших. Это тихое животное пострадало от войны не меньше людей. Кишлаки выжжены, кормить их некому. Вот и бродят стада брошенных животных, нарушая границы, прочерченные воюющими людьми. Костя молча выслушал Кястаса, завидуя в душе, что он уже возвращается в полк. Отделение Кястаса уже нетерпеливо топталось у края площадки, а Костины ребята прятались в траншее.

— Ладно, Кястас, давай, шлепай в полк. До завтра, — хлопнул Костя тезку по плечу и пошел к своим.

Ночь наступила как-то сразу, словно ее принес ураган. Небо, густо заштрихованное летящими песчинками, тускло освещалось луной и мириадами звезд. Все было тихо на охраняемом участке. Костя назначил первый наряд, остальным разрешил отдыхать. Сам прислонился к стенке мелкой траншеи, поднял короткий воротник куртки, закурил и задумался. Незаметно подкралась дремота. Вой ветра и летящие штрихи песка убаюкивали своим однообразием, напоминали зимние бураны в родном городе. Сквозь сон удивляется Костя бурану без снега и мороза. Соображает, что батареи горячие, оттого и тепло. Над сопкой вспыхнула ярко-красная ракета, быстро лопнула аккуратным солнечным шаром и мгновенно пропала, унесенная далеко-далеко разъяренным «афганцем». Костя вздрогнул, просыпаясь, скользнул глазом по циферблату часов. Смена постов через сорок минут. Можно еще вздремнуть. Только прикрыл глаза, как почудился ему снег. Да не простой снег, а крупный, густой. Такой снег, что за считанные минуты укутывает город толстым одеялом, глушит все звуки, погружает город в блаженную тишину. Вскинулся Костя и увидел: на сопку и дальше к аэродрому летели хлопья чего-то белого. Он протянул руку навстречу летящему «снегу». К руке мгновенно прилип небольшой лист бумаги, приятный на ощупь, какой-то пористый, как промокашка, но гораздо плотнее. Костя поднес его к глазам, но рассмотреть, как следует, не смог. Солдаты, не занятые в наряде, придвинулись, к Косте. Каждый держал в руке по бумажке. Костя растянул накидку и влез под нее. Яркий луч китайского фонарика осветил листок. С одной стороны картинка. Земной шар, по которому вразвалку шагает огромная горилла в советской армейской форме. Здоровенные когтистые лапы-ноги топчут континенты, оставляя за собой глубокие воронки, растоптанные руины городов, уродливые очертания рек и озер. Волосатые лапы-руки разбрасывают во все стороны света оружие: танки, ракеты, самолеты, корабли, а те, еще падая на землю, уже стреляют по людям, прикрывающим в страхе головы. На голове гориллы маленькая каска, венчающаяся шпилем — Кремлевской башней со звездой и надписью: «СССР». А мордой гориллы было лицо Леонида Ильича Брежнева. Широкий разлет бровей, верблюжья губа не оставляли сомнения в том, что это именно генсек. На

обратной стороне листовки на двух языках — русском и восточной вязью — отпечатан небольшой текст: «Убивая нас, ты убиваешь в себе человека». Дальше предлагалось бросить все и уходить в горы к духам, а листовка будет служить пропуском.

Все по очереди рассмотрели листовку, посмеялись и разошлись по своим местам. Костя подумал, что утром придется убрать бумажки и сжечь. На политзанятиях замполит грозил разными карами за идеологическую пропаганду, направленную против Союза. Очень он рассмешил всех, посадив на несколько суток «губы» туркмена Салиева за то, что тот, сидя на «очке», вырывал из газет портреты партийных лидеров и слюной приклеивал их на дощатые стены. Салиев удивлялся и на ломаном русском языке доказывал замполиту, что в его действиях нет никакого криминала. Совсем наоборот. Он же не использовал портреты по назначению. Замполит рассвирепел:

— Ты, бабай, красный уголок в сортире устроил! — и впаял Салиеву еще пять суток.

Раньше на это никогда не обращали внимания. Но приехала проверка из политотдела штаба округа, и проверяющие полковники, такие чистые, лощеные, пришли в ужас после посещения солдатского «толчка». После той памятной проверки замполит совершенно озверел — чуть не лишился майорской звезды. Полковые остряки, соревнуясь в остроумии, вырезали из газет лозунги и клеили их на стены туалета. Пришлось замполиту самому погнать роту на внеплановое прочесывание кишлаков и приволочь оттуда четыре новеньких «Шарпа» в упаковке. Улетающие в округ полковники гудели в командирском модуле всю ночь, требуя восточной экзотики. Замполит уговаривал официанток из офицерской столовой станцевать обнаженными перед проверяющими, потом сунул их в постель к полковникам, заплатив женщинам из своего кармана большие деньги в чеках и афощками. Наутро полковники еще хмельными собирались в Ташкент. Хмуро попрощались с командованием полка, погрозили замполиту и улетели. Ночь прошла спокойно. Когда вынырнуло солнце, Костя с ребятами сжег огромный ворох листовок, тщательно собрав со всего холма бумажки. День прошел тягостно. Привыкшие ко всему солдаты дремали, не обращая внимания на солнце. Вернулись в полк по ветру, который нетерпеливо гнал солдат в спины.

Прошел месяц. Наступила осень. Полк был на Панджшере. Кровавые бои, бессонные дни и ночи, потери, потери, потери... Взвод, в котором служил Костя, прочесывал скалы, в которых могли остаться духи. Неделю лазили по горам — искали ветра в поле. Когда возвращались назад, Костя забрел в небольшую пещерку, набитую ящиками с оружием. Вернулись в полк. Командир полка на построении объявил ему благодарность, отпуск на Родину и пообещал награду. Костя летал на крыльях, не верилось ему, что он поедет домой. Обегал все кантины, выбирая подарки родителям и брату. Накупил разной мелочи, чтобы можно было попрятать по карманам при осмотре вещей. Красивые ногтерезки, медальончики с изображением Девы Марии, две зажигалки с пьезо-кристаллами и несколько кассет для магнитофона. Нагладил вычищенную парадку, назеркалил ботинки, перешил погоны на шинели и потопал в штаб полка за проездными документами. В штабе выдали бумаги. Командир полка пожелал доброго пути и посоветовал спешить на «Ариану». Скоро от нее отправлялся транспорт на Ашхабад. В кассе получил свои чеки за последние три месяца и пошел к замполиту.

Майор приказал открыть вещмешок и вывалить из него все. Посыпались из мешка носки, трусы, несколько фотографий, яркий восточный платок и книги. Замполит пересмотрел все, отложил фотоснимки и принялся перелистывать книги, купленные Костей в «Березке». Хорошие книги, такие книги в Союзе достать очень трудно. По чьему-то головотяпству попали они сюда. Замполит только головой покачал. Булгаковский роман «Мастер и Маргарита» завёл его. И вдруг из одной книги выпал маленький листочек. Замполит поднял его и побелел от гнева. Костя взглянул на бумажонку, и сердце его провалилось. На листке ощерился горилла Брежнев, подмигивая Косте: «Что, придурок, съел?» Самолет оторвался от земли «Арианы» и медленно начал набирать высоту, ревя мощными двигателями. Костя смотрел на него сквозь пелену слез. С полковой гауптвахты хорошо просматривалась вся взлетная полоса.

* * *

Как-то раз поспорил с пацанами на слабо. Ну, как с пацанами, вполне себе уже с военнослужащими. На втором году службы. С пацанами конечно, чего там. Парни-танкисты на спор легко пошли, богатыми были, да и скучно им в боевом охранении Кандагарской бригады, вот и решили поразвлечься со мной, полужнакомым.

Спор в следующем: не поверили мне, что могу кряду пять (ПЯТЬ) банок сгущенки слопать. Нет, ну надо же, не поверили! Вопросов нет: вспорол штык-ножом сразу все пять баночек сгущенного молока, рядом поставил кружку с водой. По условиям имел право очередную банку глотком воды запить. И началось...

Первые три даже не запивал, проскочили аж с добрым утром. А вот остальные потуже пошли, хоть и был я голоден. Но ничего, терпимо, зато честное имя не запятнаю, да и приз стоил того!

Не буду в подробностях описывать, как последние полбанки туда-сюда скользили по пищеводу, поскольку ощущения не того, не из приятных. А тут же и лицо держать надо, и форсу не растерять.

Мама дорогая, я сделал это! Ещё для понта пальцем со стенок банок остатки молока собрал и тоже употребил внутрь. Чутка отдышался, выпил водички, забрал приз и пошёл к своим в полк. Подкормлю парней.

Немаловажно, призом была коробка сгущенки. Сорок банок.

Не знаю, почему, но много, очень много лет я о сгущенном молоке даже думать не мог. Наверное, не очень свежее тогда попало.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 9. СЛАВКА

В стремительной атаке остановить солдата — значит вызвать на себя всю ярость, накопившуюся в нем в ожидании этой самой атаки. Рота летит вперед, поливая все вокруг из автоматов и подствольников: стрекотанье АК, рев гранатометов, хлопки разорвавшихся гранат, вскрики раненых, мат спотыкающихся — все горячит, раззадоривает бойцов. Духи за стенами дувалов почувствовали это единение роты шурави, увидели бесполезность своего сопротивления, потихонечку стали отступать, но все же стреляли еще густо. Командир роты знает, когда можно залегать, а когда развивать атаку. На собственном опыте научился. Когда-то, в одном из первых боев, увидел, что рота идет навстречу огненному шквалу, крикнул: «Ложись!», а в ответ увидел только спины. И не посмел он больше кричать, а ринулся впереди роты, мгновенно влившись в ее яростный атакующий порыв. Вместе с первыми прорвался командир через стену огня, вместе с ними кинулся на растерявшихся духов и крошил их из своего ствола вместе с первыми прорвавшимися. Только теперь заработал себе прощение командир, только сейчас увидели в нем солдаты не просто офицера, но командира, своего командира. Почувствовал тогда Славка-лейтенант момент, остро почувствовал, что, ошибись он, все могло обернуться иначе. Мог бы лежать где-нибудь сзади роты Славка с развороченной грудью под искрошенным бронежилетом. Не выдерживает бронежилет выстрелов в упор.

В этой атаке Славка снова впереди. Знают солдаты место командира, прикрывают его с флангов, готовы за своего старлея глотку любому перегрызть. Ворвались через дувалы в кишлак. Духи уже запетляли, зашмыгали по кишлаку, по его запутанным узким улочкам. Солдату не в первый раз в кишлаке. Архитектура знакомая, ясно, что к чему. Ориентируются солдаты по главному кишлачному арыку, перебегают от одной стены дувала к другой. Командир Славка хотел было заскочить в один из дувалов, да опередил его сержант Мишка Тарасов. Вышиб ногой ветхую калитку и обомлел на месте. Славка чуть не сшиб сержанта и тоже остолбенел. Стоит перед ними дед в широченных голубых штанах, в такой же рубахе, в чалме замызанной, с веревкой, вокруг головы намотанной, грязной и старой.

Борода редкая, клочьями белеет. Лицо, цвета вяленой дыни, ничего не выражает, глаза прозрачно-белые сквозь шурави смотрят. Обими руками дед саблю за рукоять держит, клинком в землю оперся. Сержант обошел деда, посоветовал ему «до обеда не рассыпаться» и побежал к дому. Славка пошел было за ним, но почувствовал за спиной хищное движение. Удивился командир: неужели это старик шевелится? Хорошо, что успел обернуться. Сабля сверкнула клинком, уже падающим на голову Славки. Выбросил вверх над головой руку Славка, отбил жало сабли вскользь, но кончик лезвия с легкостью отсек фалангу мизинца на левой руке. Дед уже взметнул шашку еще раз, а Славка на курок давит. Молчит автомат — нет патронов. Рвет с плеча оружие командир, хрястнуть в лоб старика, да не успел, пристрелил духа Мишка. Дед с задранной вверх саблей, широко расставив босые ноги, шагнул к Славке и рухнул к его ногам, с предсмертной силой рассек воздух перед шурави, в надежде достать, спалить ненавистного. Сержант уже был у дома. Славка одновременно с ним упал в пыль, когда тот швырнул в оконце гранату. Взрыв сорвал с петель дряхлую дверь и разнес ее в щепки о землю. Клубы пыли и дыма рванулись из домишки. Старлей и сержант подскочили к нему и разом влетели внутрь, простреливая перед собой пыльную темноту комнаты. Зря пуляли. Никого и ничего внутри не было. Два топчана-развалюхи с рваными лохмотьями одеял, несколько помятых медных кувшинов на жалком подобии стола, взрывом брошенном к стене. Вышли из домика. Мишка сменил магазин, протянул командиру еще один, полный.

Духи опять ушли, оставив после себя несколько трупов. Оружие унесли с собой. Потерь в роте не было. Несколько легкораненых да мизинец командира — вот и все потери. Прочесали кишлак. Нашли несколько стариков и старух. Ни детей, ни взрослых — все ушли в горы, все сбежали. То ли от шурави, что скорее всего, то ли от духов, в чем убеждала официальная пропаганда. Надоела до чертиков эта война. Всем. Нашим солдатам от неясности своего нахождения здесь. Афганским воякам — от бесконечности сидения в горах.

Тихо ночью. Затаился пустой кишлак, насыщенный по горло кровью и ненавистью. Дневные защитники ушли в горы, далеко залегли где-то в мрачных узких пещерах, выжидая своего часа. А дождутся,

ударят по шурави острыми уколами партизанских атак. Отставших и раненых изрежут на куски, уведут в плен крепких и здоровых — обращать неверных в мусульман.

Не спит рота. Бродят солдатские головы от крепкого хмеля сегодняшнего боя. Лихой был бой, даже красивый, в своей атакующей стремительности. Знает Славка, что солдат надо успокоить, но не расслабить. Сейчас все возможно. Бывало такое, что после боя еще не наступит обратная реакция, все возбуждены, вздернуты, и вдруг блеснет крохотная искорка раздора между что-то не поделившими солдатами. Взрыв эмоций страшен. Драки не миновать. А драка вооруженных, окропленных кровью людей страшна вдесятеро.

Выставил Славка посты, назначил бодрствующую и отдыхающую смены и созвал к себе оставшихся солдат. Расселись вокруг костерка солдаты, слабенькие всполохи огня мерцают, едва освещая закопченные боем лица, сверкая на свежих белоснежных бинтах с небольшими кровавыми пятнами. Сидят солдаты, курят крепкие сигареты, ждут, что командир им скажет. И Славка ждет, когда внимание будет обращено на него. Знает Славка, что нарушит сейчас устав, и если есть в роте хоть одна гнида, то не одобровать ему. Но верит Славка — нет таких в его роте.

— Вот что, мужики, — начинает Славка, обводя взглядом вмиг приблизившиеся к нему лица, ставшие родными и близкими за несколько месяцев. — Спасибо хочу сказать вам за сегодняшнюю «войну». Молодцы, хорошо воевали. Мишке, вот, Тарасову, — кивнул командир головой в сторону смутившегося сержанта, — большой «ташакур». Если бы не он, не мизинец я потерял бы, а голову. Крепким душманский дед оказался.

Рассказал Славка эпизод, случившийся сегодня. Посмеялись солдаты, нисколько не заискивая смеялись, от всего сердца.

Пошарил старший лейтенант в своем вещмешке и вынул на свет божий, а вернее, во тьму аллахову полную фляжку спирта, подбросил ее на широкой ладони, велел всем кружки приготовить. Передал флягу самому педантичному солдату — радисту Пискареву Женьке, точнее и справедливее которого найти в полку человека нельзя. Женька взвесил оценивающе сосуд и пошел быстро по тесному кругу, останавливаясь перед каждым на короткий миг, и плескал каждому

ровно столько, сколько и предыдущему. Дошел до командира, плеснул вначале себе, а потом в командирскую кружку, слегка звякнув горлышком об алюминиевый край. Молчат солдаты. Командир опустил голову, задумался, что же сказать бойцам.

— Хочу выпить за ваши руки, — начал Славка, улавливая при этом удивленные, быстро брошенные к рукам взгляды солдат. — Нет, ребята, не за эти руки, а за те, что были у вас на гражданке, и за те, что будут потом, когда домой вернетесь. Пусть ваши руки никогда и никому не причинят горя, а только добро принесут, ласку и счастье! — помолчал немного командир, замечая оттаявшие лица бойцов.

— Ну, быть добру! — закончил Славка свой тост и опрокинул содержимое мятой походной кружки себе в рот.

Спирт вспыхнул обжигающей струей, ринулся в желудок. Замелькали вверх-вниз солдатские кружки, крикнули единодушно солдаты. Каждый задумался о словах командира. Да уж, за эти-то ручки, страшные и обломанные, никто бы пить не стал — красоты маловато. Грубые, обожженные, закопченные, с корявыми ногтями, с кровавой грязью под ними. Сейчас эти руки способны только стрелять, рвать, резать, душить, уничтожать. Грустно, но неизбежно, если хочешь выжить в этом кошмаре чужой войны. Разбрелись солдаты, вытянулись в мягких постелях пыльной земли, примостившись головами на пышные подушки вешмешков, и, усталые, чутко уснули.

Славка проверил посты и сам подремал часа два, прислонившись спиной к теплomu дувалу.

Вновь идет Славкина рота в атаку. Не ладится сегодняшний бой. Нет в роте единства. Теряет рота солдат. Духи крепкой стеной на смерть стоят, защищают свою родную горушку, за которой только скалы голые да пустыня мертвым саваном лежит, щетинится редкими колючками. Вот такая земля есть на свете! Для афганцев она своя, родная и защищать ее надо.

Спустилась рота в ложбинку, такую прекрасную. Пули над ней проносятся, никого не задевают. Благо, у душманов гранатомета нет. Не достать им роту. Славка видит, что нет смысла солдат под пули гнать, не зависит от этой сопки успех большой операции, скоординирован отбой атаки. Солдаты благодарно взглянули на командира:

«Спасибо, батя!». Вот так в свои двадцать пять с небольшим лет стал «батей» для своих солдат Славка.

Ярятся духи: ну никак не достать шурави. Пуляют в белый свет, как в копеечку. С полковой стороны по радиции щедро поливают матюками командира роты. Взять горушку — и точка! Капитана Русланова, командира другой роты, ставят ему в пример. Тот хоть и потерял больше половины роты, а сопку взял. Только на кой черт она нужна, коли духи на зимние квартиры расползаются, никто не говорит. Знаком Славка с капитаном Руслановым, знает, что «батей» того никто не называет, да и вряд ли кто-нибудь назовет. Губит солдат капитан. Есть боевая задача — сдохни, но выполни! Вот и гибнут солдаты, не успев разглядеть в Русланове своего «батью».

Настороже провела ночь рота. Духи простреляли всю темень, видимо, боялись атаки. Славка нарочно драконил их, не давал уйти с места. На контратаку духи не осмелились, маловато их было. Надеждой питались сыны Аллаха. Вот, мол, шурави побьем, оружием разживемся. Да не удалось. Чуть светать стало, по связи пригрозили старшему лейтенанту Петракову Вячеславу — командиру роты пехотного полка — сорвать с него погоны, да не посмотрели, что на связи солдат, велели слово в слово командиру передать.

Женька кинулся к солдатам, все рассказал им. Поняли солдаты, что судьба офицерская, судьба «бати», в их руках. Сержанты выстроили роту в цепь, бесшумно покарабкались из ложбинки, стараясь не разбудить задремавшего под утро старлея. Потом уже, когда вырвались на простор, грянули «ура!» и пошли ломить сопротивление духов.

Славка подскочил, еще не совсем проснувшись, рванул затвор автомата и вылетел из ложбинки, растерянно глядя вслед пыльной занавесе, поднятой ботинками бегущей впереди роты, бегущей за спасением своего «бати».

Звук в горах далеко разносится. В засаде скучно. Ночь. Самое время для караванов оттуда туда и обратно. Бдим.

Лясы точим с парнями. Рассказал глупую историю из школьной жизни.

В общем, иду как-то раз в школу и понимаю, ноги не несут туда. Что ж такое, думаю. А-а-а, контрольная по геометрии. Вчера велели подготовиться, а я забыл.

Как, по-вашему, имеет право человек забыть что-то не очень важное? Можете не отвечать, поскольку ответ очевиден. Я и забыл. Теперь перед звонком вспомнил. Поздновато, но вспомнил же. Это главное.

Раз не готовился к контрольной, чего идти туда? Расстраивать учителя двойкой!? Нет, на это я пойти не мог!

Смотрю, на ненужной клумбе жёлтые нарциссы. Полюбовался ими и сорвал несколько штук. Подарю Вере Андреевне, учителю математики, чтобы как-то горечь моего отсутствия на контрольной подсластить.

Прилежно убежал от тётеньки, которой, как выяснилось, принадлежала клумба. А я знал? Дождался звонка с первого урока за школой и пошёл в класс.

Жёлтые цветы подарил, конечно. Меня даже не ругали. На контрольную попал, поскольку геометрию перенесли на второй урок. Первого вообще не было. Оказывается, нас вчера предупредили.

Безобразие! Громче надо предупреждать. Я, например, не слышал. ...Только парни рассмеяться собрались, взводный, низко согнувшись в спине, кулак под нос:

— Тсс... Жёлтый цвет — цвет грусти! — и тычет пальцем вниз.

Караван втягивался на тропу под нашими прицелами. На спинах верблюдов мешки жёлтого цвета.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 10. ПАШКА

К концу первого полугодия службы Пашка впервые попробовал покурить «дряни». В общем-то, ничего в этом он для себя не открыл и удивленно смотрел на ребят из своего взвода, которые, накурившись анаши, сидели и лежали в расслабленных позах. Сладковатый и удушливый запах дыма, маслянистый привкус в гортани и во рту — вот и все, что почувствовал Пашка. Чуть позже ребята притащили из рейда какую-то другую штуковину. Она и по виду разнилась от предыдущей: почти черный цвет, на ощупь липковато-тугая и резкий запах масла — вот что отличало ее. Процесс курения тоже был особенным. Не нужны были традиционные папиросные гильзы или сигареты. Вещество скатывалось в маленький, размером со спичечную головку, шарик, насаживалось на острие иглы и поджигалось. Опиум медленно тлел, курился синей струйкой дыма. Нужно было лишь с силой вдыхать через ноздри этот плотный дым, и эффект не заставлял себя ждать. Пашка попробовал и такой способ. Результат оказался необычным. По позвоночнику стал подниматься теплый мягкий шар, добрался до затылка, перекатился в лоб и растекся приятно-оглушающим нежным раствором. Ноги разом отяжелели. Пашка плюхнулся задом в пыль, прислонился спиной к ящикам со снарядами, сложенным штабелями на складе, который он сейчас охранял. Окружающие звуки гасились ватой, в которую превратился жидкий раствор в голове... Насыщенное истомой тело приятно обезвесилось, создавая иллюзию полета. Глаза призакрылись, оставив узкие полоски белков под веками, зрачки закатились. Голова бессильно свалилась на плечо. Рот безвольно открылся, из него обильно потекла слюна. Блаженство медленного парения все нарастало и нарастало, грозя оборваться страшным падением. Потом все куда-то ушло, разом выключилось. Пашка подремал некоторое время. Внезапная сухость во рту и головная боль швырнули его в реальность: в звуки, в движение, в жизнь боевого полка. Неприятные ощущения прошли достаточно быстро, оставив после себя небольшую, даже приятную в какой-то мере боль в суставах. Пашка еле дождался смены и побрел на кухню, где в больших котлах держался отвар колючки. Пил Пашка долго, все никак не мог утолить жажду. Отходил было да потом

вновь возвращался и опять пил, пил, пил... Пот ручьями растекался по телу, напивтая ткань хэбэшки. Пашка набрал из узкого ствола колодца воды и выстирал форму. Вечером ребята предложили ему еще разок «хапнуть», но Пашка отказался — не хотелось больше чувствовать себя беспомощным хотя бы даже и под кайфом.

Рота Пашки находилась во втором эшелоне охраны кандагарского аэродрома на отдыхе. Занимались с утра до вечера строевой подготовкой до чертей в глазах, до одурения, до «потери пульса», как называл это состояние старшина роты прапорщик Рахимбобоев, огромный, мускулистый туркмен. За глаза солдаты называли его Рэмбобоевым, и в этом изредка даже сквозило уважение, но очень редко...

Вскоре подразделение перевели на выносные посты — на «блоки». Жизнь там была ужасной. Камни, бетон «блока», ежедневная смерть, кровь и единственное спасение от всего этого — гашиш. Рядом с «блоком», где «ташил» службу Пашка, врос в каменистую почву маленький кишлачок, живущий своей непонятной азиатской жизнью. Люди там жили пугливые, несмотря на то, что кишлачок был договорной. Один из прежних командиров «блока» догадался бросить от движка на дувалы провода, и вечерами в кишлаке загорались тусклые лампочки, что приводило афганцев в благоговейный трепет. Изредка подбрасывали в кишлак керосин, лекарства. Но им было поставлено условие. Как только из кишлака в сторону шурави произведется хоть один выстрел — не только электричество вырубят, но и кишлак выжгут. Вот и приходилось седобородому «старшине» кишлака крутиться между шурави и моджахедами, чтобы сохранить столь шаткое равновесие. Видимо, духи понимали всю безнадежность положения для жильцов кишлака и совершали нападения на «блок» откуда угодно, только не с его стороны.

Кишлак давно и прочно вошел в жизнь «блока». Солдаты постоянно уходили в «самоволки», меняли шмотки, консервы со сгущенкой и тушенкой, керосин на гашиш. Некоторые из старослужащих имели какие-то свои дела в кишлаке и, несмотря на запрет командования, все же просачивались туда. Пашка тоже имел свой постоянный канал добычи наркотика. Перед выходом на «блок» он набивал вещмешок старыми майками, хэбэшками, сумками от противогазов и прочим тряпьем. Обмен производился по давно установленному тарифу. За

майку давали на два «косяка», за хэбэшку на четыре-пять. Пашка сотрудничал все время с высохшим от старости одноногим Халимом, который ловко скакал на одной ноге, опираясь обрубком другой на самодельный протез из крепкого узловатого дерева. Он брал шмотки, смотрел их на свет, определяя степень крепости, бросал их через плечо в темень лачуги на кучу другого тряпья. Рассчитывался за каждую вещь отдельно. Обычно Пашка, получив плату за первую шмотку, тут же закуривал мастырку и, блаженно затягиваясь, спокойно смотрел за суетливыми руками старика, ловко хватающими вещи и тут же бросающими плату, завернутую в тряпицы, перед Пашкой.

Однажды Халим, хитро улыбаясь, предложил Пашке вместо гашиша шароп-водку. Пашка вначале даже обалдел, ни фиги себе! «Сибирская водка»! Повертел в руках длинную стройную бутылку с винтом-крышкой и... отказался. Ну ее на хрен! Это в начале службы, когда только начал ходить на «войну», она нужна была, еще не знал тогда гашиша. Ох как нужна была тогда водка! Первые смерти ребят переживались как своя. Сколько дней — столько смертей, а то и по несколько за день. Возвращаешься в палатку, а там пустые койки. Сначала эти койки аккуратно заправляли, на подушки клали панамы убитых, а потом перестали — в привычку вошло, да и новеньким где-то спать надо было. Внутри все заскорузло, запеклось от ежедневной крови, так что до особых сантиментов не было ни времени, ни сил. После первых смертей головами молотились обо что придется от страха и ужаса за жизнь свою, орали и психовали, рыдали и блевали от слабости не физической, нет, от слабости душевной... А что толку! Все равно, не сегодня, так завтра в рейд, в «зеленку», на «блоки», мать их... Поэтому и долбили наркоту по-черному. Все как-то легче. Хотя не думаешь о тех, кто уже лег, и когда твоя очередь.

В этот раз Пашка быстро поменялся и вернулся на «блок». Почти все уже были на месте, по лицам видно, что накуренные и затаренные. Офицеры изрядно выпили и сильно запьянели. «Дурь» они не курили или почти не курили, а вот спирт или водку употребляли постоянно. К выходу на «блоки» не только солдаты, но и офицеры готовились. Искали спиртное, меняли на все, что угодно, лишь бы достать, лишь бы не оказаться нормальным человеком в ненормальных обстоятельствах. Покупали бутылку за

десять-пятнадцать-двадцать чеков, отдавали то, что собирались везти домой матери, жене, детям...

Старшина метался по «блоку», матерился, смешивая русские и туркменские ругательства, раздавал тычки и оплеухи тем, кто попадался под руку. Пашка спросил у молодого Иванова:

— Что это Рахим лютует?

— Кто-то у него мешок насадил со шмотками, — отозвался Иванов, чуть приоткрыв воспаленные веки, — по-моему, Оська. Как только пришли сюда, он сразу в кишлак сдернул.

Старшина заставил всех построиться, пьяно пошатываясь, пошел вдоль строя, пересчитывая всех ударом толстого пальца в грудь.

— Где Быков? — проревел он, обводя взглядом строй, замерший в равнодушном ожидании.

— Я еще раз спрашиваю, где Быков? Где он? — старшина подскочил к радисту Смыкину. — Где Быков?

— Не знаю, — вяло ответил Смыкин.

Прапорщик, не размахиваясь, воткнул свой кулак апперкотом в челюсть радиста, тот, отключенный, упал.

— Где Быков? — подошел к следующему — хиле Попцову, который и автомат-то с бронежилетом на себе еле таскал.

Попцов тоже полетел в пыль. Так старшина прошел через весь строй, в конце которого стоял Пашка.

— Где Быков? — протянул старшина, сверля Пашку налитыми кровью глазами, шумно втягивая через широкие, раздувшиеся ноздри горячий воздух.

— Не знаю, — зло бросил Пашка, напрягая пресс и готовясь отбить удар старшины.

Рахимбобоев резко вскинул колено, метя Пашке в пах. Пашка инстинктивно согнулся, выбросил руки вниз, прикрывая самое уязвимое место, а прапорщик правым кулаком нанес сильный удар в лицо солдата, кроша зубы и выбивая сознание. Пашка не упал, а просто плюхнулся задом в пыль, ошалело потряхивая головой и сплевывая осколки зубов вместе с кровью.

— Обезьяны, мать вашу, — орал старшина, уже остывающий, — я вам, сукам, покажу службу-пряник.

Дохлак Попцов поднялся с земли, клацая затвором АК, затравленно и дико вращая глазами, покачиваясь, еле держась на ногах. Он навел ствол автомата в спину старшины. Рахимбобоев зверем метнулся на землю, перекатился через спину к Попцову и, отжавшись руками, коротким рывком-взмахом ударил обеими ногами в грудь солдата. Попцов отлетел к бетонной стене «блока», далеко отбросив автомат, врезался спиной и, булькая кровавой пеной, съехал в пыль.

— Ну-у-у-у, — протянул прапорщик, — кто еще?!

Разбредись избитые, униженные, разозленные солдаты. Вот и еще один повод курнуть и забыться, что и сделали незамедлительно.

— Ну, сука Оська, — басил Шурка Кочетов, — прежде чем этот мудака к Рахиму пойдет, я ему харю-то начищу...

Но Оська так и не появился до самой ночи.

Пашка заступил на пост в два часа. Из амбразур «блока» хорошо был виден кишлак, хотя ночь скрывала даже луну. Слабые лучи звезд освещали знакомые очертания дувалов, по которым скользил Пашкин взгляд. Спать хотелось зверски. Зевота сводила скулы, в глазах больно резало от недосыпания. Но в голове не возникало даже этой крамольной мысли — уснуть. Пашка, не отрывая глаз от кишлака, на ощупь вынул из пачки сигарету, помял ее и быстро прикурил от зажигалки. Не торопясь выкурил, и приступил к детальному осмотру кишлака. На всех трех остальных постах солдаты делали то же самое, но только следили за горами, ущельями и узким входом в долину. Пашка нашел взглядом лачугу Халима, в которой был днем. Домишко старика стоял за полуразрушенным дувалом под толстым, но низким корявым деревом с удивительно густой кроной. Корни дерева мощно выпирали из земли, раздвинув скальный грунт, местами клубились замысловатыми узлами и вновь уходили под землю. Корни, вылезшие наружу, были очень толстые, и на них приятно было посидеть даже в сумасшедшую жару. Крона прикрывала от солнца, а корень придавал какую-то внутреннюю прохладу, струящуюся глубоко из-под земли. Дед Халим жил не один, с ним жила его внучка Лала. Пашка знал только ее имя и больше ничего. При его появлении Лала неизменно убегала. Халим не считал нужным рассказывать что-нибудь о ней, а у Пашки хватало такта не расспрашивать о девчонке, дабы не оскорбить деда.

Однажды Пашка внезапно вынырнул с другой стороны дувала и успел разглядеть тонкую детскую спину девочки в старом застиранном платье. Он специально кашлянул. Лала оглянулась и, соскочив с корня, метнулась в лачугу. Пашка успел увидеть ее смуглое свежее лицо с длинными черными бровями, нос с горбинкой и пунцовые маленькие губы. Он решил, что ей лет двенадцать не больше, так как в тринадцать-четырнадцать эти девочки становились замужними матерями. Еще раз Пашке удалось застать врасплох Лалу на заходе солнца. Она стояла на большом валуне лицом к яркой полосе заката. Казалось, солнце насквозь пробивало девочку, и под тканью ее одежды хорошо была видна небольшая стройная фигурка, а когда Лала отвернулась от света, Пашка увидел небольшие груди, от вида которых он смутился, пригнулся за камень и неслышно ушел на «блок».

Пашка тряхнул головой: «Вот, черт, задумался!». По узенькой улочке по направлению к «блоку» кто-то шел, даже не шел, а крался.

Пашка рассмотрел в руках у тени автомат и подтянул поближе свой. Вдруг фигура быстро побежала, на ходу поворачиваясь в сторону кишлака, откуда раздался гулкий выстрел. Фигура побежала еще быстрее, звонко заорав оськиным голосом: «Ду-у-ухи, ду-у-ухи...» Оська на ходу оборачивался и коротко стрелял. Пашка заорал: «Тревога! Духи!», но можно было и не орать, потому что все и так уже слышали стрельбу и бежали к стенам и амбразурам.

Рахимбобоев подскочил к Пашке и приказал встретить Оську.

Пашка скатился по наклонному желобу, над которым вел наблюдение за кишлаком. Со стороны селения раздавались редкие одиночные выстрелы. Оську пока не было видно из-за поворота тропы. Пашка решил выскочить ему навстречу. Вынырнув на тропу, он увидел Оську. Тот подлетел к стене «блока», с размаху врезавшись в нее лицом и кулаками, сжимающими автомат. «Ранили, гады!» — пронеслось в голове у Пашки и побежал к Оське, который, отскочив от стены, ринулся к входу.

— Паша, в «блок»! Духи, Паша!

Что-то незнакомое послышалось в голосе Оськи, но размышлять было некогда, и Пашка, пропустив его вперед, поспешил за ним, на всякий случай выпустив очередь в черный кишлак.

Все сидели на стене и всматривались в ближние дувалы. Оська подскочил к командиру «блока» и частой скороговоркой говорил, что его скрутили в самоходе и бросили в сарай, что он смог выкрутиться и убежал, но его заметили и пытались застрелить. Капитан в сомнении покачал головой, но ничего не ответил Оське, потому что из кишлака донеслись вопли, приближающиеся к «блоку», и выстрелы.

Командир приказал открыть огонь по наступающему противнику. По улочкам бежали люди, стреляющие из ружей. Они падали под плотным огнем автоматов со стен «блока», почти неуязвимых для нападающих, но все же пули иногда щелкали по бетону. В конце концов, одна хлюпнула в горло Попцова, и он, слабо вскрикнув, вытянулся на стене. Разъяренный командир, обманутый в своих надеждах на договорность кишлака, заорал, перекрикивая треск выстрелов:

— Вперед! В атаку!

Солдаты сорвались с мест и ринулись вниз, затопляя улочки кишлака, уничтожая стрельбой все живое, швыряя гранаты за дувалы, превращая деревушку в ад.

Крики женщин, яростные вопли редких мужчин, плач детей и вой собак постепенно замолкали под жестокой атакой шурави. Пашка летел вперед вместе со всеми, но не стрелял, никак не мог понять, где же атакующие? Что, всего-навсего эта горстка стариков со старинными ружьями, которых возглавлял одноногий Халим и которые теперь лежат распластанными неподалеку от «блока», это и есть духи?! И вспомнились вдруг Пашке слова одного тяжелораненого майора, с трудом хрипевшего на носилках перед отправкой на самолете в Ташкент. Пашка сидел около носилок, с жалостью глядя на лицо офицера, подернутое желто-серой пылью смерти, с искусанными вразыг губами, с синевой вокруг рта и глаз. Майор приоткрыл глаза, полные предсмертной муки, увидел Пашку и тихо заговорил:

— Хана мне, солдат, хана. Отвоевался...

Помолчал долго майор, Пашка подумал, не умер ли.

— Ты вот что, солдат, не верь, ничему не верь, что тебе говорят, — вновь зашептал майор, — здесь душманов нет!

Пашка удивленно вскинул брови.

— Да, да — нет! Мы же не против духов воюем. Мы против целого народа воюем!

Замолчал майор. Тут началась погрузка, и некогда было думать Пашке над офицерскими словами. Потом уже Пашка возвращался к тому разговору и стал понимать, что хотел ему сказать майор.

Вот они, эти душманы: лежат в пыли старики и дети, женщины и мужчины, которых положили ночью на тесных улочках ночного кишлака.

Добрел Пашка до домика Халима, вошел во дворик дувала, посидел на корне дерева и вдруг вспомнил, что среди убитых не видел трупа Лалы. Кинулся Пашка в домик. Лежит на полу истерзанное тело девочки. Пашка подошел поближе. Платье на внучке Халима разорвано в лоскуты. Кровью ноги забрызганы от лобка до колен, а под грудью, острой, маленькой, с иссиня-черными сосками, штык-нож торчит. Почернело в глазах у Пашки, кинулся он назад по кишлаку. Бежит в каждый дворик заглядывает. В одном из них увидел он Оську, на камне сидящего, о чем-то солдатам рассказывающего. Успокоил дыхание Пашка, подошел поближе, сел рядом, прислушался к Оське.

— Я, значит, на нее суку навалился, коленом между ног въехал, — говорил Оська, — а она упирается, заорать хочет. Ну я ей пасть быстро тряпкой закрыл. Заорет, думаю, весь кишлак на уши поднимет. Да еще по морде слегонца врезал, а она и с катушек. Тут-то я ее...

«Так вот в чем дело, — пронеслось в голове у Пашки, — вот почему этот гад об стену бился!». У Пашки внутри все заглодело, в голове стало неприятно пусто, даже затошнило от догадки. Ведь этот гад Оська спровоцировал уничтожение кишлака! Наверняка он залез в дом Халима, чтобы затариться гашишем, пока старик вместе с остальными был на намазе. Может, там же и курнул, да и закайфовал, а там и Лала пришла. Лала... Ее бесстыдно обнаженное мертвое тело вновь предстало перед Пашкой, и он в бессилии скрипнул зубами. Конечно, это Оська, и никто иной, изнасиловал Лалу, а потом убил. Что же делать? Что, что?.. Пашка готов был броситься на Оську, но осторожность, которой он научился здесь, остановила его. А чем он докажет, что было именно так? Может, действительно, жители сошли с ума и кинулись на «блок» с несколькими ружьями и кинжалами? Пашка мучительно думал, не слушая трепотню Оськи. Из лачуги,

стоящей внутри дувала, где сидели солдаты, вышел маленький ребенок, полутора-двух лет, на некрепких босых ногах он еле передвигался по пыльной дорожке. Рваная рубашонка до колен обнажала худенькое рахитичное тельце. Ручонки малыш расставил в стороны, согнув их в локтях, и кулачками тер глаза, при этом беззвучно плакал, широко раскрывая рот. Огромная, непропорционально уродливая голова падала то на одно, то на другое плечо, то на грудь, и его тело, как бы пытаясь установить равновесие, не упасть, раскачивалось из стороны в сторону. Ребенок заметил чужих людей и остановился, опустил руки, хотя его ножки подгибались, еле удерживая тельце. Оська увидел малыша и громко расхохотался:

— Гля, башковитый какой!

Затем схватил автомат, направил его на малыша и прострекотал языком:

— Тр-р-р-р-р...

Малыш испугался и опять заплакал, чуть громче, чем прежде, но было видно, что это ему стоило больших сил, потому что он посинел и упал на живот. Пашка вскочил, хотел броситься к малышу, но не успел. Блекло-серой птицей метнулась из лачуги зазевавшаяся мать, схватила на руки ребенка и быстро исчезла, затаилась за глиняными стенами от врагов и наступившего рассвета.

...На этот раз моджахеды ударили со всех сторон, взяли «блок» в правильную осаду. Бой продолжался до темноты. Позже налетели «вертушки» и, разбросав осветительные люминесцентные ракеты с парашютиками, взмыли вверх, уступая плацдарм бомбардировщикам. На «блоке» все замерло. Было непонятно, как это ни одна бомба, ни один снаряд не рванули на территории «блока». Летчики утюжили скалы, кишлак, небольшую мелкую речушку, резко меняя ее русло, выбрасывая высоко вверх камни с многовекового дна и расплескивая драгоценную влагу на мертвый камень гор. Через полчаса самолеты ушли, надрывно сопровождая свой след эхом.

Пыль постепенно улеглась, и страшная картина открылась всем: кишлака не было, было все что угодно, кроме человеческого жилья; камень и глина, составляющие дома, просто-напросто рассыпались по каменистой почве, придавая местности ее первоначальный, первозданный вид. На эти площадки садились три вертолета, готовые

принять в себя гарнизон ненужного уже «блока». Раньше, еще до «блока», здесь проходили древние торговые пути. В этом кишлаке караваны всегда останавливались, подкреплялись перед дальней дорогой, запасались водой и приносили небольшому горному кишлачку богатство и славу.

Солдаты быстро грузились, а Рахимбобоев их все подгонял и подгонял.

Пашка в это время был уже далеко. Он упрямо лез по скале вверх, таскал с собой только вещмешок с оставшимся тряпьем и автомат с полупустым магазином.

Пашка брел по пыльной, прокаленной злым солнцем земле. Жаркий день разгорался с новой остервенелой силой. Цикады трещали в недалекой зеленке. В звенящей тишине их стрекот, как острым лезвием, резал слух, напоминая о том, что давно хотелось пить. Фляга опустела часа три назад, когда он прятался в узкой скальной расщелине от пролетавших над ним вертолетов, направлявшихся на прочесывание района, где остались разрушенный кишлак и брошенный, уже никому не нужный блокпост. Пашка издали слышал свист двигателей вертушек и поспешил к скалам, где нашел ту самую щель. Вертолетчики охотились за любой движущейся целью, и плевать им было, кто там бредет, главное — в руках у мишени есть оружие. Если афганец, так нечего бродить по пустыне, вынюхивать, кого же можно грохнуть. Если наш, то тоже нечего в одиночку шастать. Не мы, так духи приговорят, и опять же из этого ствола по нашим долбить будут. Такова философия здешней войны. Пашка чувствовал себя дезертиром, хотя все внутри него протестовало против этого определения. Разве он защищал свою Родину?! Да нет. А что же он защищал? Сколько раз сопровождали ротой какие-то странные караваны, состоящие из русских и афганцев, от пакистанской границы до Шинданда, а там передавали их другим, странно молчаливым солдатам. Караван не трогался с места, пока рота не уходила на расстояние, когда все становилось едва различимым.

Ну, это ладно. А с какой стати он должен убивать безоружных и незащищенных людей, виноватых перед Пашкой только в том, что не хотят они просто-напросто жить так, как живем мы в своей стране, такой же непонятной для них, как и Афган для нас. Ну не хотят они

этих заводов, колхозов, партии и Ленина. У них есть своя партия и свой Ленин — Аллах. Он для них — «ум, честь и совесть», он им указывает, как жить и что делать. Почему же Пашка и другие пацаны должны вбивать в головы правоверных, что в этом-то они и не правы?!

Пашка ушел с блока, ни на что не рассчитывая, понимая, что он уже отрезанный ломоть, и к какому бы берегу ни прибился, везде ему крышка. Но последнее, что умирает в человеке, надежда. И Пашка брел в неведомую даль своей судьбы.

Двинулся к «зеленке», откуда пахло прохладой, раздвинул кусты густого заброшенного виноградника, давно уже одичавшего. Цикады, умолкнувшие было, быстро привыкли к присутствию человека и вновь застрекотали. Пашка нашел влажные камни, перевернул их и припал наждачным, пересохшим ртом к еле видимому ручейку. Пил долго, отдыхал в благодатной тени и вновь прикивал к воде. Потом носовым платком начал впитывать воду и аккуратно выжимал ее в узкое горлышко фляжки, пока она не наполнилась до краев, и вода обильно смочила чехол. Он забыл об осторожности и ушел от ручья, забыв на камнях автомат. Шумно продавившись сквозь лопушистую листву, вышел на дорогу, но тут же кинулся назад. К «зеленке» стремительно несли небольшой отряд всадников. Пашка метнулся к ручью. Мгновенно в нем проснулась звериная осторожность. Он подбежал к камню, схватил автомат, на ходу поправил перевернутые камни, присыпал их пылью и листвой, припорошил вмятины на земле и, прорвав «зеленку» с противоположной от всадников стороны, побежал к близким холмам. Среди множества расщелин, морщинивших вековые камни, Пашка быстро нашел ту, которая могла надежно скрыть его от человеческих глаз. Это был очень узкий вход в колодец-кяриз, тоннели которого раскинулись на многие километры. По этим подземным руслам в дни весеннего таяния снегов мчались бурные мутные потоки талой воды, питая влагой скудную афганскую землю. Этой влаги было достаточно, чтобы вырастить великолепный урожай винограда, но только не сейчас, когда бушевала война. Пашка протиснулся между острыми камнями в просторную пещеру, насыщенную влагой, в полной темноте капли очень громко хлюпались о скользкое дно пещеры. Солдат осторожно пошел вперед, держась левой рукой за осклизлую стену,

правую держа перед собой, чтобы не ткнуться головой в скалу. Над головой что-то противно прошуршало. Он инстинктивно пригнулся, уже понимая, что это всего-навсего летучая мышь, выпрямился и пошел дальше. Так он шел долго. Временами тусклый свет, проникающий через трещины, освещал сырость пещеры, и Пашка смелее шагал все вперед и вперед. Наверняка где-то есть выход, а где и куда выходит, это не имело значения. Вскоре Пашка устал. Сказывались бессонные сутки. Захотелось есть. Кое-что было у в вещмешке, но сразу уничтожить пищу он не решился, кто его знает, сколько еще бродить в одиночестве. Пашка присел на чуть сухой камень. Нащупал в кармане пачку сигарет, выудил «мастырку» и закурил. Привычно зашумело в голове, и Пашка, отдавшись знакомому чувству, погружаясь в полусон, сполз на прокисшие камни и уснул.

Снится Пашке, сидит он на большом бревне в березовой роще неподалеку от халимовой лачуги. Вокруг березы длинные, тонкие, чистые такие, только макушки у них корчатся в прозрачном солнечном пламени. Ветки низко свисают, под легким ветерком траву метут. Небо голубое-голубое, совсем прозрачные облака пролетают, а может, это и дым от березок. Покрутил головой Пашка. Вроде бы все хорошо вокруг, но что-то тревожит, не дает расслабиться, отдохнуть. Увидел Пашка, как на полянку выходят люди и рассаживаются в круг, на него внимания не обращают. Присмотрелся внимательнее, сидят перед ним те, кого он хорошо знал в Афгане. Только погибли они давно. Вот прапорщик Белов бутылку водки открывает. Голова и грудь у него в кровище, не засохшей, а свежей, даже капли стекают на руки и в стакан, который держит капитан Воцанюк. Пашка узнал капитана по разорванному телу, половины как-то неловко сидели друг на друге. И всех остальных узнал Пашка. Стыдно вдруг стало ему: вроде как предал всех, ушел от них и теперь сидит, прячется, не предупреждает, что пожар скоро может быть, вон уже и середина березок чернеет. Встал Пашка с бревна и не может шагу шагнуть, не знает, как его примут. Посмотрел на него прапорщик Белов мертвыми глазами, кивнул головой:

— Ладно, Пашка, чего там, иди садись с нами. Все равно скоро вместе будем...

Страшно стало, шагнул он было в круг, дернулся всем телом и проснулся. Понял: быть ему убитому. Встряхнулся, попытался отогнать неприятное сновидение. Припал к ручью, напился холодной воды и побрел дальше. Странно, чувство вины, что испытывал во сне, ушло совсем. Постепенно уходил страх перед смертью, хотя знал Пашка, что она близка, близка и неизбежна.

Вскоре нащупал в стене ответвление и пошел по нему. Забрел впереди рассеянный свет, и Пашка вышел к узкой трещине, за ней видны все те же горы. Протиснулся, стянув с плеч мешок и бронежилет. Автомат держал стволом перед собой. Выглянул наружу: всё спокойно. Потянулся за вещами назад в щель и вдруг почувствовал, как на его шее оказалась веревочная петля. Не растерялся Пашка, быстро просунул руку под веревку, перевернулся на спину. Спасибо выучке Рахимбобоева. Зрчком автомата уже нащупал врага, тот натягивал на себя, тянул веревку. Пашка увидел, что перед ним пацаны, еще совсем дети, вооруженные только кинжалами. Хотел было остановиться, но опять-таки рахимбобоевская тренировка сказала, уже летели пули, ломая пацанов пополам. Пашка снял с шеи веревку и в отчаянии отбросил от себя автомат. Ведь не хотел же, не хотел больше убивать. Надо было бросить оружие в кяризе. Сейчас бы сдался мальчишкам, а теперь...

Пашка даже не стал подходить к убитым, побрел уныло в долину.

Ночью, когда подходил к какому-то кишлаку, его остановил громкий окрик: «Дриш! Стой!». Пашка, устало сгорбив спину, остановился. Удар по голове опрокинул его на дорогу.

* * *

Пришел в себя рано утром. Тягучий голос муллы звал людей к намазу. Пашка попробовал встать, но туго скрученные веревкой руки и ноги только запульсировали отечной болью. Рядом с собой Пашка увидел глиняную миску, наполненную водой. Подполз к ней и, ткнувшись лицом в посудину, по-собачьи стал лакать. Потом лобрался к двери, сквозь щели увидел только часть глинобитного дувала и ветку дерева, толстую и корявую. К дереву подошел мужик, одной рукой легко тащил на веревке упирающегося барана. Перекинул веревку через ветку у самого ствола, одним рывком вздернул

животное вверх и широченным ножом полоснул его по горлу. Баран захрипел, задергал ногами. Струи крови хлынули вниз, сразу же жадно впитывались пересохой землей. Пашку стошнило, но все же продолжал смотреть. Мужик ловко отсек голову животного и стал сдирать шкуру, выворачивая ее наружу. Потом вспорол брюхо и вынул лоснящуюся требуху. Над головой уже пиршествовали собаки, злобно рыча и отгоняя друг друга. В эту хрипящую свору мужик швырнул и требуху. Собаки взвыли и кинулись раздирать ее, роняя куски в пыль и отдирая новые, кося по сторонам красными, злыми глазами. Через несколько минут все было закончено. Собаки облизывались длинными алыми языками, поглядывали на тушу, высоко вздернутую человеком. С туши стекала каплями кровь, и собаки, увидев, что человек скрылся, кинулись под дерево слизывать кровавую пыль. Самая смелая подпрыгивала вверх, пытаясь зубами впиться в манящее мясо, но только бессильно щелкала клыками и повизгивала от ярости. Ее примеру последовали и другие собаки. Опять началась свара, но теперь уже более жестокая, с дракой, с ревом, с клоками вырванной шерсти и кровавыми ранами. Пашка, не отрываясь, следил за происходящим, все это что-то сильно напоминало ему. Но что?! Внезапно драка прекратилась, собаки кинулись в разные стороны без оглядки, вскидывая высоко вверх тощие зады, прижав хвосты к животам и поскуливая. Кто-то невидимый для Пашки что-то крикнул собакам и швырнул в них камень. И тут Пашка вспомнил, что это ему напомнило. Когда-то, сто лет назад, а вернее, в первые полгода службы, Пашка был в рейде под Газни. В самом городе они с ребятами наткнулись на опиумокурильню. Зашли туда, заплатили и предались цивилизованному курению опиума, через всяческие хитроумные приспособления. Кто-то из солдат заметил полуобнаженную женщину, стоящую у входа в комнатку. Оська сразу сообразил, кто она и почему стоит в таком вызывающем виде, сразу бросился к ней. Дорогу ему преградил толстяк-хозяин, показывая пальцами, что за все надо платить. Оська сунул ему в руку пачку «афшек» и скакнул к женщине, втапливая ее в многообещающий полумрак комнатки. Остальные кинулись следом за Оськой, опрокинув растерявшегося хозяина. Пашка пошел за ними. В комнате увидел сопевшего на женщине Оську и споривших между собою

солдат, никак не могущих установить очередь. Дело уже доходило до драки, когда сзади раздался окрик:

— Всем назад, выходи строиться!

Это был советский патруль, которого вызвал хозяин...

Пашку вывели из лачуги. Он зажмурился от яркого света и шатнулся назад. Его чувствительно саданули под ребра стволами винтовок два сопровождающих. Повели Пашку в центр кишлака, где уже собирались люди. Неторопливо шагали седобородые старики, опираясь на палки, семенили женщины, разглядывая путь сквозь густую сетку паранджи, бежали дети, визжа и крича, взмучивая пыль улицы босыми ногами. Пашку привязали веревками к дереву. Взрослые стояли в тени дувалов, не обращая внимания на пленного шурави. Пацанята тут же воспользовались этим, и в него полетели камни, больно обдирая ноги. Один угодил прямо в глаз, рассек кожу, и кровь потянулась по его лицу первыми струйками. Увернуться от камней не было никакой возможности. Пленник только зажмурил глаза, чтобы их не выбили. Установилась тишина. Пашка открыл заплывшие глаза. Спинай к нему стоял вооруженный человек, опоясанный крест-накрест ремнями, он что-то говорил жестким, хриплогортанным голосом. Все внимательно слушали его и только согласно кивали головами. Даже детишки посерьезнели и с восхищением следили за скупыми жестами говорящего человека. Пашка мучительно пытался поймать, уловить знакомые слова, чтобы расшифровать смысл сказанного, хотя и так было понятно, что говорят о нем и что ничего хорошего это ему не сулит.

Когда говоривший умолк, на площадь вынесли два трупа. Пашка сразу узнал в них пацанов, пытавшихся его заарканить. Рядом с телами бросили автомат.

Подошли двое. Тот, который говорил, ударил Пашку кулаком в лицо и что-то прокричал. Другой — молоденький, худенький быстро и легко перевел на чистый русский язык, с небольшим акцентом:

— Твоя работа?

Пашка, не удивившись родной речи, кивнул головой. А какая разница, его или не его рук дело? Конец-то все равно один.

— Тогда тебя казнят, — самостоятельно сказал переводчик.

Пашка криво ухмыльнулся окровавленными губами. Вооруженный опять подскочил, ткнул кулаком в живот и, разъярясь, начал молотить солдата увесистыми ударами в лицо, в грудь, в живот. Пашка захлебнулся кровью, закашлялся, сплюнул выбитые зубы и ударил ногой в пах налетавшего на него человека. Удар оказался не сильным, но от неожиданности нападавший упал. Потом он вскочил, завизжал страшно и снова кинулся на шурави. Дальше Пашка ничего уже не помнил, очнулся в знакомой камерке. Все тело ныло, рваные раны саднили и кровоточили, голова кружилась, тошнило, хотелось пить. Пашка приоткрыл больные веки и увидел сидящего перед ним переводчика. Тот увидел, что русский открыл глаза, наклонился к нему и начал тоненькой струйкой лить воду из медного кувшина ему на голову. Пашка жадным ртом ловил холодные струйки, и силы постепенно возвращались в его избитое тело.

— Есть хочешь? — негромко спросил афганец. Пашка отказался.

— Ты откуда язык наш знаешь? — спросил он у переводчика.

— В Союзе в институте учусь. Сейчас на каникулах, — ответил тот.

— Ну, ты даешь! — удивился Пашка.

— А что делать. Ведь все же знают, что я там учусь. Можно, конечно, на каникулы не приезжать, но тогда здесь всю семью вырежут. Вот и езжу сюда на лето, переводчиком у них служу, — тяжело вздохнул парень.

— А где в Союзе учишься? — поинтересовался Пашка.

— В Ставрополе...

— Где-е-е-е?! — удивленно протянул Пашка. — В пединституте, что ли?!

— Да. А ты, что, оттуда?

— Ага. С юго-западного. На Доваторцев живу... жил.

Помолчали.

— Может, к твоим зайти. Записку напиши, — засуетился афганец. — Меня зовут Фарух.

— Да пошел ты, — ответил ему Пашка и замолчал, ушел в себя, замкнулся.

Фарух пытался его разговорить, но тщетно. Встал, потоптался немного и вышел из домишки, заперев за собой дверь.

Ночью налетели ураганом вертолеты, разбомбили, разнесли в клочья кишлак. Следом прошла, прочесывая, пехотная рота. Тяжелораненого Пашку отвезли в Кандагар, а оттуда в ташкентский госпиталь. Комиссовали.

Идет однажды Пашка по улице Морозова, изуродованную ногу, прикрытую джинсами, подтягивает. Вдруг мелькнуло в толпе студентов, идущих к институту, лицо такое знакомое, смуглое, нос горбинкой.

— Фарух! — выкрикнул Пашка мгновенно всплывшее имя афганца-переводчика.

Фарух оглянулся, побледнел, узнавая Пашку, и кинулся на другую сторону улицы.

— Во, дурак! — удивился Пашка.

* * *

Вы бывали когда-нибудь в ночном! В самом настоящем? В степи. Чтобы ночь непроглядная, шорохи травы, приглушённые всхрапы лошадей, искры костра вдобавок к звёздам, подгоревший кулеши из котелка и страшные истории.

От тех рассказов боязно, но стоит только взглянуть на деда, тянущего горячий чай из кружки у притомившегося костра, и понимаешь, что кнут у его ног поможет справиться со всеми угрозами.

Нас с десятков мальчишек и девчонок. В основном городских. Приехавших на лето к бабушкам. Без проблем нас отпустили с дедом Колей в ночное. И ему не так скучно, и нам развлечение.

Разлеглись на сене, сброшенном с телеги, в ней приехали в степь. Тепло. Однако лоскутные одеяла не лишние. Сон.

И туманное утро. И роса. И молоко кружкой из огромного бидона с огромными кусками хлеба. Дедушка на ферму успел сходить, принёс парного.

Ночью проснулся в палатке, хоть где-то далеко, за боевым охранением стрельба, спокойно вокруг. Вспоминал звуки, запахи, ощущения из далёкого ночного.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 11. ДУБОВ

Замполит полка майор Дубов неторопливо обходил территорию части. Торопиться было некуда. Служебные дела закончены, а в комнатке, отведенной ему для жилья командованием гарнизона, Дубова никто не ждал.

Жена сбежала два года назад с молодым старлеем подальше от опасной близости Афганистана. От ворот части до границы с пылающей в войне страной было всего-то двенадцать километров. Так что надо было убегать подальше, в «блестящую» городскую жизнь, где есть кино, театр, танцы, рестораны. Как только наши войска вошли в Афганистан, влиятельные родственники нового мужа Нины поспешно перевели его в один из многочисленных военных гарнизонов Подмосковья, кажется, куда-то в сторону Подольска. А там и продвижение по службе ускорят, да и с жильем проблемы снимутся. Конечно, это более интересная партия, чем Афганистан и Дубов. Да жена и не скрывала своего пренебрежения, смеясь, говорила:

— Тусклый ты, Дубов. Брошу тебя. Все равно ты все время с солдатами проводишь. Вот и живи с ними!

— Не понимаешь ты меня, Нина, — вздыхал тогда еще капитан Дубов. — Это же дети! Кто о них позаботится? Тяжело ведь им.

— Дурак ты! Что, других офицеров нет? Тебе больше всех надо? Что это — твои дети?

— Так своих-то нет. Хоть этих пожалеть...

Детей не хотела иметь Нина:

— Брось службу. Уедем из этой дыры, я тебе хоть десяток нарожаю. А так... таскаться всю жизнь по гарнизонам... Нет ни жилья своего, ни нормальной жизни. Да и я все-таки молодая, интересная женщина, хочу для себя пожить!

«Что ж, по-своему она права», — вздыхал Дубов, глядя на кокетливо смеющуюся жену.

Он был старше Нины на пятнадцать лет. У нее — ветер в голове: танцы, шик, блеск. А у него — любовь к ней да служба.

* * *

Вечерние тени протянулись от высоких пирамидальных тополей, растущих у высокого глинобитного забора части, через небольшой пыльный плац и ткнулись в стену старой одноэтажной казармы, в которой была комнатка замполита. Взгляд Дубова упал на щит, укрепленный в металлической раме, приваренной к вкопанным в землю толстеным трубам у широкого входа на плац. Рукой самодеятельного художника было намалевано жуткое чудовище в форме солдата Советской армии, его отрешенный взор был устремлен в недостижимые патриотические дали, короткие, уродливые пальцы судорожно сжимали автомат. Подпись под этим кошмаром гласила: «Изучай военное дело, будешь врагов бить смело!».

Автором поговорки был сам Дубов, а рисовали по его распоряжению после отбоя солдаты-первогодки. Майор довольно хмыкнул и пошел дальше, сквозь широкие яркие полосы солнечного света и такие же широкие, но прохладные полосы тополиных теней. Одобрительно поглядел на следующего мутанта с надписью: «Родиуну-мать учись защищать!», оглянулся на открытую почти целиком часть.

Она была построена в двадцатые годы большевиками, брошенными сюда железной рукой советской власти для борьбы с басмачеством. Со временем часть перестраивалась, совершенствовалась, и теперь в ней проходили курс молодого бойца перед отправкой в Афганистан вчерашние призывники. Впрочем, этих пацанов здесь практически никто не называл бойцами или солдатами, а просто «молодой», «сынок», «щегол» и так далее, тем самым подчеркивая ничтожность не только срока службы, но и самого мальчишки.

Два месяца проходили подготовку новобранцы, принимали присягу, три пули выпускали из автомата по деревянным мишеням и уходили «за речку» такими же сопливыми, необстрелянными детьми, как и до прохождения курса.

Солдатами они становились позже. Уже там, в снегах высокогорья, на сожженных солнцем безграничных пыльных просторах пустынь, на адских сковородах бетонных блокпостов. Познав, как пахнет кровь, как выглядит друг изнутри, засовывая в его разодранный живот его же скользкие кишки. Позже...

А пока молодые бойцы старательно, как и положено первогодкам, бегали по близкой, через дорогу от части, пустыне, выдыхая из легких гражданский никотин, багровели, задыхались, тяжело громыхая необношенными, грубыми ботинками и тихо матерясь, шли в очередной наряд на кухню, чистить картошку. Дубов вздрогнул от того, что хрипло каркнувший на столбе репродуктор зашипел заезженной пластинкой: «Давным — давно сыпучие барханы двадцатый век изрезал лентами дорог. Но песню грустную верблюжьих караванов в пустынях до сих пор хранит песок...».

Звуки вступления к песне разнеслись по гарнизону, многократно усиленные мощными динамиками. Музыка хорошо была слышна и в кишлаке, рядом с которым находилась часть, что не только не беспокоило, но даже нравилось местным жителям-узбекам, выжатым каторжным трудом на хлопчатниках. В радиоузле хранились пластинки с записями песен, популярных в пятидесятые — семидесятые годы, их «крутили» по вечерам и целыми днями в праздники и воскресные дни, чтобы хоть как-то отделить себя от серых армейских будней.

Дубов проводил взглядом роту солдат, строем прошагавших в столовую на ужин. Воскресенье. У офицеров вечеринка с танцами, у солдат киношка в клубе, а потом отбой с короткими посиделками в курилке.

Ах, Нина, Нина... Когда она уехала два года назад, Дубов от тоски и отчаяния подал рапорт об отправке в Афган. Смерти искал. Или награды. Или повышения. Может, вернулась бы?!

Просьбу удовлетворили почти мгновенно. Смерть обошла, повышение получил, награду тоже, но вот Нина не вернулась. Да и не вернется теперь уже никогда.

Дубов поправил пустой левый рукав гимнастерки и отправился в солдатскую курилку. Любил по вечерам перед отбоем поговорить с мальчишками. По-своему подготавливая их к тому, с чем придется скоро столкнуться каждому из них. Да и какие ему теперь танцы?!

Завтра мальчишки, начав новый день службы, под руководством инструкторов, жестоких и беспощадных, неоднократно побывавших в Афганистане, будут отрабатывать приемы рукопашного боя, визгливо-смешно выкрикивая на выдохе: «Кий — я — а — а ...», нелепо суя руки и ноги Бог весть куда.

А сегодня вечером можно посидеть и тихонько, по-семейному поговорить.

Дубов рассказывал о том, что пережил сам, что видел, чему научился. Пацаны замолкали, слушали с широко открытыми глазами, полными тревоги о будущем.

Говорил майор ровным голосом, негромко, так, как привык говорить в высокогорных засадах, где звук разносится очень далеко, где ложкой орудуешь осторожно, стараясь, не дай Господь, не скребануть о дно котелка или стенку консервной жестянки. Шумнешь — и сам погибнешь, и товарищей погубишь. Или спугнешь главную цель засады — караван.

Пустую банку из-под тушенки не отшвыриваешь, а аккуратненько ставишь подальше от себя, стараясь зажать в расщелинке, чтобы случайно не зацепить.

А для того чтобы не заморозиться, ворочаешься в снегу и при этом абсолютно бесшумно, нежно, как любимую женщину, перекладываешь с руки на руку автомат, норовящий лязгнуть стылým металлом. И мерзнешь..., колеешь от холода..., задыхаешься от мороза.

Дубов внимательно оглядывает солдат. Слушают, боятся слово пропустить. В глазах некоторых недоверие. Как это, мол? В Афгане пустыня, вон как за воротами части, замерзнешь там, как же! Жара. Пекло. И вдруг — холод, снег. Недоверие у тех, кто в горах ни разу не были. Другие понимают: внизу — плюс тридцать, вверх — минус десять.

Дубов закуривает новую сигарету, ловко орудуя одной рукой, отказываясь взмахом головы от предлагаемой помощи. Оглядывает поверх голов солдат вчера только изготовленные планшеты, прислоненные к стене казармы, с надписями: «Дал присягу — назад ни шагу!», «Помни присягу свою — будь стойким в бою!».

Про себя думает, что прямо с утра надо из хоззвзда плотника прислать, чтобы приладил у входа в здание перлы солдатской мудрости, и продолжает разговор.

Кроме того, есть приказ — пропустить караван ни в коем случае нельзя. Он несет груз, который грозит новым горем, смертями, потерями для контингента Советской армии и мирного афганского народа.

Разведка докладывает, и группа выходит на реализацию разведанных, то есть устраивает засаду. В древние времена караван — богатая добыча, желанный приз для разбойников. А теперь — цель нападения и уничтожения любой ценой и людей, и грузов. Издревле тянутся караваны по тайным горным тропам ночью. Скрываются днем в тени «туберкулезной» чахлой зелени, в пещерках, ложбинах между сопками. Караван хорошо вооружен — имеет свои зубы и достаточно больно кусается. Ведет караван старый афганец — караван-баши. Не идет, шествует той удивительно легкой походкой, которой, кажется, совсем не свойственно утомление. Сам караван-баши с высоким крючкообразным посохом в руках и цепь ишаков, или верблюдов, или лошадей, навьюченных тяжелой кладью, внешне выглядят так же, как выглядели подобные караваны много веков назад. Караванщики одеты в просторные, длинные и очень теплые дубленые шубы. В условиях высокогорья особенно хороши рукава этих шуб. Они спускаются до колен и состоят из сложенных мехом внутрь ромбовидных несшитых между собой полос овчины, похожих на ласты. Такие рукава чудесно защищают от стужи и своим устройством не мешают мгновенно выхватить оружие.

Майор рассказывал о том, что было на самом деле, не пугая, а настраивая, предупреждая, подготавливая к тому, что ему было хорошо известно и знакомо.

Потом уже, когда объявляли отбой и солдаты засыпали в казармах, Дубов возвращался в курилку, закуривал и, стиснув зубы, застывал допоздна, вспоминая свое участие в этой войне.

В седловине, между двумя заснеженными вершинами, где с вечера находилась в засаде рота, было ужасно холодно. Ветер, дувший с яростной силой, казалось, пытался вышвырнуть вон шурави, отморозить все части тела, которые выглядывали из-под одежды. Солдаты зарывались в снег, пытаясь согреться. К счастью, ближе к полуночи ветер переменялся, и теперь его ледяные струи проносились над головами солдат.

Обозначив задачи, выставив дозорные посты, Дубов уже под утро задремал в маленькой, похожей на берлогу пещерке. Перед самым рассветом его разбудил рваный лай всех стволов, имеющих в распоряжении роты. В голове мелькнуло:

— Началось!

Крутнувшись в «берлоге», из-за стилого валуна Дубов выставил автомат в сторону тропы, выстрелил из подствольника в самую гущу людей и животных. Отметил для себя выброс разрыва и, стреляя в хвост каравана, моментально оценил складывающуюся обстановку.

За тридцать секунд боя все смешалось: мечущиеся на тропе бородатые люди с чалмами на головах, плач, рев и стоны раненых, бьющихся людей и лошадей.

Животные падали на тропу, заваливаясь на бок, тащили в пропасть за собой караванщиков, отчаянно пытавшихся удержать от падения вниз лошадей и тюки с грузом, но тщетно. Люди, стесненные узостью тропы, не могли отступить, скрыться за скалой, откуда минуту назад вышли на этот проклятый участок. Не могли пройти вперед, отсеченные плотной стеной огня. Понимая свою обреченность, они выхватывали оружие и бились горячечно, ни на что не надеясь, лишь взывая к аллаху, чтобы тот увидел, как дерутся его верные сыны. Залегая за трупами животных и своих товарищей, пытались вести прицельный огонь, и не без успеха.

Дубов видел, как, дернувшись, ткнулся головой в снег боец, а рядом с ним побагровела, подтаивая, морозная белизна под телом второго.

Майор выкрикивал слова команды, пытаясь уберечь, предостеречь солдат, но грохот и рев боя перекрывали его голос, и ему самому казалось, что он не кричит, а едва шепчет.

Бой велся жестокий, беспощадный, на полное уничтожение, и люди из каравана, понимая это, пытались подороже продать свои жизни.

Дубов оторвался от прицельной планки автомата, чтобы увидеть солдат, оценить ситуацию, и заорал:

— Газарян, назад! Назад! Не высовывайся!

В горячке боя Газарян вскочил и, жутко хохоча, вел огонь с колена. Дубов приподнялся над камнем:

— Га.., — не успел докричать.

Ослепило близким разрывом гранаты, огнем обожгло левую руку. Сознание Дубов потерял не сразу, успел отметить, как внезапно наступило затишье, подумал: «Умираю?!» — и впал в забытие.

Очнулся от резкой боли. Перетягивающий левое предплечье бинтом Басыров поглядел на командира ласковыми карими глазами и, успокаивая, сказал:

— Ничэво, ничэво, камандир, каравана — йок, нэту...

Дубов услышал, что время от времени тишину прерывают одиночные выстрелы, и понял, что каравана действительно «йок», раз солдаты достреливают, добивают умирающих и раненых духов, ставят контрольным выстрелом в голову восклицательный знак на мертвых.

— Лэжы, лэжы, — успокаивал Дубова Басыров, — тропа сэчас расчыстым, груз забэром. Служьба знаим. Уже «вэртушкы» идут.

Дубов облегченно, насколько позволила рана, вздохнул и только теперь с изумлением отметил, что на Басырове поверх бушлата наброшена дубленка. Тот, увидев изумление командира, поспешил объяснить:

— С убитых снялы. Стрэлялы — разгорачылысь. Холодно тыпер. А шуба топлый. Мортвый — в пропасть, а шуба живой — на. И тэбе тожэ на, — Басыров заботливо набросил на Дубова широченную овчину.

Дубову стало тепло не только от меха дубленки, но и от заботы солдата. Только где-то в подсознании замелькала мысль непонятая, неосознанная, вызывающая чувство опасности и тревоги. Думать и размышлять мешала слабость. Тепло окунуло Дубова в дрему, а промедол оттянул сверлящую боль. Он только и прошептал Басырову:

— Тропу расчистите, груз поднимите на площадку, — и уснул.

Вместе с болью промедол погасил и тревожную мысль. Бойцы, управившись на тропе, карабкались на площадку, волокли с собой тюки и трофейное оружие.

Из-за дальней вершины две вертушки взяли направление на седловину.

Командир борта передал в полк:

— Я — полсотни третий. Сигнала нет. Вижу тела наших наверху, похоже, перебили всех. Караванщики таскают выюки с тропы наверх, — и не удержался: — Вот, твари, отсидеться хотят...

И вертолёты, коршунами ринувшись с неба, весь свой огонь обрушили на усталых «караванщиков», вереницей ползущих вверх к спасительному гребню.

Рокот «вертушек» и шквал огня молнией высветили в голове Дубова смысл его тревоги:

— Сигнал опознавательный не дали! Шубы...

Поздно. Вертолеты сделали следующий заход. Пилоты убедились, что «афганские караванщики» полностью уничтожены, связались с базой и, сделав разворот, ушли за спецгруппой. Пусть уж они разбираются, что произошло на тропе, а заодно и трупы погрузят, и уцелевшие вьюки.

Машины растворились в круге огромного солнца. Из укрытия выбрался шатающийся от слабости, потерявший шапку, с всклокоченными потными волосами и безумным взглядом майор Дубов.

Забыв о боли в раненой руке, он побрел от тела к телу, оскальзываясь на утоптанном снегу, испачканном красными пятнами крови и черными разводами гари, не веря, не желая осознать нелепость случившейся трагедии, надеясь на чудо, на то, что ребята ранены, уцелели... Становился на колени около каждого погибшего. Ласковым шепотом разговаривал с ними. Жалел. Приговаривал какие-то нелепые слова оправдания. Просил простить его за то, что остался жив. Закрывал ребятам глаза. Гладил коротко стриженные головы. Накрывал лица подобранными шапками, кусками бушлатов и дубленок... И только когда добрел до тела Басырова, заглянул в его спокойное лицо и застывшие карие глаза, Дубов отчаянно, горестно, страшно завыл.

Так воеет, низко опустив голову, старый волк у мертвой, разоренной охотниками родной норы, оплакивая гибель маленьких, теплых, бестолковых, беспомощных волчат.

* * *

...Веселые голоса возвращающихся с вечеринки офицеров с женами отвлекли майора Дубова от воспоминаний. Он поднялся со скамейки, поглядел на темное окно своей комнатухи и зашагал в казарму.

Сделав знак подскочившему дежурному, укоризненно качнул седой головой и, стараясь не скрипеть половицами, прошел в свою комнату.

Постоял, не включая свет, припомнил, как умолял чуть ли не на коленях комдива не отправлять его на гражданку, не списывать по инвалидности после ампутации руки. Щелкнул выключателем.

Тусклый свет сорокасвечовой лампочки осветил спартанское жилье. Дубов поправил покосившийся плакатик, висевший над выключателем: «СССР — всему миру пример!», хмыкнул, быстро

разделся, погасил свет и улегся в узкую, жесткую кровать. Полежал на спине, подложив руку под голову, припоминая вечерний разговор с солдатами. И стал засыпать, твердо зная, что не сможет пересилить себя и не придет прощаться с этими мальчишками перед отправкой их на войну.

* * *

В марте одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года в афганской провинции Бамиан офицеры батальона попросили запечатлеть их на фоне статуи Будды. Было поставлено два условия. Во-первых, парни должны быть сняты в полный рост, во-вторых, статуя тоже должна быть видна, как можно более величественно.

Я старался как мог. Старенькая «Вилия – Авто» не располагала широким углом. В общем, когда я оказался на расстоянии слышимости, в объектив попало всё, что было заказано. Правда, после проявки плёнки и печатания фотографий я долго старался уходить от того, чтобы вручить снимки заказчикам. Они — люди военные, далеки от высокого искусства фотографирования. Мало ли... Но ничего. Обошлось. Даже понравились снимки.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 12. ВОВКА

Теплый осенний день. Листва опадает с кленов и ясеней, пытается устлать мягким ковром весь парк, печально и убаюкивающе шуршит под ногами. Пряный и острый ее запах дурманит голову, пьянит чем-то приятно-грустным. Изредка взрывается тонкий сучок и осыпает ноги прелой пылью. Слабый ветерок пытается проскочить сквознячком меж стволов деревьев, но запутывается в них и утихает, слабо вздохнув. Солнечные лучи смелее пронзают безлиственные кружева ветвей и греют, греют, греют землю.

Под вечер воздух становится прозрачным, в его дыхании уже чувствуется хрустальность будущих морозов, но она еще нежна, едва уловима.

Ветер набирает силу и грудью бросается на деревья. Те поскрипывают старыми телами, с неохотой сгибаются и вновь выпрямляются. Уцелевшие листья собираются в маленькие смерчки вперемешку с измельченной трухой и неприкаянно носятся по парку, разыскивая свой дом — свое дерево. Вороны шумно опускаются на старый клен, картаво переругиваются и замолкают, как только солнце совсем уже спрячется за раскрасневшимся горизонтом...

...Бросить бы все да провести денек в парке, пусть даже одному. Впрочем, даже лучше одному. Отдохнуть от всего и всех, надышаться чистым воздухом, насмотреться на бледное, иссиня-зеленоватое небо, а потом... А что потом?! Все! Хватит!

Вовка тряхнул головой, и чудесное полудремотное видение исчезло, в глаза хлынуло солнце. Много солнца. Слишком много жестокого, яркого солнца. Веки привычно дернулись, смахивая слезы, прищуренные глаза осторожно прощупывали опасную чертову пыль и камни.

Пока он дремал — был в отдыхающей смене — ничего не изменилось, только разбухший, безобразно яркий шар солнца чуть сместился к горизонту. До ночи еще далеко, до начала смены минут тридцать. Но не хочется больше спать — опять какая-нибудь мура приснится, выбьет из привычно-непривычной колеи войны. А все же какой парк красивый! Эх! Сейчас бы!.. Все. Все, забыто!

Вовка потянулся до стона, покрутил головой, разогнал застылость мышц. Закурить, что ли? Нет, не буду. Бросил две недели назад. Была причина бросить.

Бежали тогда долго по сопкам. Уходили от духов к своим, под покрытие бетонки, по которой шмыгают днями машины.

Бег начали всемером, а к финишу пришли втроем. Чуть было пятым не остался в сопках Вовка.

Бежали без оглядки, нечем было огрызнуться. Весь боезапас оставили там, в сопках, вместе со своим взводом, покрошенным из засады пулеметными очередями. Когда залегли после первого шквала, были недоумение и злость, потом ярость и боль, чуть позже бессилие и страх, а когда патроны закончились, январским морозом хлестнул ужас. Вскочил первый и понесся назад, к базе, за ним второй, и уже, не помня себя, летел за всеми Вовка, беспокоясь лишь о том, чтобы не бросить, не потерять автомат.

Чем ближе к бетонке, тем слабее ноги, руки, все тело. Добежал до дороги и упал почти под самые колеса остановившейся колонны «КамАЗов». Когда очнулся, отдышался, вынул из кармана сигарету, задымил, но тут же отшвырнул ее и закашлялся, с трудом удерживая тошноту. Так и бросил курить.

Но не только об автомате думалось Вовке во время безумной пробежки, думал еще о том, чтобы не потерять раскачивающуюся на груди в тяжелом, тягучем, напряженном беге оберег — ладанку, повешенную на шею матерью, глубоко и искренне верующей женщиной. Верующей в то, что странно пахнущий кусочек дерева спасет и сохранит от гибели кровиночку, единственного любимого сына, веру и надежду в этой жизни. Сумела она передать эту веру в оберег и Вовке.

Что же, как не эта ладанка спасла его великим чудом тогда, когда в ущелье на зажатой скалами дороге караван грузовиков, везущий пацанов первого полгода службы, и Вовку в их числе, был обстрелян душманами? Стреляли в упор, перегородив дорогу подбитой техникой.

Выскочив из горящей машины, обезумев от животного страха, метался тогда необстрелянный пацан Вовка по ущелью. Открытая, доступная, как на ладони, мишень. Моталась на шее образок-ладанка в такт его бестолковому бегу.

Спас козырек скалы, нависший над дорогой. Пули прощелкали, злобно отгрызая острые осколки камня, зло ворча, ушли в сторону длинной очередью.

Нырнул под горячий камень Вовка, зашептал, сбиваясь, молитву о спасении живота своего и притих. В его затишок запрыгнул прапорщик, он на марше командовал танком сопровождения. Пули подчёркивали его отчаянный прыжок и успели зацепить под колено правой ноги. Прапорщик втянул ногу под навес, взревел от боли, хрипло матерясь, выплевывая вместе со словами сгустки крови, упал на спину, обдирая о камни дымящийся бушлат, пытаясь сбить струйки дыма и тлеющие глазки огня.

Невидящим после яркого света взглядом окинул укрытие, не заметив Вовку, сунулся к краю щели, подтянул автомат к себе и начал резать, косить фигуры духов, радостно соскальзывающие вниз по стенам ущелья к добыче.

Вовка полностью пришел в себя. Сквозь затуманенное ужасом сознание ему дошло, что бьется один прапорщик, со стороны духов плотность огня становится все гуще и гуще.

Не столько носом, сколько каким-то звериным чутьем уловил он запах ладанки, встряхнулся, поверил в свою счастливую звезду и пополз к прапорщику. Тот скосил налитые кровью глаза, приказывающе мотнул головой и вновь приник к автомату. Теперь уже он стрелял прицельно, торопливо выбирая мишень и мягко нажимая на спуск. Автомат коротко вздрагивал и тянулся мушкой к следующей фигуре.

Из укрытия хорошо было видно, что танк, ствол которого уныло ткнулся в стену ущелья, кособоко свисал порванными гусеницами с подорванной плиты монолита. Из открытого люка тянулся черный дым, окутывая труп убитого солдата, тряпкой висевшего руками вниз из отверстия. Три «Урала» беспомощно догорали, изредка всплывавая искрами пламени, осклабясь металлическими обугленными конструкциями. Повсюду тела солдат, обгоревшие, изломанные предсмертной судорогой.

Духи все смелее и смелее отрывались от земли, перебежали, подбираясь к горящему танку. Спокойствие раненого прапорщика передалось и Вовке. Он выбрал цель, щелкнул ограничителем, устанавливая режим одиночной стрельбы, навел ствол на надвигающиеся

фигуры. Выхватил взглядом красные камни, серую пыль, черный дым, бледно-болезненные былинки из расщелин, темное, какое-то закопченное лицо бородатого врага, внезапно возникнувшее в прицеле, и выстрелил.

Расстояние до нападающего было мало, прозвучал выстрел, душман забулькал горлом, сделал два шага, ударился грудью оземь, застыл, как бы пытаясь дотянуться мертвыми руками до слетевшей с бритой головы чалмы.

Тугая волна тошноты подкатила к горлу, выплеснулась горячей струей едва усвоенного завтрака. Слабость разжала руки, автомат с цоканьем упал на камни. Вовка скорчился, захлебываясь рвотой, закашлялся, поперхнувшись густой слюной.

Прапорщик методично простреливал обзор, оглянулся на Вовку, прокричал ему что-то грозное, по-лошадиному взмахивая головой в сторону наступающего противника, и вновь принялся целиться и стрелять.

Вовка пытался подавить приступы тошноты, но вид грязной лысой головы убитого им духа и чалма, подкатившаяся близко, с ползающими по ней, хорошо видными вшами, усиливали спазмы желудка. Капли пота стекали по подбородку, тягуче сочно плюхались на колени, на приклад автомата, застилали глаза.

Не просто убить в первый раз человека, пусть даже нападающего врага.

...Вовка устало поднял голову. Прапорщик лежал лицом вниз, раскинув руки. Впитывая кровь, набухал воротник его гимнастерки. Духи открыто бродили меж горящих машин, пинками переворачивали трупы солдат, ворошили их вещмешки, собирали трофейное оружие. Один из них подошел к шевельнувшемуся шурави, схватил его за волосы и резко поднял голову лицом вверх. Вовка узнал неестественно бледное лицо: Сашка Ситников. Это с ним они сидели во дворе городского военкомата, когда ждали отправки. Всю жизнь росли в одном городе, а вот встретились перед отъездом, но тесно не сдружились, просто вместе держались по закону землячества.

Сашка был ранен в ноги. Резкая боль искривила его лицо, вырвала тяжелый стон. Близко стоявшие духи засмеялись, одобрительно кивая своему товарищу. Тот же рад стараться, наступил для большего

эффекта на Сашкины окровавленные ноги и еще сильнее потянул назад голову. Из рта раненого потекла кровь, он душно заперхал и закрыл глаза. Афганец хлестанул наотмашь ладонью по Сашкиному лицу, выдернул откуда-то из широких одежд кривой нож и быстро полоснул им по лбу русского. Кровь широкой завесой потекла по лицу Сашки, и было страшно и странно видеть бело-красную маску вместо лица. Дух отпустил волосы Сашки, и он с размаху ткнулся лицом в пыль.

Стало понятно, что сейчас духи вдребезги расстреляют Сашку. И ему, Вовке, надо быстро что-то сделать, чтобы успеть изменить его страшную судьбу. Он притянул к себе автомат, быстро прицелился и клацнул пустым звуком — патроны закончились. Потянулся к подсумку — пуст, и в отчаянии закрутил головой. Увидел автомат прапорщика; отложил в сторону свой и пополз к убитому.

В это время дух перевернул стонущего пленника на спину, схватив за воротник, перетащил к машине, швырнув его спиной к закопченному колесу. Сашка, широко раскрыв глаза со слившимися от крови ресницами, смотрел на окруживших его врагов. Лихорадочно осматривая их, пытался понять, что же с ним будет, догадывался и не надеялся избежать смерти.

Вовка уже тянул автомат из-под прапорщика, его подсумок со сменой рожков и видел, как духи обступили полукругом сидящего солдата. Афганец, видимо, командир, что-то кричал, тыкая пальцем в пленного, пинал его то в бок, то по раненым ногам. Сашка занемел, застыл и даже не стонал от ударов душмана. В его обреченном взгляде внезапно загорелась надежда. Он увидел под близким козырьком скалы Вовку, увидел, как тот вытягивает откуда-то из-под себя автомат. Вот сейчас он полоснет огнем и освободит его, Сашку, уничтожит его мучителей. Нет, не успел. Афганец запрокинул цепкими пальцами голову Сашки назад и размашистым движением перерубил ножом шею солдата. Обезглавленное тело конвульсивно дернулось и съехало на землю под громкий одобрителный хохот душманов. Убийца гордо прокричал что-то в небо, поднял за волосы отрезанную голову и, размахнувшись, забрызгав себя стекающей из горла кровью, швырнул в сторону, как мяч.

Холод пробежал по спине Вовки. Он прицелился и стал кромсать, хлестать свинцом удивленные рожи духов... В одну очередь выпалил

все патроны, расшвырял, разметал гадов. Нашарил второй рожок, вонзил его в ненасытное чрево автомата. Вскочил на ноги в полный рост, с ревом гнева продолжил стрельбу, но залег опять, замолчал. Не в кого стрелять: спрятались духи. Тихо стало кругом, только огонь потрескивает на догорающих машинах. Вовка внимательно осматривался, ловил цель. О, за гусеницей танка мелькнула тень. Ба-бах! Есть! Вывалился убитый дух. Ага, вон там за камнем что-то шевелится. Ба-бах! Черт, мимо! Вовка увидел-таки, как высунулся из-за того же танка ствол гранатомета, но не успел среагировать, как оттуда вырвалось пламя, и снаряд врезался в навес. Обрушился козырек, засыпал собой прапорщика и Вовку, завалил камнями...

...Очнулся от холода. Опять казалось ему, что он в осеннем парке, но спит почему-то на скамеечке, неудобно лежать, острые края режут бока. Захотел встать — не смог. Дернулся что было сил — что-то держит. Дернулся еще раз — результат тот же, и проснулся, открыл глаза. Сквозь узкие щели между камней виднелся серенький холодный рассвет. Вспомнилось, как его завалило. Почти сутки Вовка выбирался из каменной могилы, расшатывал, раскачивал камни руками, раздавленным автоматом. Вытолкнет один камень, на его место другой сползает. Замирал — засыпал, приходил в сознание от холода и знакомого запаха ладанки, шептал сухими губами молитву и опять работал. На следующий день услышал совсем рядом родной русский мат, засипел, заскрипел что-то, пытаюсь быть услышанным. Случилось невероятное: услышали, вытащили...

Так как же не верить теперь в оберег-ладанку?! Что же, если не она спасла его в тот раз?! В который уже раз...

А сегодня дежурство на точке прошло нормально. Погрелись на солнышке недельку и пошли назад. Сменившая их рота ничего нового не принесла из полка. Все то же. Ходят, правда, слухи, что скоро начнется вывод войск с территории Афганистана, но будет ли это точно и когда, никто не знал.

Подходили к кандагарскому гарнизону уже затемно, когда солнце опустилось за высокие гребни гор и лишь едва освещало знакомые очертания аэродрома. Шли узкой тропой, спускаясь по одному с интервалом пять-семь шагов. Размеренное движение успокаивало, клонило в дрему. Внезапно впереди грохнул взрыв, и эхо заметалось

разрывом по стенкам ущелья, ведущего тропой к аэродрому. Мгновенно залегли, выставили стволы автоматов солдаты. И только тогда командир прокричал, что тропа заминирована, есть потери.

Вызванных саперов ждали долго, только перед рассветом пришли. Быстро убрали наспех поставленные духами мины, и рота, забрав погибших, двинулась вперед.

От долгого сидения на холодных камнях, от неподвижности захотелось Вовке оправиться, помочиться. Шагнул чуть в сторону с тропы, на нештопанную узкую полосу перед каменной стеной, потянулся в предвкушении скорого отдыха. И понял по тонкому звуку натянутой струны под ногой, что под ним мина. Замер и громко, спокойно сказал проходящему по тропе за его спиной:

— Я на mine.

От этих страшных трех слов стало тихо на тропе, передние прошли вперед, за поворот, а задние попятились назад.

Стоял Вовка одиноко под темным еще небом, стоял лицом к мрачной скале, с нелепо расстегнутой ширинкой штанов и не смел пошевелиться. В голове металось лихорадочно, что есть какой-то выход, не может вот так, запросто, оборваться жизнь. И — вот оно, нашелся ответ, нашелся выход. Потянулся осторожно руками Вовка к вороту бушлата, просунул руки к оберегу-ладанке, зашептал что-то онемевшими губами, облегчение почувствовал, вот она — помощь!

Чуть ослабил ногу, выкатился из-под сбитого каблука камешек, чуть глубже нога зарылась в грунт, еще сильнее натянулась струна, еще быстрее, еще горячее зашептал молитвы Вовка, но не смог, не убедил Господа солдат. Видать, нагрешил тяжко здесь, в Афгане. Всхлипнул под ногами громким чихом взрыв, разрывая, разметая мамину кровинушку, раба Божьего Вовку Скатова.

Взметнулся вверх высоко на кожаном шнурке оберег-ладанка, зацепился за выступ скалы, сокрушенно закачался маленьким, темным, теплым телом, как бы оплакивая свое бессилие: Ай-ай-ай-ай...

Яркая звезда чиркнула по утреннему небу Афганистана, ослепляющим хвостом вознеслась высоко в поднебесье и рассыпалась мелким прахом в голубой вышине жемчужными, медленно гаснущими искрами.

Эту звезду увидел рядовой, несущий караульную службу у склада ГСМ, Витька Смирнов.

— Шалят духи, — подумал он.

* * *

Она прочно вделана в стену дувала. Сам дувал закопчённый, пару дней назад, видимо, все сгорело в маленьком дворике. Тронутый пламенем тополь, колёса от арбы, битая посуда под ногами, рвань тряпичная. Взрыв внутри домика вынес скарб сквозь окна.

И соломинка под солнцем. Яркая. Тёплая.

Поймал её взглядом и не отпускал. Долго не отпускал. Грелся.

Оперся спиной о стену лопнувшего домишки. Смотрел и смотрел на соломинку, и задремал.

У бабушки был такой же дувал в Казахстане. Весной обмазывали глиной с примесью резаной соломы, затем белили. Солнце плескалось в соломинках, мягко бликовало.

Через несколько дней возвращались тем же путём. Заскочил в знакомый дворик, поискал глазами соломинку. Дувал есть, тополь тоже, колёса от арбы на месте, а соломинки нет — ровнёхонько на её месте дыра.

Поковырял стену ножом, выпала пуля от бура.

Долго таскал её в кармане. Потом потерял. Да Бог с ней.

А соломинка с солнечным всплеском иногда снится.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 13. СМИРНОВ

Дым. Дым. Дым. Густой дым аспидно-черными клубами разливался по земле, окутывает сопки. Жирные хлопья оседают, маслянисто блестят на склонах горюшек, забиваются в щели меж камнями, легко проскальзывают под воротник гимнастерки, в ботинки, окрашивают кожу в африканский цвет, лезут в нос, в горло... И никуда не деться от мягкой назойливости сгоревшего мазута.

«Наливник» горел с самого утра, угрюмо ткнувшись ураловской мордой в пыль дороги. Колеса, оторванные взрывом противотанковой мины, валялись, сгоревшие дотла, неподалеку от машины, разбросанные по обе ее стороны.

После взрыва из кабины вылетел водитель, оглушенный грохотом и ослепленный пламенем. Дико вращая головой, он тянул, вырвал из кабины автомат, заклинивший в боковых замках. Кровь из мелких порезов от брызнувшего стекла мгновенно окрасила полосами лицо солдата. Наконец автомат выскочил из замков, больно ткнув мушкой в плечо, и водитель побежал назад, к следующей в караване машине. «Урал», резко дернувшийся от внезапной остановки, еще урчал двигателем, но вскоре заглох от следующего взрыва — огонь добрался до топливных баков, а затем вспыхнул мазут.

Гасить пламя было некогда, в любую секунду духи могли открыть огонь из засады, что было логично на этой дороге, тянущейся между сопками. Но повезло. Стрельбы не было. Опустили стволы автоматов, вздернутые было в поисках врага. Танк сопровождения развернул башню стволом назад и задом прогрохотал к подорванному «Уралу». Уперся крепкой грудью в бок машины и протолкал ее от дороги, освобождая путь колонне.

Тронулись. Поехали дальше. До обеда прошли только шестьдесят километров. Осторожничали. Не знали еще этой дороги. Впереди танк, в танке саперы. Семнадцать мин сняли на своем пути. Что впереди? Неизвестно. Что позади? А позади печально-траурной лентой поднимается черный густой дым, хорошо видный даже на большом расстоянии. Остановились.

Радист колонны торопливой скороговоркой докладывал ситуацию командованию и, сплюнув черной слюной, на полуслове кинул в передатчик микрофонную трубку и заматерился:

— ...Они там водку жрут, а мы здесь... — но по всей форме доложил подошедшему начальнику колонны — молоденькому лейтенанту, год как окончившему училище, о том, что командование недовольно задержкой в продвижении колонны, недовольно молодым лейтенантом, им, радистом, и вообще всей ситуацией на этом участке.

Лейтенант выслушал, как в училище, вытянулся в полный рост, набрал полную грудь воздуха — послать подальше все начальство — и уже рот открыл, как щелкнул сухой выстрел снайпера, горячая пуля залетела ему прямо в рот и, разбрызгивая желтый мозг, окрашенный красной горячей кровью, с белыми осколками черепа, вылетела из черного, в полголовы, выходного отверстия. Тело лейтенанта дернулось и повалилось на радиста. Караван на секунду замер, горохом рассыпались из машин ожидающие команды солдаты-водители, ощерились дулами автоматов солдаты сопровождения — и в направлении выстрела затрещали автоматные очереди. Защелкали, завизжали, затенькали пули о черные камни, и, шевельнувшись, вылетело неуклюжей птицей, как крыльями хлопая полами засаленного халата, тело снайпера-душмана. Кувыркнувшись в воздухе, прокатившись по склону горы, набрав скорость, подкатилось по дороге к телу лейтенанта и навалилось на руку убитого офицера. Тело душмана и тело лейтенанта распластались на дороге, и солдаты увидели, что снайпер тоже молодой, в возрасте только что убитого им. Похоже было, что два товарища-одногодка — россиянин и афганец, вволю повеселившись, разлеглись на дороге, заснув в пьяном угаре, не рассчитав свои силы. Впечатление было бы полным, если бы не чернела от вытекающей крови серая мягкая пыль под телами.

Витька Смирнов — солдат — первогодок — чувствовал себя очень плохо. Во-первых, это его машина была подорвана, это ее он оставил догорать одну на проклятой дороге. Его до сих пор трясло и знобило после взрыва. Опытные «водители» говорили, похлопывая Витьку по плечу, что, мол, повезло тебе, браток, только машину потерял, обычно и шофер с машиной гибнет, если на противотанковую мину нарывается. Во-вторых, обдало лицо брызгами мозга лейтенанта, теплыми

и скользкими. В-третьих, дух-снайпер катился прямо под ноги Витьке, еле успел он отскочить, но зацепил все же мертвец плотной, неживой рукой по ноге. Зацепил, словно за ногу хотел схватить, забрать еще одного врага с собой в черноту смерти. Вот и плохо стало Витьке, хоть и третий это рейс для него, и повидал уже немало. Но за один раз столько получить и увидеть — это уж слишком.

Прапорщик Воронин, среди солдат Кнут, тонкий, стройный, пробежал в голову колонны к радисту, доложил о гибели командира, выслушал монолог начальника и дал команду вперед.

И опять Витьке не повезло. По воле Кнута посадили его в кунг «ГАЗ-66» вместе с санитарями — в помощь им, раз уж он лишился колес, и теперь пришлось трястись в гулкой будке, а в такт тряске подскакивала, стучаясь о рукоятки узких подвесных носилок, пробитая голова погибшего лейтенанта. Санитары накинута на тело мертвеца старое промасленное одеяло, но от подпрыгивания машины оно сползло, обнажив изуродованное лицо. Не мог, не хотел Витька накрыть его и отвернуться не мог в тесноте кунга. Закурить бы, да и так дышать нечем, медбратья накурили до осязаемой, плотной густоты, куда же еще!

— Хоть бы что, — позавидовал Витька, — привычные ко всему.

Чтобы отвлечься от страшной маски изуродованного мертвого лица, Витька порылся в карманах, нащупал пачку старых писем от родителей, но постеснялся достать их, просто коснулся, как погладил рукой. В другом кармане наткнулся на маленький и твердый прямоугольник, потянул на свет. Вспомнил. Нашел как-то в рейде. Стоял в охране в горах и, пока работали саперы, на выступе скалы заметил кусочек деревяшки. Загадочный, темный, на кожаном шнурке болтался. Запах от этой деревяшки интересный исходил. Долго размышлял Витька, что за запах такой, потом уж припомнил, что в церкви так пахло, в которую заходил однажды тайком, чтобы не увидели однокашники или учителя. Церковь была старая, стояла неподалеку от школы. Каждый день мимо нее проходили школьники. Слышали тихие голоса из открытых дверей, видели огоньки свечей и лампадок, размытые пятна икон. Зайти было интересно, но страх быть увиденным и пристыженным не пускал. Тем более, что с девятого класса стал секретарем комсомола школы, и не по рангу

стало заходить в старинные двери божьего храма. Однако вспомнил Витька, что это за деревяшка такая. Ладанка. Оберэг-ладанка называется. Обычно с изображением Бога или святого, носится на шее. Прикрыл глаза Витька, как бы согрелся от кусочка дерева, задремал, но тут же подскочил испуганно, ткнувшись головой в стенку кунга от очень уж сильного крена машины. «ГАЗ-66» резко стал. Одновременно застучали частые выстрелы из многих автоматных стволов. Засуетились, заклевали по кунгу пули, вырывая стальными клювами куски жести и досок из уже пораненного тела машины. Санитары, а за ними и Витька вылетели на дорогу.

Вечерело. Солнце лишь слегка пробивалось из-за острых зубьев гор, по-вечернему раскраснелось небо, натягивая на себя мрачное одеяло ночи. Ближний склон горы, подсвеченный выстрелами, рвал, мял колонну автомобилей, злобно рычал, плюясь свинцом. Люди залегли за машинами, под колесами, отстреливались, били по угадываемому за вспышками врагу. Танк грузно развернул башню и изрыгнул в сторону засады осколочный снаряд, который разнес в щебень несколько скальных обломков, затем другой, третий, пятый... Витька сбился со счета от грохота, от вонии сгоревшего пороха. От напряженного поиска мишеней болели глаза, и он стрелял наугад, едва успевая менять магазины.

Танк, лязгая металлом гусениц, отполз назад, развернулся и пошел в конец колонны, чтобы оттуда достать врага. Набрал скорость, обдавая залегших солдат копотью сгоревшего топлива, зашпешил к выбранному месту, но вдруг споткнулся, клюнув стволом, на гулко бумкнувшей мине. Наступила мгновенная тишина, такая, которая наступает неизвестно из-за чего среди большого скопления людей, когда каждый говорил о своем и вдруг враз замолкают все. Танк стоял большой, темный. Ни один люк не лязгнул в тишине. Поползли струйки дыма. Звериный рык радости донесся сверху, а вместе с ним бой вспыхнул с новой силой. Духи, воспрянувшие с гибелью танка, вновь поверили в свои силы и усилили натиск. Почти все машины уже дымились. Отпор со стороны солдат ослаб. Прапорщик пробежал, прополз вдоль колонны, собирая солдат, оставшихся в живых, расставляя на новые места, показывая каждому свой сектор обстрела,

ободряя. Витька слышал, как радист, захлебываясь, орал, передавал просьбу поддержать «вертушками»:

— Ведь задолбят же, задолбят!..

Взрывная волна подбросила Витьку, перевернула набок «Урал». Санитарный «ГАЗ-66» подпрыгнул, как мячик, но все же встал на колеса. Взорванный своими же боеприпасами танк пылал ярким костром. Сквозь рваное «окно» в броне выхлестнулись языки жаркого пламени. Не помня себя от страха, Витька вскочил с земли, бросив автомат, побежал к санитарной машине. Горячий металл двери обжег руки, но Витька, не обращая на это внимания, рванул ее на себя, вскочил на место водителя и бросил машину вперед на спасительную дорогу. Он жал и жал на педаль газа, пригибаясь к рулю от рвавших кабину пуль, угадывая не глазами, а чутьем, куда крутануть руль, потом свернул за крутой поворот, ощутив телом, руками, что сбил кого-то и, переехав колесами, поехал по пустынной серой дороге. Ехал долго, до самого рассвета, до последней капли бензина в баке. Когда машина стала, выскочил из кабины и пошел навстречу поднимающемуся из-за вышек складов ГСМ солнцу. Эти вышки хорошо были знакомы Витьке, почти полгода стоял на них в охранении, пока не пришло его время сесть за руль.

Шел Витька прямо, глубоко в карманы бушлата засунув руки, зажав в кулаке кусочек отполированного временем дерева. Шел к своим. В голове стояли звон, грохот, шум боя, а сердце радостно сжималось: жив я, ЖИВ!

Командиру доложил, что колонна погибла, в живых один он остался, в кунге брошенной на дороге машины лежит тело лейтенанта — старшего колонны.

Отпустили Витьку помыться, поесть, отдохнуть. Вышел он на воздух, закурил, поверил ведь сам в то, что наговорил сейчас. Да и как же можно было выжить в том аду? Нет, все он верно сказал, что уж теперь! Совсем собрался идти солдат да услышал через тонкие стенки командирской палатки хрип и свист радиации и пробивающийся надорванный голос:

— ...Ждем «вертушки», колонны больше нет... Нас семеро... Нападение отбили... Уйти не на чем, гад один слинял на последней машине!

— Ну и сука, — промелькнуло в голове у Витьки. — Товарищей бросил! — и тут же чуть не упал оглушенный, ошпаренный, раздавленной одной только мыслью — это его колонна хрипит и просит помощи. Это его товарищи отбились от духов, гад, который ушел, это и есть он сам, а докладывает по радиации прапорщик Воронин.

Незрячий от страха, отупевший от неожиданности, на мягких подгибающихся ногах пошел Витька в ротную палатку, уже понимая, что натворил и что будет дальше, ожидая, как выстрела, окрика в спину. Не было окрика. Деловито, равнодушно его арестовал дежурный по полку офицер, и два недавних товарища из соседнего взвода отвели его на гауптвахту. Ничем не выразили ни презрения, ни ненависти. Военный суд решит. Даже обыскали небрежно.

«Трус — предатель, трус — предатель», — пульсировало в мозгу и во всем теле арестованного Витьки Смирнова. От этого, да еще от жгучего ощущения, что жизнь его такой ценой была спасена, стонал, плакал, метался Витька.

— Прощения просить! — подсказало сознание детсадовскую и школьную выручалочку.

— У кого? — рассудил взрослый опыт. — У погибших? У погибающих ребят? У тех, с которыми так горячо спорил о предательстве, по-комсомольски, по-комсоровски, не оставляя ни единого шанса на прощение?

Заскрипел зубами, сжал кулаки до побелевших пальцев и ощутил боль в правой ладони. Разжал кулак и увидел ладанку-оберев, которую при обыске не заметили.

— У Бога! Помощи и прощения! — развернул кожаный ремешок, взгляделся в изображение: — Нет, почти ничего не видно. Хотя — вот лицо. Нет, это не лицо. Это глаза — суровые, осуждающие. Чьи? Господа? Совести? Прапорщика Воронина, отбившего Витьку у накурившихся анаши «стариков»? Может быть, это его глаза?.. А может, Витькиного соседа через койку, соседа по казарме Илюхи Дюжева, бывшего в той проклятой колонне и, может быть, еще живого?

— А ведь если не сбежал, точно бы кто-то ещё жив остался, — огненным стержнем пронзило Витьку. — Нет мне пощады!

И огонь этот, пройдя через макушку, мозг, сердце, ноги, уйдя в песчаный пол «губы», как-то сразу все сжег, успокоил, оставил только черный пепел внутри...

* * *

— Вашу мать! — бесновался подполковник Макушев. — Кто обыск производил?

— Виноват! Виноват! — растерянно повторял дежурный по полку майор Ковров, время от времени скашивая глаза на стол, на образок-ладанку. Сыромятный кожаный шнур в одном месте был разрезан, потому что его никак не могли снять с распухшей шеи удавившегося Витьки Смирнова.

* * *

Сидим в ущелье, в небольшом разломе скальной породы. Жара. Солнце в зените. Под бронежилетом можно варить куриные яйца. Вкрутую. Пот уже не капает и не течёт, просто обильно облепил тело и при каждом, даже еле заметном движении, густо и сытно, маслянисто и мерзко чавкает под мышками, в паху, под подбородком. Рядом, на камнях лежит каска. На неё страшно смотреть. Вернее, страшно, что при необходимости нужно будет хватать голой рукой стальную, раскалённую сферу и напяливать на закипающую от солнца голову. Представляешь, как стальной обруч обожжёт кончики ушей и жар в голове удвоится, утроится, если даже не удес-терится. С не меньшим ужасом взгляд скользит по автомату, металл которого ничем не защищён от протуберанцев светила. А если начнётся «войнушка», опять же голыми руками хватать оружие, обжигаться и стрелять горячим из раскалённого...

Хочется пить. Очень хочется пить. Страстно хочется пить. Но для этого нужно пошевелиться, заставить правую руку выпрямиться, затем согнуться в локте ещё раз, опуститься к правому бедру, нащупать фляжку в выцветшем холщовом чехле, отстегнуть её от ремня, затем поднести руку к груди, свинтить крышку... и это всё для того, чтобы глотнуть горячей, несвежей воды, безусловно не приносящей никакой прохлады и радости! Так зачем тогда насиловать себя, для чего слышать чавкающий звук мерзко пахнущей

хэбэшки и затем вновь с содроганием привыкать к болезненной мокроте тела?!

Так просидели целый день, до заката. Иногда, когда была не моя очередь караулить, лениво выкурив сигарету, проваливался в мокрый полубред-полусон, недолгий, очень краткий, без сновидений, и только однажды заснул глубоко, перед тем, как духи всё же вышли на нас, обойдя позицию по дальнему, не замеченному нами распадку у самого основания скалы, где мы сидели в засаде.

Перед самым первым выстрелом ты разбудила меня!

Это я так думаю по прошествии многих лет. Да, точно, это была именно ты!

Мне снилась женщина, светлая не только цветом волос, но и сердцем, и душой. Я это знал и чувствовал. Вот хочешь — верь, хочешь — нет! Я знал во сне, что ты идёшь ко мне, и я знал, что мы знаем друг друга, и что любим и любимы, я потянулся во сне к тебе, а ты вдруг протестующе подняла руки и словно оттолкнула меня. Я проснулся...

Тут началась стрельба. Ну, как всегда, в общем. И только потом я вспоминал этот сон, и только недавно понял, что во сне была ты. Спасибо, любимая!

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 14. РАХМАТУЛЛА

Солнце каплей жидкого золота давно уже переливалось в лохани серо-голубого неба и блеском безжалостных лучей кололо, резало и терзало глаза людей, залегших в углубления складок каменистой стены, поднимающейся вверх от края дороги.

Слезаящимися глазами Федор, в который уже раз, проследил размытые, пыльные очертания дороги, плавно вытекающей из-за поворота скальных нагромождений и также плавно втягивающейся за следующий поворот.

Удручающе-унылый, серо-желтый окружающий ландшафт не увлекал яркими цветовыми пятнами, но и не отвлекал от главной цели засады — дороги.

Федор передвинул пулемет так, чтобы с металла исчезли слепящие солнечные блики, поглядел влево от себя.

В напряженном молчании там, у гранатомета, залегли двое, ожидая цель. Несколько поодаль еще двое с автоматами в руках как бы невзначай следили за дорогой и Федором. Встретившись взглядами, один из них указал Федору в сторону дороги, призывая к максимальному вниманию.

На следующей площадке, на несколько метров выше, группа из пяти человек с «блоупайпами» — английскими ракетами — контролировала действия нижних и была готова прикрыть их в случае неудачного проведения операции.

Подставкой для сошек пулемета служил плоский, раскаленный, как сковорода у матери на печи, камень, своим видом напоминающий снятый с такой сковороды блин. На секунду промелькнула перед мысленным взором Федора горка промасленных горячих блинов, мать, толкущаяся у черного провала русской печи, и почему-то белый узор на голубых наличниках дома напротив. Вскочившая на камень юркая ящерка прогнала видение, вернула к действительности. Она крутнулась на месте, прицелившись заостренной головой в Федора, и замерла, немигающим глазом уставясь на человека. Так был похож ее взгляд на взгляд сурового командира, что даже в животе у Федора что-то подобралось и напряглось.

Обострившийся слух уловил гул приближающейся колонны. В засаде Федор был новичком. Роднее и ближе был крик:

— Держи колею! Колею держи, мать твою...

Не имея опыта, Федор не мог на слух определить, большая ли колонна. Первым из-за поворота вынырнул БТР, проехал до середины сектора обстрела и остановился. Следом подтянулись «ГАЗ-66» с красным крестом на боку, «Урал» с огромной цистерной. Именно в кабине такой машины Федор не раз слышал крик командира про колею. За этими машинами втягивались еще, но рассматривать было некогда, какие они.

На плечо Федора легла крепкая ладонь непонятно когда подбравшегося командира, призывая к вниманию, и указательный палец с серебряным перстнем, отдавая безмолвный приказ, ткнул по направлению к санитарной машине.

Федор, не выпуская из рук пулемет, о плечо отер лицо и, смахнув накопившиеся слезы, направил, тщательно прицеливаясь, ствол в бензобак машины с красными крестами.

БТР фыркнул облаком дыма, пошел было вперед, но от удара «блоупайпа», отшвырнутый взрывом, подпрыгнул и ткнулся в скалистую стену, перекрывая дорогу вперед. В ту же секунду Федор выстрелил, послав первые пули точно в бак машины. Ствол пулемета, дернувшись вверх, рванул очередью брезент кузова, оставляя в нем большие дыры.

Гранатометчики слева отрезали путь к отступлению остальным машинам, подорвав удачными выстрелами замыкающую «технику» на базе работяги «ГАЗ-66». На зажатую в тесном коридоре, беззащитную колонну сыпался дождь пуль и осколков. Растерянная, робкая стрельба застигнутых врасплох бойцов колонны не остановила радостной ярости нападающих, увлеченных беспомощностью врага.

Захваченный общим подъемом атаки Федор всаживал одну за другой короткие очереди в дымящиеся машины, мелькающие фигуры отстреливающихся, бил в головы, руки, ноги — лишь бы достать, попасть, уложить.

В охоте на людей пулемет слишком неуклюжий, неманевренный. Отбросив его, Федор подхватил автомат и, опустившись ниже по

склону, теперь уже из него бил по попавшим в засаду, хорошо видимым, пытающимся спрятаться за искореженными машинами.

С остервенелой радостью Федор всадил очередь в человека с забинтованной головой, на короточках выползающего из-под брезента горящей «санитарки». Каким-то сатанинским озарением Федор почувствовал, что если и есть в санитарной машине живые, то лежат они на дне кузова. Больше спрятаться негде. Боковым зрением увидел, как его группа обрушивается на дорогу, заторопился, откинул двоянный пустой магазин и на бегу зашарил привычно в поисках подсумка. Сплюнул бешено, не нащупав ничего, кроме тонкой материи рубахи и штанов, подбежал к уничтоженной колонне. Отметил, что у распластанного тела белобрысого младшего сержанта в поджатой под грудь руке стиснут автомат, пинком перевернул тело и хищно-радостно оскалился, увидев «лифчик», полный гранат и магазинов, правда, к автомату другого калибра, АКС-74. Ничего! Забросив свой автомат за спину, вывернул из руки убитого оружие, щелкнул затвором и побежал к кабине бензовоза, уцелевшего только потому, что одной из целей засады был захват горючего.

Федор распахнул дверцу со стороны водителя, одновременно уловив движение и нажимая на курок, направляя очередь в испуганные белые глаза, погасив удивленный вскрик.

Пули откинули голову солдата, и солнце через опущенное стекло осветило изуродованное, залитое кровью лицо солдата.

Кто это? Кто же это?! Знал... Знакомое лицо. Отбросив назойливый вопрос, Федор огляделся. Колонна погибла. Его группа подтягивалась к бензовозу, и Федор повернулся туда. Навстречу, раздвинув остальных, выступил командир. Белозубо улыбаясь, одобрительно цокая языком, пожал руку, обнял за плечи и отошел, давая возможность остальным поздравить нового бойца отряда. Моджахеды подходили, пожимали руку, похлопывали по плечам, по спине, на чужом языке нахваливая воинскую доблесть Федора.

Он стоял, смущенно улыбаясь, стянутой с головы черной тюбетейкой утирал пот с лица, довольный собой.

Внезапный вскрик боли, смешанной с удивлением, заставил группу резко обернуться:

— Фе-е-е-дъ-ка-а-а!..

— Фе-е-дь-ка... — уже не вскрикнул, а удивленно прохрипел раненый, единственный уцелевший солдат из растерзанной колонны, протягивая руку к группе.

— Это он меня?! — промелькнуло в голове. — Да нет, — отстранился от зова. — Я же не Федька, я — Рахматулла.

— Я — Рахматулла! — громко, на все ущелье, на весь мир по-русски крикнул бывший советский солдат Федор Булыгин. Направившийся к раненому моджахед обернулся и, улыбаясь, закивал головой:

— Рахматулло, Рахматулло...

— Рахматулло, — одобрительно закивали товарищи, готовясь совершить намаз, восхвалявший имя Аллаха и верных его сынов.

Федор вынул из-за пояса штанов платок, расстелил его на земле, отер лицо сухими ладонями, становясь коленями на платок, и вместе со всеми забормотал молитву.

...Федор попал в плен к одному из воинских подразделений Хекматияра год назад.

Машину, за рулем которой сидел Федор, командир отправил в договорный кишлак в сопровождении семи солдат и нового замполита. Нужно было отвезти керосин, хлеб, медикаменты — откуп за спокойствие на этом направлении.

Замполит — восторженный молодой лейтенант Щукин — суетился и радовался по-щенячьи. В кишлаке перед собравшимися стариками и воровато шмыгающими вокруг машины детьми он произнес торжественную речь о дружбе между двумя великими народами, об укреплении социалистического лагеря на Востоке. Переводил флегматичный туркмен Шарипов, и замполиту казалось, что не то он переводит, потому что, слушая пламенные слова Щукина, длиннобородые афганцы восторга не проявили и не шевельнулись до тех пор, пока лейтенант не приказал разгружать «Урал».

Федор сидел в кабине и с отвращением слушал речь замполита, кривя губы от слов «социализм», «партия», «дружба народов». Уже повидавший многое на войне, он про себя размышлял: «Подожди, необстрелянный, скоро увидишь «дружбу народов». Скоро поймешь, как духи стремятся к победе социализма». И припомнил Федор достижения социализма у себя дома: ворюгу и хама председателя

колхоза, всевластность партийных работников района, угодливое заискивание матери перед руководством и ее слезы после отказа в материале для ремонта дырявой крыши.

«Они умнее нас, — думал об афганцах Федор. — А может, просто не такие забытые. Это у христиан — «подставь другую щеку», они же ни левую, ни правую подставлять не будут и не подставляют!».

Тем временем откуда-то из-за дувалов налетела толпа женщин и проворно смела с машины все, что привезли шурави. Самый старый из афганцев что-то говорил в ответ замполиту, оба прикладывали ладонь к сердцу, раз по пятнадцать сказали друг другу «ташакур».

Солдаты давно уже сидели в машине, и Федор с раздражением посигналил замполиту, чуть не целующему от умиления руки старейшине.

Ехали по начавшим сгущаться сумеркам. Замполит тархтел без умолку, то выговаривая Федору, то размышляя вслух:

— Что ты дергаешься? Тут, понимаешь, политический момент! Это политика, идеология, а ты сигналишь, торопишь. Социализм в Афганистане это...

«Знаю я твой социализм, — думал Федор, — насмотрелся в колхозе...».

— Социальная справедливость..., — разливался соловьем замполит.

«И справедливость эту знаем», — помнил Федор, как вышибли из комсомола, а потом и из техникума за «чуждое» увлечение каратэ.

Гордость за исполненную работу переполняла замполита и выражалась в трескучих высокопарных словах. Только прикусив язык, оттого что Федор направил колесо в выбоину, Щукин ненадолго замолк. Но так понравилось лейтенанту крепить дружбу народов, что, увидев бахчу, он приказал Федору остановить машину. На бахче два пацаненка помогали старику перетаскивать в старую разохшуюся арбу черные арбузы.

Замполит выскочил из кабины, захватив буханку белого хлеба, позвал Шарипова и, переступая через рассыпанные по всей бахче арбузы, направился к старику. Афганцы застыли на месте, всем своим видом показывая смиренность.

Солнце уже только краем освещало зазубренность гор, колющее поле бахчи и острые башенки вышек ГСМ вдали, почти у самого въезда на кандагарский аэродром.

Шарипов вернулся к машине:

— Лейтенант приказал к нему идти, хочет бачам помогать.

Солдаты, ругаясь, перелезали через борт, нащупывая выступы носками ботинок, лениво сползали, шлепая подошвами в пыль придорожной полосы.

Федор сказал Шарипову:

— Про меня спросят, скажешь, двигатель проверяю.

Открыл капот, для вида поковырялся и, постелив куртку под передние колеса, улегся на легком сквознячке, закурил, поглядывая на работу солдат и беседующего с дедом замполита.

«Во-во. Точно как у нас в колхозе. Кто у руководства, тот никогда работать не будет, тот все больше языком... Вот и принесем им свой социализм. Деды пахать будут, а толстожопые — указывать. Не. Только без меня».

Отбросил щелчком окурок, потянулся, вылез из-под машины, чертя задницей дорожку в пыли. Встряхнул куртку и открыл дверцу, чтобы ее в кабину кинуть. Поднял глаза и обомлел. Ему в грудь направил его же автомат серии ТО № 2551 душман. Федор за доли секунды понял, что не в состоянии что-то предпринять еще и потому, что неслышно сзади подошел еще один дух и лезвием поперек горла Федора положил кинжал.

Сколько прошло времени? Секунда? Час? Сто лет?

Дух выскользнул из машины, заломил руки Федора за спину, скрутил веревкой, толкнул его на землю, туда же на легкий сквознячок.

Федор неуклюже упал у колеса, деранувшись щекой о бетон.

«Закричать?!» — мелькнула мысль, и Федор даже напрягся, но шею опять кольнуло лезвие. Дух уселся ему на спину, пяткой надавливая на затылок, заставляя Федора ткнуться всем лицом в дорогу. Успев только чуть повернуть голову в сторону бахчи, Федор хорошо видел работающих солдат, составленные в пирамиду автоматы.

«Пикну только, и голову отрежут, — метались мысли, — а пацаны так и дернуться не успеют».

С надеждой увидел, как лейтенант, наговорившись, сделал первые шаги к оружию. Федор услышал первый выстрел и отчетливо увидел, как крутобокий, тяжелый, словно чугунная гиря, арбуз, взлетевший из рук Шарипова вверх, чтобы упасть в объятия Женьки Савельева, вдруг с шумом лопнул, осыпая на миг оцепеневших солдат сахаристой темно-красной мякотью и мелкими черными косточками. Второй винтовочный выстрел с борта машины точно, как арбуз, разнес голову замполита, и тот ткнулся в тряпицу, окровавив булку хлеба, лежавшую на ней. Бойцы даже не двинулись с места, только вздрогнули от выстрелов, и тут же короткие хищные очереди, откуда-то из-за пределов бахчи, покорежив, поломав, уложили их на месте.

Дух слез со спины Федора, жестами приказал сесть в машину и ехать туда, куда он укажет. Прокричал что-то странно ухмыльнувшемуся старику, подождал, пока пятеро духов, собрав оружие, теньями метнулись в кузов машины, и приказал двигаться. Повинуясь, Федор нажал на педаль акселератора, и машина, выдохнув печально двигателем, развернулась на широкой бетонке и пошла, сначала по дороге, потом, свернув в пыль пустыни, не зажигая фар, большим черным пятном растворилась на фоне гор...

...Первые дни Федора страшно били. В день давали воду в мятном медном кувшине и кусок сухой лепешки. Остывший от голода, жажды и побоев Федор решил совсем не пить и не есть, чтобы быстрее умереть. Его вытащили из ямы, явно чтобы наказать за отказ от еды. Видимо, для мучений он нужен был живым.

Федор стиснул зубы, расставил ноги, набычился. Он решил сопротивляться и хотя бы одного душка да завалить. Спровоцировать, чтобы наверняка накинудись все и забили насмерть. Так, как забили старослужащие молодого солдатики из роты Федора, отбив внутренности за сопротивление, а остальных «чижигов» заставили смотреть, добиваясь покорности, обещая всем такую же расправу, если посмеют донести или осмелятся сопротивляться им, «дедам».

Чем же духи лучше? Эти точно накинудись все. Ну и пусть! Все к черту! Уж сразу подохнуть, чем в мучениях.

Пока, раскачиваясь, он так размышлял, духи, увидев непокорность и оценив непримиримую позу шурави, загудели, и в их голосах Федор

почувствовал вроде бы даже одобрение. Понял вдруг, догадался, что толпой уже пинать не будут.

От окружавших его мужчин отделился крепкий, с обнаженным торсом афганец. Подошел к Федору, взглядом оценил его и, обернувшись к своим, что-то сказал.

Федор чувствовал, что отощал здорово, что после почти недельных побоев ослаб. Кости и мышцы ныли, но многолетние доармейские тренировки помогли собраться и сконцентрировать внимание. Он взглянул на душмана, ухмыляющегося в лицо, и азарт предстоящего боя захлестнул Федора.

«Глумишься, вражина»! — подумалось ему.

И подхватила, понесла Федора веселящая злость, даря ему особую легкость в теле, силу мышц.

Афганец подскочил к Федору и резко, коротко ударил кулаком в подбородок. От сильного удара в ушах застучало тяжелым прессом, из рассеченного места тягуче закапала кровь. Но тренированный организм отреагировал почти мгновенно. Носком левой ноги Федор подцепил не успевшего отскочить духа под щиколотку, а стопой правой нанес удар в пах. Припав на колено, рубанул ребром ладони по горлу падающего противника и отошел мгновенно назад, оценивая совершенное. Афганец рухнул в пыль, захрипел и потерял сознание.

Федор напрягал подгибающиеся ноги, уткнувшись плывущим взглядом в землю, тяжело дышал.

Окружавшие место поединка афганцы неодобрительно заворчали. И не понимающий языка Федор опять почувствовал, догадался, что неодобрение относится не к нему, а к побежденному.

От напряжения подташнивало и сосало под ложечкой. Федор глубоко вдохнул носом и тремя резкими выдохами через рот вытолкнул из себя воздух, утихомиривая сердце и восстанавливая дыхание. Приподнял голову, мутным глазом оглядел окружающих, ожидая продолжения.

Поверженный противник пришел в себя, тяжело поднялся, встряхивая головой, оглянулся на Федора и пробормотал что-то, но без угрозы, почти беззлобно.

Моджахеды посовещались и вытолкнули на вытоптанный пятак еще одного бойца. Этот дух был покрепче с виду и, видимо, опытнее.

Он не кинулся на Федора, а медленными кругами стал обходить его, выбирая слабинку в позиции шурави. Нужно было брать инициативу нападения на себя. Федор выждал, когда солнце оказалось у него за спиной и ослепило духа, резким выпадом левой ноги отвлек противника, и тут же правой нанес сокрушительный удар в голову. Но усталость взяла свое, поэтому, когда дух, уже падая, даже не ударил, а по инерции просто пнул Федора, он тоже шмякнулся в пыль.

Короткий красивый поединок изможденного пленного, его мужество, воля к сопротивлению настолько понравились, что моджахеды зааплодировали.

Федора больше не били. Вечером с лепешкой и кувшином воды принесли в пиале вареный рис с какой-то овощной подливой и старую, но чистую и еще крепкую одежду: шаровары, рубаху и тапочки без задников. Держали его в той же глубокой яме, хотя и бросили одеть.

Теперь можно было укрыться днем от сжигающего солнца, а вечером — от холода.

«За своего, что ли, признали, — размышлял Федор. — Да нет, скорее, готовят к чему-то. Может, как бойцовую собаку, будут заставлять для потехи драться? Черт с ними, там посмотрим...».

И странное дело, когда Федор поел, переоделся в чистую легкую одежду, сбросив солдатское изодранное обмундирование и, укрывшись одеялом, перебрал в памяти события дня, он с изумлением понял, что испытывает чувство уважения и даже благодарности к своим врагам. Могли изуродовать, истерзать, но не стали. Могли за своих побитых мучениям подвергнуть, отдать им на расправу — не отдали. Плохо, скудно, но покормили, переодели. Как? Почему? Враги ведь! Сам видел трупы замученных шурави. Постой, почему шурави? Советских солдат! Сам-то ты кто?!

В большом смятении в эту ночь заснул Федор. И, видимо, этими мыслями навеяло ему сон, в котором увидел он себя. Истерзанного, с обрезанными ушами, корчащегося в луже собственной крови от боли, разрывающей его внутренности. Он страшно кричал, а духи, хохоча, под его вой глубже и глубже втискивали в него остро заточенный кол. И во сне этом духи на понятном для Федора языке кричали ему:

— Терпи, шурави, за свой СССР, за партию и правительство терпи, героем умрешь! Дома узнают — может, матери крышу хаты починят!

И закричал во сне, мучительно завыв Федор:

— Нет! Нет, не хочу! Да подождите же вы!

Проснулся от ужаса, от крика своего, вскочил на ноги, сдирая с головы одеяло, не до конца еще проснувшись, не понимая, сон это или явь. Не спал уже до утра. А действительно, за что геройствовать? За Родину? За народ? Так войну эту не народ начал, не Родина. Наоборот, горьким горем для Родины и народа стала эта страшная война. За партию? За правительство? За победу социализма на афганской земле принять мучительную смерть?

Не нашел ответов на эти вопросы Федор.

А вот позже получил он ответы...

Посетил отряд Хекматияр с сотней своих бойцов. В конце посещения приказал командир привести к Хекматияру Федора.

Привезли Федора в полутемную пещеру. Огонь очага освещал людей, сидящих на ковре. На почетном возвышении сидел Хекматияр. Федор вглядывался в его жесткое, худое, традиционно бородатое лицо. Он хмуро посмотрел на шурави, что-то сказал командиру и жестом приказал увести пленного.

Через несколько дней Федору разрешили днем ходить по лагерю, хотя ночью все равно возвращали в яму. Теперь с ним стал общаться ежедневно мулла, постоянно находящийся в отряде. Мулла читал Коран, заставляя Федора внимательно слушать. Федор, конечно, ни черта не понимал, но слушать приходилось. Однажды Федор дремал под равномерный нараспев голос священника и вскочил от оглушительной пощечины. Да как же понять, ведь нескольких слов, которых хватало для общения с афганцами, теперь было крайне мало. А что знал Федор? «Дриш!» — стой, «шурави контрол» — проверка, «чан афгани» — сколько стоит, «шароп» — водка, «риш машин» — электробритва, и тому подобные слова из личного убогого лексикона.

Проводили занятия с ним и оставшийся из свиты Хекматияра переводчик, и командир отряда. Объясняли шурави, что принимал он участие в войне несправедливой, что афганцы никогда, никому и ни

за что не покорятся. Как в прошлом веке не покорились колонизаторам — англичанам. «Инглезе», — презрительно выговаривал командир отряда.

Страшно после этих бесед становилось Федору. Со школьной парты впитал он мысль о Великой Отечественной войне, что война эта была войной его народа, священной войной против вероломных захватчиков.

— Это священная война моего народа, — говорил командир отряда. — Шурави — захватчики, оккупанты.

Страшно было Федору от того, что соглашался мысленно с доводами, что сам так думал, от того, что понял, жутью обдало ощущение: готов к предательству, к войне на стороне этого народа, против своего. Пытался остаться советским солдатом, человеком. Возражал, что солдаты исполняют приказ, их заставляют гибнуть.

— За что, зачем? — прищуривался прошедший специальную подготовку у американских психологов переводчик.

И, оставив сокрушенного, растерянного Федора, обратился к командиру:

— Дальше сами. Теперь все получится. Я приказ выполнил. Теперь уже Федора заинтересовал этот народ, который мощь советского оружия столько лет не могла поставить на колени.

Месяца через два Федор стал отмечать, что понимает отрывки разговоров афганцев, сам пытался называть окружающие его вещи, сначала вызывая смех, а потом помощь в освоении языка. Оброс Федор густой черной курчавой бородой, загорел, изменился внешне. Изменилось и отношение к нему. Кормили теперь Федора тем же, что ели бойцы отряда. Рис, лепешки, чай. Реже помидоры, виноград. Когда из кишлака приводили барана, куски вареного мяса из большого котла доставались всем поровну. Изменился Федор и внутренне. Чаще и чаще в мыслях считал себя своим среди этих людей. О том, что эти люди сражаются против его товарищей, советских солдат, старался не думать. Близко сошелся с Рахматуллой, тем афганцем, с которым бился в первом поединке. Обучал Рахматуллу приемам каратэ, а взамен получал знание языка, обычаев этого народа. В долгих беседах узнал от Рахматуллы об операциях, в которых участвовал и участвует его отряд, о расстрелах пленных, в которых и сам

принимал участие. «Это война», — пожимал плечами Рахматулла. Не мы ее начали и не на вашей земле...»

«А мы их скотами считаем, зверьем, дикарями, — мучался в раздумьях Федор. — А ведь, действительно, это мы вломились в их жизнь, вот они в ответ и отнимают наши жизни...».

Это еще не было предательством. Окончательно отказался Федор от своего народа, своей земли и поднял оружие против шурави из-за Рахматуллы.

Накануне дня, когда Рахматуллу убили, он долго разговаривали с Федором.

— Стань до конца нашим, будь с нами. Прими нашу веру. Направь оружие против неверных, неправедных людей, — предложил Рахматулла.

— Своих убивать? — встрепенулся, даже вскочил на ноги Федор.

— Ты пойми, что твоих убивают твои. Будут еще воевать, — будут еще убивать. Остановят войну, выведут войска — сколько жизней сохранят и вам, и нам. И ты, убивая своих, только поможешь войну остановить. Убьешь десять — Аллах простит. Это не ваш Христос. Будешь мне братом — можешь четыре жены иметь, почет, богатство. Ты американские доллары дома заработаешь?

Глубоко задумался Федор. Вот же мучение...

Знал по рассказам и сам видел, как гнали советские офицеры солдат на минные поля по приказу высших офицерских чинов. Шепотом пересказывали ему, как попавших в окружение солдат уничтожили вместе с группировкой моджахедов. Тысячами гибли из-за неграмотных военных приказов. Неужели в этой войне правы только афганцы? Неужели...

И не смог найти, чем возразить на свои же вопросы Федор. Понял, что убедили его, привели к выводу, что ни гроша не стоит жизнь солдата СССР в этой войне для советского правительства. В том числе и его единственная драгоценная жизнь.

Наутро, провожая отряд, сказал Рахматулле, что принял решение, а какое, вечером скажет. Догадался Рахматулла, улыбаясь, как брата обнял Федора и ушел с отрядом. Вернулся отряд поздним вечером, понесся большие потери. Не вернулся Рахматулла.

Резко изменилось отношение к Федору. Вместо приветливых улыбок — хмурые лица, тяжелые взгляды. Все-таки шурави — советский... И...

Совершилась в этот вечер еще одна потеря. Не стало на свете советского военнопленного, русского солдата Федора Булыгина.

После обряда обрезания и трижды произнесенной священной калемы: «Ла илях иля лаху ва Мухаммед расули Аллах,» — превозмогая боль после отсечения крайней плоти, пировал принявший магометанскую веру и вместе с ней новое имя — Рахматулла, наутро поднявший оружие против ненавистных шурави.

* * *

Казалось бы, что может объединять сахар-рафинад, зелёный горошек «Глобус» в большой жестяной банке и бутылка 0,7 (кажется, такой объём был) кубинского рома «Куба либре».

Очень многое объединяет.

Мы встретились случайно на железнодорожном вокзале в Ташкенте. Ночью. Я просто решил там дожждаться утра, чтобы ехать на Тузельский аэродром, к обеду оттуда вылетал борт на Кандагар.

Вагиф отправлялся домой. Демобилизация — есть такое радостное слово! Утром прилетел из Шинданда. Ждал поезда.

Юозас возвращался из отпуска. Ему завтра тоже в Афган лететь. Только не в Кандагар, а в Баграм.

Увидели друг друга, как-то поняли, что мы оттуда, покурили несколько раз. У меня была банка горошка. У Вагифа упаковка рафинада. У Юозаса — ром.

Ушли в теплую ночь в привокзальной сквер, подальше от патруля. Пили невкусный ром, хрупали сахаром, заедали сладким венгерским горошком. А и ничего получилось, так ром можно пить.

Хорошая была ночь. Добрая, чуть хмельная.

Где теперь бакинец Вагиф? Как в Эстонии Юозас?

Здорово было бы собраться вместе. Да под «Куба либре», да под сахарок, да под горошек зелёный просидеть всю ночь, проговорить. Хоть и виделись мы один раз в жизни, но, думаю, нашли бы, о чём потолковать.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 15. ГАЗНИЙСКИЙ БОРЩ

Вот, говорят, мол, никакой магии цифр не существует, все это глупости и выдумки людей, склонных верить во всякую чертовщину и прочие потусторонние чудеса. Не знаю-не знаю. К примеру, летом, как раз 19 июля, ровно через тридцать семь лет после открытия Олимпийских игр в Москве, ходил по рынку вдоль мясных рядов и заметил на прилавке просто шикарную ногу молодого барана. Ах ты ж... В голове словно арифмометр закрутился в обратную сторону, услужливо остановившись на той же дате, только восьмидесятого года.

В то время, когда столица нашей Родины принимала спортсменов из разных стран, удивляла гостей широтой и размахом гостеприимства, мы находились в командировке в древнем афганском городе Газни, расположенном на горном плато юго-западнее Кабула. Газни стоял на таком же древнем, как и сам город, пути к Кандагару, откуда мы и добрались вертолетами. Что-то там готовилось, какая-то крупная военная операция, и в Газни стягивали народ из разных гарнизонов и родов войск.

Многое стерлось из памяти, очень многое. Жаль, не было тогда современных фотоаппаратов (щелкнул, убедился: все в порядке — и уже не переживаешь, что куда-то исчезнет снимок). А на пленочку в 36 кадров чтобы снять, нужно и момент улучшить, и резкость навести, и диафрагму с выдержкой выбрать правильно, да еще потом поди поищи, где ее проявить и отпечатать. К тому же и припрятать фотографии до заветного дембеля, чтобы замполит не увидел снимки и не уничтожил карточки, обнаружив в них крамолу вроде той, что нашел-таки у меня. Не успел я сунуть фотографии в тайничок под ротной палаткой, устроенный в металлическом сундучке из-под неведомого мне прибора. Железную коробку выменял на что-то у солдат из авиационной obsługi. Ящичек прочный, с плотно пригнанной крышкой и замочком. Крысы и мыши точно не прогрызли бы. Для уверенности сундучок упаковывался в толстый целлофановый мешок, уберегавший содержимое от воды. С атмосферной влагой, конечно, было туговато на юге Афганистана, но зимой ее было хоть отбавляй, да и дневальные по роте выплескивали воду из ведер после уборки куда угодно. Ящичек же укрывался с одной из сторон

прямо у выхода из палатки, неподалеку от поста дежурного по роте. Вот и не смог я однажды вечером улучшить момента, чтобы быстро вынуть сундучок и положить в него новые карточки. А уж там было на что посмотреть. И пленные «духи» под стволами наших парней тяжело брели по горной тропе, по которой так недавно скакали бодрыми архарами в надежде накрыть наш взвод. И найденные нами останки сбитого МИ-8 с телами сгоревших летчиков. Погибших мы подняли на плащ-палатках выше в горы, на удобную для «восьмерок» площадку, откуда их и забрали вертолеты. И небольшое, абсолютно круглое высокогорное озерцо с удивительно ледяной водой, когда температура воздуха легко достигала сорока градусов уже в утренние часы. И неразорвавшаяся авиационная бомба, лежащая на околице кишлака, на ней степенные аксакалы коротали вечерние часы. И развороченный зев пещеры, откуда «духи» вели яростный огонь по нам, однако довольно скоро сдулись, поскольку вертолетчики, вызванные на подмогу, очень ловко всадили в гору несколько нурсов. И трофейное оружие, собранное нами в пещере и разложенное у подножия горы: покореженный китайский ДШК, несколько базук, миномет, древние винтовки, даже одно кремниевое ружье с инкрустированным бисером прикладом, пара кинжалов, сабля, цинки с патронами и ящики с гранатами и минами. И, кстати, было несколько фотографий из Газни.

Да что теперь вспоминать. Майор Черный, наш замполит, заметив у меня в руках плотный бумажный конверт от фотобумаги, молча взял его, вынул карточки, похмыкал и порвал снимки. Обрывки сунул себе в карман брюк вместе с туго скрученной пленкой негативов, лежавшей в том же пакете.

Пересмотрел много фотографий старинного города Газни, благо теперь-то их полно в интернете. Искал снимки прошлых лет, особенно времен Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Фото современных видов города. Пришел к выводу, что ничего не помню... То есть, конечно, какие-то яркие фрагменты осели в памяти, эпизоды, запомнившиеся на всю жизнь. Однако не складывается в единую мозаику. Никак не складывается. Мне почему-то думалось, что тот Ш-образный блокпост, построенный англичанами-колонизаторами из бетона на подъезде к Газни (только

с какой стороны?), где размещали прибывших, обязательно должен присутствовать на фотоснимках. Увы. Не нашел изображения, хотя помню очень отчетливо серое приземистое одноэтажное бетонное здание вблизи Газни с узкими окнами-бойницами. Мимо крепости пролегла широкая, ровная бетонная дорога. С вертолетных площадок хорошо просматривались глинобитные домишки пригорода. Сам гарнизон был окружен колючей проволоочной спиралью под названием «егоза», что должно было служить защитой от проникновения врага. Человек, попадающий в кольца этой штуки, оказывался в колючем капкане и выбраться из него мог только при помощи других, разрезающих кусачками слой за слоем опутывающую страдальца проволоку. Если пойманный пытался выпутаться сам, то любое его движение вызывало еще больший натиск ловушки, и острые заржавленные шипы бездушно впивались и рвали тело. Но, увы, это не служило непреодолимой преградой.

Бывало, что «духи» таскали с территории гарнизона солдат и подбрасывали в мешках отсеченные головы казненных. Поэтому приходилось быть предельно осторожными даже у себя «дома» в темное время суток, особенно при переходе в туалеты, построенные по понятным причинам в дальнем углу территории.

По правую сторону от гарнизона на небольшой площадке прилеплась афганская бензозаправка. Целый день к ней подъезжали «барбухайки», чудовищные подобию мотороллеров с невероятно огромными будками, неузнаваемые по принадлежности производителя под наклейками и надписями арабской вязью грузовики и прочие автотранспортные средства, накачивались топливом и разъезжались в разные стороны.

Двое босоногих пацанят в грязных тубетейках с трудом двигали коромысло насоса, собирали деньги за бензин и устало отдыхали на корточках, когда не было клиентов. Толстый хозяин заправочной станции всегда сидел на веранде под брезентовым тентом, пил чай, утирал с лица пот, изредка привставал, прикладывая руку к сердцу, раскланивался со знатными клиентами и покрикивал на мальчишек.

Однажды мы ехали на «Урале», вооруженные и с полным боекомплектом, по городу. На одном из поворотов, куда мы и не собирались заруливать, раздался взрыв. Что именно рвануло? Фугас, наверное.

Только на него наехали колеса не нашего грузовика, а местной «барбухайки», перевозившей баранов.

Ясное дело, водитель старенькой грузовой «Тойоты» погиб, ну а животных порвало на части. Надо сказать, что на довольно крупные куски. Пока шли разборки у того места, где рвануло, кто-то из наших пацанов «под шум волны» закинул на борт «Урала» несколько кусков свежеебиенных животных.

Как только на месте взрыва немного поутихло, примчались «царандоевцы», о чем-то горячо поспорили с нашим старлеем, старшим грузовика, даже хватались за свои автоматы, но тут же выпускали их из рук, оставляли свободно висеть на ремнях, заметив, что с грузовика на них нацелены штук двадцать наших «калашей» да еще пара РПК. Когда страсти поутихли (да и, честно говоря, страстей особых не было, потому как война и произошедшее только что не было чем-то из ряда вон выходящим, обычные будни), наш водила газанул, да так резко, что те из нас, кто был на ногах, повалились на дно кузова. Буквально через минуту мы уже мчались, разгоняя пыль на улицах города.

Скоро мы въехали на базар. Старлей решил побродить по рядам, что-то прикупить. По-моему, он уже собирался на замену, вот и нужно было разжиться мужику «Шарпом», кожаной курткой, джинсами и прочими буржуйскими штучками. Святое дело! С собой он прихватил нескольких солдат, остальным велел быть в машине и бдить!

Ну а чего бы и не побдить, если в карманах «афошек» кот заплакал? Разве только из интереса! А интерес у нас появился, как только осмотрели мы куски баранины. Причем, замечу, очень молодой баранины. Шохрат, представитель великого Узбекистана, вытащил нож и быстренько стянул шкуру с мясных огрызков, мясо же завернули в брезентовый полог, чтобы мухи не нанесли особого вреда.

Я сразу предложил сварить борщ. Парни аж застонали от вожделения.

Борщ. Нет проблем! Осталось купить только недостающие ингредиенты. Мы метнулись к лавчонке зеленщика, выхватывали из кучи зелени на прилавке головки лука, крупные помидоры, укроп, петрушку, несколько кочанов капусты и еще что-то, что явно было

бы лишним для приготовления борща. Однако кто знает, что может пригодиться завтра.

Дукандор волновался, нервно вскрикивал по мере того, как наш вещмешок наполнялся его товаром, а прилавков, соответственно, пустел. Но волновался торговец зря. Мы сполна расплатились. У нас хватило денег даже на бутылку растительного масла и («Только никому не говорите!») полуторалитровую пластиковую бутылку «шаропа» (водки по-нашему). Никакой не местной «кишмишевки», а именно водки!

Старлей с парнями вскоре появился, по довольному виду офицера и большим пакетам было понятно, что отоварился офицер на славу. Ну и ради бога! Мы тоже успели...

Не буду вдаваться в подробности, как раздобыли большой стальной котел у парней-артиллеристов. Взяли попользоваться на время за пару банок то ли тушенки, то ли сгущенки. Вечером развели костерок за серой стеной бетонного дота или какого-то другого сооружения на территории гарнизона, закипятили воду и сунули в котел куски баранины.

Вдвоем с Шохратом на выскобленной дочиста фанерке от посылочного ящика аккуратненько, тоненько порезали лучок, морковь и свеклу, которую кто-то из наших парней утащил с кухни.

На небольшом огне в старой чугунной сковороде жарили овощи, залитые растительным маслом, и одновременно шинковали сочные помидоры и горький перец.

Вокруг того места, где мы с Шохратом священнодействовали, стояли кружили и артиллеристы, и танкисты, и даже «богатые» авиаторы принимались к божественным запахам кипящего бараньего бульона и жарящихся овощей. Но кто бы их подпустил сюда?! Наши ребята тоже не дремали, патрулировали периметр!

Овощи хорошенько протушились и поджарились, приобрели цвет благородного металла и пахли... Боже мой, как же они пахли по сравнению с сиротскими запахами комбижира, перловки и сушеного картофеля из солдатской столовой!

Мясо вынули из котла и засыпали в бульон картофель, кстати, тоже злостно упертый из армейской кухни. В поджарку добавили помидоры и томили их на огне, пока овощи не превратились в томат.

Скоро картофель сварился, в бульон добавили поджарку, тонко нашинкованную капусту, и через каких-то десять минут борщ из молодой баранины в гарнизоне древнего афганского города Газни был готов!

Литров сорок, наверное, получилось борща. Наелись от пуза сами, угостили парней из других подразделений, котелок отнесли и нашему старлею.

Хлебали борщ, ели остывшую баранину, жевали свежеиспеченный хлеб, которым угостил местный повар, он же принес и несколько головок чеснока. Пир!

А поздно вечером, в закуске у того же повара, пили водку и закусывали разогретыми остатками мяса, щедро посыпанного резаным луком и ароматными приправами, приобретенными на рынке «на всякий случай».

И сейчас иногда варю борщ из баранины. Вкусно. Однако в нем чего-то не хватает.

Проклятой афганской пыли!

1 ноября 1981 года.

Рано утром из кандагарской «Арианы» самолёт вылетел в Шинданд. Это пара часов лёту. Но это ещё не СССР, это ещё Афганистан.

И в Шинданде повезло. Оттуда вылетал транспортник на Тузель (Тузельский аэродром) в Ташкенте. Вот это уже Советский Союз.

Ходил в ту пору анекдот... «Летят в самолёте молодые солдаты. Прапорщик поучает:

— Летим на войну в Афган. Будьте аккуратны. За голову дают 100 рублей!

Сел самолёт. Бойцы врассыпную.

Прапорщик ходит по взлётной полосе, нервничает, на часы поглядывает.

Видит, появляются солдатики. Каждый по две головы несёт.

Прапорщик стонет:

— Твою маааать, мы же ещё в Ташкенте!».

И в Ташкенте мне тоже невероятно повезло, прямо из Тузеля вылетал военный борт на Красноводск.

Потом я перестал удивляться, поскольку в Красноводске меня подхватили летуны на Баку, откуда я легко добрался гражданским самолётом в Минводы.

Ребята, вы можете понять этот кайф?! Утром ты ещё сдаешь автомат и прочие причиндалы, смотришь в иллюминатор на горы, на вспышки тепловых ловушек, в Шинданде слышишь гул обстрела где-то на постах охранения, а вечером ты уже дома...

По-дурацки улыбаешься, глохнешь от невозможности действительности, обнимаешься с родителями, тискаешь младшего брата и не понимаешь, как это произошло. Всего-то полсутки назад ты был там, а сейчас уже не там. Но и не тут. Поскольку, чтобы быть тут, надо от многого отвыкнуть, ко многому привыкнуть.

А пока, после домашнего ужина, закинуть «калаш» под кровать. И спать...

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 16. ШНУРОК

В принципе, лейтенант Мухин оказался неплохим мужиком. Очень быстро с него слетела этакая спесь новоиспечённого офицера, два месяца назад окончившего военное училище и сразу же попавшего в Афганистан. Ладно, обо всём по порядку.

Девять солдат под командованием старшего сержанта Борисыча уже второй месяц парились на точке, задыхаясь в полубетонном пекле блока, ожидая ночной прохлады. С этого блока контролировалась дорога, впитывающая в себя тайные и явные тропы, где-то далеко стекающие со скалистых седловин Гиндукуша. По этим тропам спускались небольшие караваны из Пакистана и сворачивали обходным путём мимо, поскольку только совсем глупый и ленивый не знал или игнорировал присутствие в этом месте заставы шурави. Недалёкий кишлачок не был таким уж узловым селеньищем, где могло разместиться хотя бы с десяток прибывших караванщиков или, тьфу-тьфу, душманов. Чего там, полтора десятка глинобитных домишек-конур, объединённых невысоким каменным дувалом. С блока хорошо просматривался весь кишлачок, со средневековым, жалким бытом горстки богом забытых людей. Так что странствующий люд и в лучшие-то времена не смог бы получить здесь достаточное количество продуктов, обновить свой износившийся гардероб, отдохнуть, наконец, в прохладе. Растительность скудная, с чахлыми кривыми деревцами, правда, по правую руку от кишлака бурлила сумасшедшим потоком узкая речушка. Вот рядышком с ней когда-то была настоящая «зелёнка»: осока и камыш густой стеной росли вдоль берега, давая местным жителям и материал для стройки, и сочный корм малочисленной живности. Теперь «зелёнки» не стало. Полтора года назад на блокпост напали отчаянные люди из банды Хасмет-бая, пытаясь прорваться на дорогу и уйти дальше, соединившись где-то под Кандагаром с Хаджи Латифом. Пройти им не удалось, огнём из ДШК, автоматов и выстрелами из подствольников шурави сбросили горстку духов в реку, а потом сожгли к чёртовой матери всю «зелёнку». Полыхнуло, рассказывали, будь здоров! Дело шло к зиме, тростник уже высох достаточно, чтобы его можно было резать для утепления кровли или стенок загонов для животных. Так что зима

выдалась очень тяжёлой для местного населения, да и для шурави тоже — ведь какой-никакой, а всё же жар в печурках-очагах камыш поддерживал, с дровами-то — напряжёнка, да ещё какая! Соревнуясь с местными, солдаты вылавливали в реке и собирали по её берегам плавник, который хоть и горел нехотя, но тепла давал неизмеримо больше, чем камыш.

Весной селяне взмолились, не выжигайте, мол, растения, не дайте сгнуть! В то время на блоке командовал капитан Кулаков, прилетевший на недельку вместе со сменой солдат. Решение было найдено к удовольствию обеих сторон. Кулаков дал добро на рост «зелёнки», но... если тростник не вырежут после того, как он достигнет одного метра, растительность постигнет та же участь! Шурави больше не будут охотиться за камышом, поскольку пост будут снабжать топливом меняющиеся смены. Старейшина Салим от радости чуть ли не руки целовал капитану.

Теперь каждое утро солдаты наблюдали, как люди шли к реке, срезали тростник и камыш, волокли вязанки домой и приступали к работе. Кто мелко рубил сочные стволики тростника, засыпая в кормушки для пары овец полученный корм. Кто аккуратно раскладывал вдоль дувала камышины для просушки, имея в виду ремонтно-восстановительные работы. Кто сплетал подобие корзин, а кто умудрялся даже небольшой плетень сгондобить. Этим плетнём делали загородки, где содержали малочисленных кур.

Наблюдать за кишлачной жизнью было тягостно и скучно, так же, впрочем, как и за дорогой, которая, казалось, быстро и даже весело скатывалась с гор. Тут, на небольшом равнинном плато, дорога скисала и тянулась бесконечно, серея выжженной пылью, равнодушно вздымающейся и так же нехотя опускающейся на место после того, как по ней кто-то проходил.

Борисыч остался за командира, поскольку прибывший на место несения службы старший лейтенант Борисов улетел тем же «бортом» МИ-8, на котором прилетела смена. Ещё в полёте старлей понял, что у него — гепатит, глянув в зеркальце, оценил желтизну белков и языка, доложил в полк по радиации и получил приказ возвращаться, временно назначив командиром старшего сержанта Борисыча.

Как и всё в жизни, ничего не бывает более постоянного, чем временное, вот и скоро как полтора месяца прошло после смены, а начальствия нового всё нет. К слову сказать, Борисыч совершенно не тяготился новыми обязанностями, возложенными на него. На этом блоке уже дважды приходилось бывать, так что — местность знакомая, народа нового в кишлаке не наблюдалось, с продуктами — порядок, личный состав блокпоста занят. Чтобы избежать пофигизма при исполнении боевой задачи, с первого же дня Борисыч поставил задачу укрепить кое-где обвалившиеся стены и обложить те места, где наружу выглядывал бетон, камнем. В итоге все бойцы были заняты. Двое постоянно вели наблюдение за вверенным участком, двое отдыхали после смены: сначала уходили внутрь помещения, пытаясь уснуть, но, промучившись в духоте, выползали на свет божий и принимались помогать строителям. Сначала народ повозмущался распоряжениями Борисыча, но служба есть служба, и под руководством Федюни стали собирать в округе камни, подыскивая наиболее плоские или же близкие по конфигурации к кубу, чтобы хоть не обтёсывать при подгонке. Потом разохотились, стали таскать все подряд, сбивали лишнее и прилаживали к вновь возводимой стене, скрепляя их между собой либо глиной, которой на реке было с избытком, либо, в узловых местах, цементом из оставшихся когда-то давным-давно, ещё при постройке блока, двух пятидесятикилограммовых мешков. Цемент в мешках по углам подмок, да так, что образовалась корка. Приходилось сначала разбивать, как орех, цементную скорлупу, высыпать из неё сухой порошок, а потом долбить, крошить и измельчать до первоначального состояния монолитные куски.

Теперь уже Борисычу приходилось отгонять заступавших в караул бойцов от созидательного труда. Солдаты нехотя оставляли зодчество, обмывались тёплой водой, брали вёдра, шли на реку и, возвратившись назад, заступали на пост: один у ДШК, вмурованного в гребень стены поста, другой — на противоположенной стороне сучал с РПК.

Как только закончили строительство, Борисыч вызвал на пост старейшину Салима. Посредством переводчика, туркмена Дурдыева, долго договаривался со стариком о том, что изрядный кусок «зелёнки» шурави нарежут для своих нужд, поскольку требовалось

сменить навесы над блоком, где была тень. Старый навес пришёл в негодность, с него постоянно сыпалась труха за шиворот и в котелки с пищей, а солнце лезло сквозь огромные дыры, превращая отдых в мучение. Ну, в самом деле, не лезть же в помещение, где духота, кажется, не исчезнет и с наступлением зимы. Салим кочевряжился, пытаясь с наивной хитростью выжать из ситуации как можно больше пользы для себя. В такие минуты каждый, облечённый хоть какой-то властью, забывает, что за его спиной есть люди, на благо которых, собственно говоря, его и облекли той самой властью. Борисыч прекрасно понимал детские уловки старейшины. За разрешение на получение камыша старику выдали две банки тушёнки, банку сгущёнки и два килограмма муки. Однако это не всё. Каждый из жителей кишлака, кто принесёт две большие вязанки камыша, получит по килограмму перловой крупы, коей скопилось за несколько месяцев на блоке в большом количестве. Редко кто из солдат, при наличии других круп, захотел бы отведать «дробь шестнадцать». Салим же попытался и тут схитрить, пообещав, что сам принесёт необходимое количество камыша. Но Борисыч был неумолим, сказал, мол, если до захода солнца Салим принесёт столько, сколько удовлетворит потребность шурави, вопросов нет, получит все двадцать килограмм крупы. Сколько это будет, Салим не понимал, пока Федюня не приволок полмешка перловки и не показал ему. При этом Борисыч выложил под ногами сорок камешков, означающих количество вязанок, которые обменяются на крупу. Старейшина поцокал языком и ушёл в кишлак.

Очень скоро к блокпосту потянулся народ. Федюня с Дурдыевым вышли их встречать из укрепления. Каждую вязанку Федюня оценивал сам. Если афганец хитрил, приносил недостаточную, Дурдыев медленным, тягучим языком объяснял претензии Федюни, и селянин, неохотно кивнув, забирал тощую связку и убегал к реке.

Таким образом, был решён вопрос с затенением на территории поста. Утром, по приказу Борисычу дневальным приходилось делать по три рейса к реке. Первые четыре ведра шли на кухню для готовки и мытья посуды, вторые — для личной гигиены каждого бойца, а остальные... А вот остальной водой обливался камышовый навес, и теперь под ним было так уютно и прохладно, что и уходить

не хотелось никуда: здесь и обедали, и оружие чистили, и курили, и спали, и... в общем, вся жизнь сосредоточилась здесь.

Местные жители крайне редко появлялись у поста шурави, зная, что вокруг блока есть минное поле. Где и как установлены мины, не знал никто, включая и вновь прибывающие смены, поскольку карта была давным-давно утрачена, сгинула в штабных джунглях, а проверить на себе никто не торопился. Достаточно было того, что подходы с двух сторон были и прикрывались на ночь минами-сигналками.

Постоянным гостем был только щенок. Непутёвый кобельёк приходил с разных сторон, ни разу не наравшись на мину. Борисыч даже забеспокоился, а есть ли тут мины вообще? Его сомнения развеял взрыв, когда одна из местных собак, запуганная, с вечно прижатым к брюху хвостом, голодная, неизвестно чем и как питающаяся и что делающая в кишлаке, ринулась к блокпосту, привлечённая запахом солдатской кухни. Сначала, по старой солдатской традиции, щенку присвоили кличку Дембель, но, решив, что у аборигенов дембеля не может быть по определению, переименовали Шариком. Федюня посмеялся и сказал, что щенок на шарик никак не похож, уж больно худ, посему кличка Шнурок ему больше подойдёт. Так и закрепилось имечко.

Шнурку от роду было месяца полтора. Невнятной масти, какой-то рябой, с пятнами серого, чёрного, белого цвета, щенок обладал жизнерадостным характером, не обижался за случайно отдавленные лапы и хвост, весело бросался в возню с солдатами, поскуливал просительно, когда шурави трапезничали, и благодарно тявкал, получив желаемое. Потом исчезал до следующего утра.

Так вот... Лейтенант Мухин оказался неплохим мужиком. «Вертушка» прилетела ближе к вечеру, когда ярость солнца поуменьшилась. Из тучи пыли, поднятой винтами, словно бог-громовержец выскочил офицер и направился к блоку. Навстречу ему помчался Федюня, дабы указать безопасный путь, миновать минное поле. Солдат приблизился, удивлённо скользнул взглядом на погоны офицера, мазнул взглядом по гладко выбритому, не обожжённому горным солнцем лицу и прокричал, перекрывая свист лопастей:

— Товарищ лейтенант, я вас проведу на пост.

Лейтенант недовольно скривился и пошёл за солдатом, сторонясь бегущих к МИ-8 бойцов. Пока солдаты перетаскивали на блок

продукты, табачное довольствие, почту, Борисыч докладывал о состоянии дел новому командиру, не понимая, чем недоволен лейтенант.

«Вертушка» поднялась в воздух, надсадно тарахтя двигателями, и умчалась в посвежевшее небо, унося солдатские письма.

— Сержант, почему солдаты не приветствуют офицера так, как положено по уставу? — хмурясь, склочным голосом поинтересовался Мухин, закуривая гражданскую родопину.

— Дык, это... — лихорадочно соображал Борисыч, понимая, что лейтёха из молодых, необстрелянных, необмятых войной, в новенькой песчанке, с недавно ещё совершенно белой полоской подворотничка. — Товарищ лейтенант, не принято здесь честь отдавать! — И заторопился, предотвращая взрыв офицерского негодования. — Вам, что, не говорили, что духи в первую очередь охотятся за офицерами?

Лейтенант всхлипнул затяжкой, поёжился, совсем по-детски округлив глаза:

— Как — охотятся?!

— Да просто. Сейчас кто-то из местных шепнёт кое-кому, что, мол, так и так, на блоке появился офицер. Очень скоро об этом будут знать в горах. Снайпера у них отличные. Выберут мишень живо. Вот и... Вы бы и звёздочки сняли с погон, товарищ лейтенант, — кивнул на плечи офицера Борисыч, — наши-то знают Ваше звание, а тем, — махнул рукой в сторону кишлака, — знать это совсем не обязательно.

Мухин растерянно докурил сигарету, решительно снял куртку и снял лейтенантские звёздочки с погон, сунул их во внутренний карман, натянул куртку на себя, сел на ящик от гранат, протянул пачку «Родопи» сержанту и приготовился слушать дальше. Теперь Борисыч неторопливо рассказал о житье-бытье поста, представил каждого солдата, поведал о сосуществовании с кишлачком.

Лейтенант ничего не стал менять в расписании поста, только распорядился, чтобы водоносов сопровождал один свободный боец с автоматом наготове, прикрывающий во время забора воды остальных. Вызвано это было тем, что, по некоторым данным, косвенным и принесённым разведкой, весьма и весьма возможна активизация духов именно на этом направлении. Впрочем, и Борисыч, и Фёдня, и другие солдаты об этом догадывались сами. Ни для кого не секрет, что ближе к зиме духи стремятся спуститься с гор, неуютных

и ледяных, чтобы отогреться, отъестся и подлечиться в долинных кишлаках или попытаться пробиться для соединения с крупным формированием того же Хаджи Латифа. А весной опять уйти в горы, предав высокие идеи борьбы за ислам, нападать на слабые караваны, уводить из слабо защищённых кишлачков женщин и овец, да и вообще, наживаться так, как заблагорассудится вступая в стычки не только с шурави, но и с соплеменниками из таких же мелких банд.

В целях маскировки Мухин решил присутствовать при встрече с Салимом, никак не выказывая того, что он — офицер. Дело чуть было не испортил Дурдыев, сказав при переводе, что «командор» требует в срочном порядке убрать остатки камыша с берега реки. Дурдыев хотел даже ткнуть пальцем в Мухина, но Борисыч, исправляя положение, слегка ткнул, незаметно для старейшины, толмача в спину, и Дурдыев перенёс поднятую руку, указывая на Борисыча через плечо.

Салим, как всегда, начал ныть, показывая руками, какие короткие ещё камышины, пытаясь выжать из ситуации максимум пользы для себя, нет-нет, но не забывая зыркать в сторону нового лица, ранее ни разу им, Салимом, не виденного. Борисыч отметал все доводы старика и давал два дня на удаление камыша, потом указал на лейтенанта:

— Вот, видишь, у нас новый солдат? Он привёз с собой на шайтан-арбе, — намекая на недавний прилёт вертолёта, — большой огонь. Огнемёт называется. Если завтра до вечера камыш не успеете убрать, всё сожжём!

Салим похлопал носом, выклянул-таки пачку «Памира» и ушёл, что-то недовольно бормоча.

Лейтенант остался доволен результатами переговоров. Приказал усилить караул. Теперь даже днём на постах дежурили по двое. Ночью Мухин и Борисыч по очереди проверяли караулы.

Каждое утро Шнурок появлялся на блоке, завтракал с солдатами, дремал в тенёчке, возился с отдыхающими, очень быстро подружился с лейтенантом и всякий раз пытался быть рядом с ним, хоть прикоснуться, если уж не потереться о ногу Мухина.

В указанный срок местные убрали камыш, теперь ничто не мешало осматривать противоположный берег. На следующий день Салим пришёл к посту.

Борисыч с Дурдыевым слушали старейшину, Мухин спрятался от глаз афганца, ушёл к пулемёту, чтобы не привлекать к себе внимание старика.

Салим опять завёл свою волынку, что зима скоро, камыш не вырос как надо, всё плохо, еды мало, дров нет. В общем, он пришёл предложить обмен. Готовые плетёные камышовые циновки они хотят обменять на керосин или продукты. В принципе, циновки не помешают, рассудил Борисыч. Действительно, зимой можно и стены блока утеплить, и подстелить под себя.

— Ладно, несите, — разрешил Борисыч. — Дам канистру керосина и мешок муки!

Салим быстро собрался и ушёл, сказав, что сейчас и начнут обмен. Что-то тревожило Борисыча, кололо иголкой, будоражило.

Мухин одобрил решение сержанта, надо укреплять дружеские отношения с местным населением. Почти в сумерках появились афганцы, каждый волок по две связки циновок. Борисыч рассматривал их в бинокль, наливаясь отчётливым чувством беспокойства. Сунул бинокль Федюне:

— Ну-ка, посмотри. Что не так?

Федюня старательно всматривался в чумазые чалмастые рожи, знобко впитывая в себя тревогу друга:

— Не пойму, Борисыч. Но что-то не так! Зови-ка лейтенанта!

Мухин тоже долго разглядывал приближающиеся фигуры, пытается понять, где, в чём скрыта опасность. Затем скомандовал, чтобы Федюня, Дурдыев и ещё двое бойцов пошли встречать меняльщиков.

Как только вышли солдаты из блокпоста, двинулись навстречу афганцам, Борисыч заорал:

— Назад! Назад, мля!

Тут же приблизившиеся духи сбросили с плеч циновки, обнажая автоматы, и ударили по шурави. Федюня с Дурдыевым успели заскочить внутрь поста, повезло. Двое других бойцов рухнули замертво в пыль. Наряд у ДШК тоже был срезан. В полный рост стояли, отличная мишень для автоматчиков на фоне восходящей за спинами луны. Одновременно с нападавшими из кишлака с другой стороны блока снайпер аккуратно, выстрелом в переносицу, убрал бойца с РПК, вторым выстрелом ранив напарника пулемётчика. Тот крутнулся на

месте и упал, ударился головой о каменистый пол блока, выгнулся всем телом, ковырнул каблуками ботинок тонкий слой пыли и затих, заливая вокруг себя чёрной кровью, страшно заблестевшей широко разливающимся потоком в свете огромной луны, поднявшейся над изломанными контурами гор.

Духи смело мчались к желанной цели. Вот он — блокпост! Вот они — продукты и боеприпасы!

Мухин кинулся к ДШК и, почти не целясь, резанул очередь по душманам. Борисыч уже стягивал со стены уцелевший РПК, спешил к лейтенанту. Дурдыев плюхнулся возле амбразуры, передёргивая лишний раз затвором, только патрончик неиспользованный обиженно скакнул в сторону, повёл стволом автомата, выискивая в разом наступившей темноте залёгших духов. Федюня под прикрытием пулемётного огня дважды выползал с блока, затаскивал трупы убитых солдат и ещё раз вернулся за автоматом, соскользнувшим с плеча.

Лейтенант чутко прислушивался к происходящему за стенами поста. Вначале духи били из автоматов, на что Мухин моментально реагировал короткими грохочущими очередями крупнокалиберного пулемёта. Потом стихло. Душманы стали отползать назад, к кишлаку, но лейтенант стрелял на любой звук, очевидно нанося урон противнику. В конце концов духи собрались с силами, просто вскочили и понеслись прочь.

В тишине все собрались внизу. Борисыч доложил командиру, что в живых остались только четверо. Мухин распорядился занять круговую оборону и связаться с полком. Федюня кинулся к рации, перекрывая треск эфира, сообщил о бое. Помощь обещали не ранее утра, поскольку в темноте не только «вертушке» затруднительно искать место для посадки, да и беспомощную мишень легче всего сбить, но и на броне по ночной горной дороге проблематично добраться до блокпоста.

Убитых солдат стащили ближе к стене и прикрыли упавшим камышовым навесом. Не успели вернуться к своим местам, как из кишлака раздались миномётные выстрелы.

— Мляааааааа... — заорал Борисыч, — всем вниз!

Духи били прицельно. Да и то сказать, времени досконально изучить блокпост было предостаточно, хоть у того же Салима. Первым

же выстрелом покалечило ДШК, грозу всей округи, тяжёлое оружие, при стрельбе пугающее даже своим яростным рычанием, не говоря о гибельной силище пуль, вылетающих из хищного растребу. Мощный и тяжёлый пулемёт накренился одноногим пиратом на покалеченной треноге, пополз вниз, со скрежетом цепляясь изуродованным дулом за стену блокпоста, и мёртво упал в пыль, звякнув оторванной крышкой затвора. Всё! Дальнобойного оружия нет. Борисыч огрызнулся длинной очередью РПК. Мухин толкнул его в бок кулаком:

— Прекратить! Экономь патроны. Ни хрена ты им не сделаешь сейчас. Если в атаку пойдут, тогда — да...

Но духи не торопились переходить к активным действиям. Куда торопиться? Понимали, гады, что поддержки шурави ждать неоткуда. Вся ночь впереди. Поэтому методично стреляли из миномёта, обрушивая стены блокпоста внутрь, загоняя защитников крепости внутрь помещения.

От досады Федюня и Борисыч, стискивали зубы, пригибаясь от каждого выстрела. Дурдыев стоял на коленях, отмахивая поклоны и шепча что-то неслышное в разрывах мин. Лейтенант бездумно смотрел на рацию, думая, сообщать или нет, что дело — табак! Потом передумал, решив, что всяко успеет сообщить кто-то из оставшихся в живых, как тут обстоят дела.

Как только миномётный обстрел затих, Борисыч сунулся к выходу из помещения, глянул на развалины стен, выматерился и юркнул обратно.

— Хана, товарищ лейтенант, только тут можно обороняться! — и тоскливо осмотрел глухие стены убежища с одним единственным проёмом двери.

Федюня зло схватил РПК, выскочил наружу и залёг за россыпью камней, бывших совсем недавно стеной блокпоста. От кишлака слышался автоматный стрёкот. Духи попытались атаковать, но опять отошли, спугнутые пулемётной стрельбой.

Так было всю ночь. Сначала артобстрел из миномёта. Затем передышка и атака. Короткая стрельба из пулемёта. Духи откатываются назад и вновь артобстрел. Знали, ой, хорошо знали духи, что соваться с тыла или с флангов занятие бесперспективное и опасное, как не

прикидывай. Вот и стремились заполучить возможность ворваться на блокпост сквозь узкую дорожку, совсем недавно обезвреженную от мин защитниками укрепления. Недаром всё же Салим столько раз ходил туда обратно, разведчик хренов!

Из РПК стреляли по очереди. Когда Мухин готовился к броску внутрь помещения, неподалёку от него упала мина, щедро осыпав лейтенанта осколками. Благо он был в бронежилете и каске, да и осколки вначале впились в остатки стен и кучи камней, но всё же наспиговали ноги офицера, вырвали клоками мясо, кое-где обнажив тело до кости. Мухин вполз в комнатку и потерял сознание. Борисыч с Федюней вкололи лейтенанту шприц-тюбик промедола и перевязали бинтами ноги прямо поверху брюк.

Теперь духи решили не брать приступом пост, просто нанести ему как можно больше урона и тогда завладеть блоком. Мины падали одна за другой, теперь уже падая на крышу укрепления, обрушивая потолок и стены. Наконец, крыша рухнула вниз, прикрыв собой в дальнем от входа углу всех четырёх шурави. Наступила полная тишина.

Лейтенант стонал, не приходя в себя. Федюня и Борисыч пытались выбраться из крысиной норы, в которую превратился блокпост, торопились, срывали ногти и кожу с рук, пытались прокопать сквозь камни выход и занять оборону. Дурдыев молчал. Борисыч окликнул его:

— Толмач, ты живой?

Дурдыев слабо прошептал, что жив и опять замолчал, просто прислонился к стене спиной и тупо смотрел перед собой.

Попытки Федюни и Борисыча освободиться из плена ни к чему не привели, слишком толстый слой осыпавшихся стен придавил крышу, к счастью не упавшую плашмя внутрь комнаты, а рухнувшей наискосок, образовавшую щель между собой и стеной.

По победным крикам из кишлака, Борисыч понял, что это — конец. Полный и бесповоротный трандец. Но всё же надежда брезжила — скоро утро. Надо продержаться как-то, пока не подойдёт помощь. Шикнул на всех, приказал вести себя тихо. Ни звука чтобы не было! Всё равно отбиться не смогут, так хоть так, может, продержатся.

Духи были уже близко. Сначала слышался общий гул голосов, потом, вместе со скрипом придавленных подошвами камней, стали

проявляться отдельные голоса. А потом... потом застонал лейтенант. В тиши щели его голос, казалось, проткнул барабанные перепонки солдат. Дурдыев ужом скользнул к Мухину. Федюня углядел в проникшем сквозь беспорядочную груду камней лучике света метнувшееся к лейтенанту тело переводчика и перехватил руку туркмена с длинным тонким кинжалом, направленным на горло офицера.

— Он нас всех сдаст, — шипел, плюя слюной, Дурдыев, — надо его кончить. Кто узнает? — бесновался, придавленный Федюней, насмерть испуганный солдат.

Федюня вывернул кинжал из ослабевшей кисти, сдавил горло Дурдыева пальцами левой руки, прижался губами к его уху:

— Заткнись, падаль! Я тебя самого сейчас кончу! Молчи...

Борисыч вытянул из аптечки ещё один шприц с промедолом, вколол лейтенанту, зажав его рот ладонью. Лейтенант слабо откинулся головой на колено Борисыча и затих.

Духи ходили по бывшему блокпосту, ковырялись в развалинах, стаскивали обувь и одежду с трупов, стреляли в кучи камней, разочарованно галдя, понимая, что пожить здесь особо нечем.

Федюня замер, прильнув лицом к щели. Прямо перед глазами увидел носки сапог духа. Потом перед ним появились колени, а следом в щель между камнями протиснулся ствол автомата. Федюня еле успел отпрянуть назад, бесшумно повалиться на пол, как пули со страшным грохотом зажужжали, застучали по стене. Благо щель не дала возможности поводить стволом в разные стороны, посему все уцелели. Отойдя немного от страха, Федюня прислушался:

— Борисыч, а ведь нам — крышка!

— Чего это? — прошептал Борисыч, удерживая весом своего тела всё ещё обомлевшего Дурдыева.

— Слышишь? Кто-то сквозь камни продирается, — так же тихо шептал Федюня.

Дурдыев испуганно всхрипнул.

Действительно, с другого конца завала слышалась возня и шум отбрасываемых камней. Замерли, почти не дыша. Вскоре Федюня облегчённо выдохнул:

— Шнурок, мля...

Точно. Из образовавшегося отверстия выскочил щенок, победно встряхивая ушастью башкой, отряхиваясь от пыли, кинулся к Мухину, потёрся о ботинки лейтенанта, подскочил и лизнул его в нос.

— Тихо. Тихо! — забормотал Борисыч, вытаскивая из кармана сухарь, сунул щенку.

Тот благодарно засопел, принялся грызть угощение.

Федюня вновь прильнул к щели, из которой их недавно обстреляли. Явственно слышался голос Салима, грустный, разочарованный.

— Вот, сука старая, — ярился Федюня, — нажиться захотел, урод!

Духи покрутились ещё немного по развалинам, захватили с собой оружие и всё, что представляло хоть малейшую ценность, и отправились вон, понимая, что вот-вот нагрянут шурави.

Лейтенант в обморочном сне дёрнул ногой, придавив Шнурка, тот взвизгнул, собираясь затыкать обиженно, но Федюня, опережая щенячий протест, навалился на него, сжал челюсти Шнурка ладонью и чиркнул глубоким порезом лезвием кинжала по горлу собаки. Шнурок крупно дрогнул всем телом, засучил лапками и затих, мягко вытягивая бока.

Через полтора часа на кишлак обрушился огонь спарки вертолётков. По уходящей в горы цепочке духов ударили авиационные пушки, сбрасывая недавних победителей с тропы, ломая и коверкая их тела. Кто знает, может быть, и удалось кому-то из них уйти. Во взметнувшейся ввысь пыли трудно было разобрать что-либо. Через час от подножия гор подскочила броня. Полвзвода высадились у развалин блокпоста, остальные ринулись на зачистку кишлака.

Освобождённые из завала сидели у стены. Мухин лежал головой на коленях Борисыча, пытаясь понять, что произошло, сквозь туман боли и уколов. Борисыч же, раненый срикошетившей пулей сквозь щель завала, морщась, потирал задетое плечо, уже в бинтах, промокших кровью. Дурдыев сидел в стороне на коленях и тихонечко подвывал. А Федюня всё гладил и гладил ладонью в запёкшейся крови тело худого щенка, и редкие слёзы чертили тонкие чистые полоски на его замурзанных щеках.

* * *

Вчера Саня снова плясал на дороге, кривлялся и хохотал. Напился парень. В который раз за месяц.

Саня — хороший и добрый человек, честное слово. Мухи не обидит, даже когда пьяный.

В плену был Саня. Били. На расстрел несколько раз выводили. Забавлялись так. И кинжал у горла держали. Тоже было.

Что-то сдвинулось у Сани в голове. Бывает, он и не тут и не там. Смесь бывшего и нынешнего.

— Дядя Серёжа! — увидел меня с улицы. — Дай закурить!

Курим. Молчим. Утро хорошее, прохладное, после дождя.

— Спасибо, дядь Серёж, что домой вчера отвёл! — прячет глаза Саня. — Ладно, я на работу!

— Пока! — жму руку Сане. Провожая взглядом его виноватую спину. А так уж ли он виноват?!

В нескольких домах от моего живёт Саня. Ни родителей, ни жены. Кот и собака ждут его и скучают. И война не отпускает.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 17. МАКСИМ

Почему я тогда не сразу выскочил из окопчика?

Уже много лет задаю себе этот вопрос. Не мучаюсь этим вопросом, нет. Сказать, что мне страшно было тогда, в тот момент?

Нет! Правда, нет. Чувство страха, застарелое, въевшееся в душу, едва шевелящееся под грузом усталости, не могло в ту минуту ударить по притупившимся нервам, прижать к стенке укрытия. Тогда что-то другое?

Не знаю, не знаю...

— Макс! Вперед! — огибая моё заклинившее тело, реагируя на хриплый выкрик сержанта Киреева, бросающего нас в атаку, мой напарник Мишка надсадно телеграфно выхаркивал: — Прикрой. Я пошел!

Включился я все же только тогда, когда подошва Мишкиного ботинка обрушила у меня над головой комочки спрессованной, сожженной в шлак земли, застучавшей по макушке каски.

Что-то слегка сдвинулось в мире, изменилось. Сколько исчезло цивилизаций, оставив после себя то, что тогда я видел перед собой? Горы, пыль под ногами, раскаленное добела солнце.

До невероятности четко я помню подошву ботинка. Истоптанная, плоская, как кизяк, совершенно деформированная, почти зеркально гладкая, словно колесо шасси самолета, с едва заметными истертыми рубцами, с застрявшим в глубокой трещине каким-то невероятием камешком.

Мишка уперся стопой в земляную выемку, оттолкнулся изрезанной скальными породами и лопнувшей посередине подошвой, едва держащейся на грубых суровых стежках ранта, оттолкнулся и выскочил из траншеи.

Траншеи были неглубокими, обсыпавшимися, очень старыми. Это было похоже на строительство фундамента какого-то сооружения «древних». Кто и зачем их копал? Сейчас это было неважно. Главное, что они нам дали возможность отдышаться, укрыться от хоть и всегда ожидаемого и в то же время внезапного огня из «зеленки».

Я подтянул ладнее автомат, положил ладонь на срез окопа, пружиня ногами, уже взметывался в воздух, охватывая зрением предстоящий

путь до ближайшего укрытия. В грохоте боя, в визге осколков и шипе горячего воздуха, разрываемого пулями, я не увидел, скорее, почувствовал своим устало одеревеневшим телом, как пуля ударила Мишку.

Я отдернулся назад, в глубь окопчика. Мишка валился на меня спиной, широко раскинув руки, роняя автомат. Вот опять мелькнула перед моим лицом уже совершенно развалившаяся пополам подошва, теперь уже не упруго устремленная в атаку, а какая-то безвольная, с распушившейся на изломе нитью.

Мишка рухнул в окоп, ударившись головой о другой край траншейки. Каска сползла на лицо, испачканное на подбородке пылью, и подернутые серым налетом щеки и переносицу. Из порванного пулей горла бурлящим кипением выбулькивала неправдоподобно черная кровь.

Я сунулся к упавшему телу, торопясь и ломая ногти, начал сдирать лифчик, бронежилет, пытаюсь освободить Мишкину грудь, дать ослабевшим легким возможность поднять ребра, освободить диафрагму, всосать через пусть и поврежденное горло необходимый воздух. В то же время я понимал, что все, нет больше Мишки!

Его некрупное тело дернулось несколько раз, нелепо подкинулось, притискивая одной ногой мой автомат, вдавливая его в спрессованную серо-рыжую стенку окопа, а другой ногой, в порванном ботинке, ударяя меня в грудь. Скрюченными пальцами, посиневшими ногтями Мишка еще успел рвануть наискось, у самого горла, выгоревший до однотонности полосок тельник и умер, так и не сумев вдохнуть разорванной трахеей пусть и горячего, но такого нужного воздуха.

Ничего сделать уже было нельзя. Я выбрался из окопа, стараясь не наступить, не задеть мертвое тело, и бросился догонять роту, устремленную к ошестинившейся огнем «зеленке», каким-то образом понимая, что это атака, и вникая в смысл всего действия. Впрочем, сильный пинок под зад сержанта Киреева и его рык: «Опаздываешь, салабон!» только подтвердил правильность моего понимания ситуации.

Я бежал и стрелял, почти не пригибаясь и не падая в возможные укрытия. Помню, только тупо удивлялся, как это духи умудрились спрятаться в такой прозрачной, с тонкими ажурными веточками рощице из молодых тополей. Я первым шагнул в призрачную тень, успокаивая засбоившее дыхание и колотящееся сердце. Сырая прохлада

прилипла к горячему телу как-то разом, вызывая очередной приступ удивления: «Откуда вода?!», а затем и еще один вопрос: «Почему тихо?».

Я закрутил головой. Никого. Шагнул дальше, в глубь листвы, не обращая внимания на крик Киреева: «Куда? Назад!» и на рваные, неровные очереди автоматных выстрелов, срезающих ветки и тонкую кору с деревьев.

— Да никого же тут нет! — шептал я себе под нос, — никого! — А сам все поводил автоматным стволом и вглядывался в неширокую глубь «зеленки». — Ни-ко-го...

Справа от себя я услышал хрупкий треск. Такой треск бывает, если в лесу наступишь на сухую-пресухую веточку. Как слабый взрыв, с выплескиваемой пылью трухи и прели. Подумалось тогда, что здесь просто по определению не может быть такого звука, слишком уж молодая рощица, совсем недавно поднявшаяся из кустарника.

Это все я думал, пока оборачивался на звук. И опять изумился. Словно из земли торчала фигура духа. Именно торчала! Я четко видел поверхность почвы, усыпанную листьями, видел грудь душмана, видел три черные точки: два глаза и отверстие ствола винтовки. Сообразил еще, почему два широко открытых глаза вижу. Просто духу и целиться особо не надо было, прищуривать левый глаз без необходимости. Чего уж там с десятка-то метров пыжиться. И еще я понял, что сухой треск — это всего-навсего пустой хлопок курка. Нет! Нет патронов у духа!

Не задумываясь больше, не выцеливая особенно, я выстрелил, почему-то одиночным, в сторону врага.

Он откинулся назад, точно так же, как совсем недавно Мишка, широко разбросав руки, откидывая в сторону карабин, и завалился на спину. Откуда-то из-под земли выскользнули его ноги, уперлись в землю, подкинули, ломая, агонизирующее тело. Хрип. Бульканье. Тишина.

Я подошел к труп. Все стало ясно, отчего никого нет. Ну в самом деле, не мог же он один сдерживать на подходе к «зеленке» роту ДШБ!

Этот дух был последним, прикрывающим отход группы, которая ушла в кяриз. Именно из этого отверстия струилась влажная прохлада, и даже был слышен звон ручья из глубины.

Я слышал, как в рощицу ворвались наши ребята. Видел, как подскочил Киреев, отшвырнул меня от входа в кяриз и одну за другой швырнул две гранаты в темень подземелья. Из влажного зева лениво взлетели комья грязи, и тонкая водная пыль упала на мое лицо, остужая струйки пота на лбу и висках.

Меня интересовал только один вопрос: какая обувь у духа? Я толкнул носком ботинка ноги убитого, вытолкнул их из-под укрывших толстым слоем после взрыва грязи и листвы. Трудно поверить, но дух был обут в совершенно новые солдатские ботинки, с абсолютно крепкими, неизношенными подметками.

Это было так странно и непонятно, что я задал вопрос Кирееву:

— Товарищ сержант, почему мы воюем в таком дерьме, а у них, — ткнул автоматом в духа, — НАША, НОВАЯ ОБУВЬ?!

Киреев отшатнулся от меня, непонимающе вскинул взгляд и тут же опустил глаза, процедив сквозь зубы:

— Ты бы, мля, еще спросил, откуда у них АКМы...

Я долго сидел на земле, опустив ноги в проем подземелья, пил из фляги, что-то жевал, курил и размышлял, думал, мучался над вопросом, заданным самому себе и сержанту, и сравнивал вид поразивших меня сегодня подошв ботинок Мишки и духа.

Киреев попытался заставить меня вместе со всеми стаскивать к опушке рощицы незамеченные мной трупы убитых духов и добытое исковерканное оружие. Я послушно поднялся и побрел к телам, приседая возле каждого, внимательно рассматривая подошвы, очищая штык-ножом налипшую грязь, чтобы лучше видеть всю поверхность. С меньшим вниманием я пытался изучать и ботинки наших ребят, придерживая проходящих мимо, просил показать подошвы. Рассматривал и сравнивал, сравнивал и рассматривал.

Ребята не возражали, просто отводили взгляды и нетерпеливо отходили после осмотра, настороженно оглядываясь на меня, испуганно покручивая пальцами у висков. Сержант мягко снял с моего плеча автомат, стянул лифчик с оставшимися патронами и гранатами:

— Ты, Макс, молодец! Спасибо! А теперь отдохни. Скоро вертушка подойдет...

Меня вместе с ранеными отправили в госпиталь.

Я не был ранен, мне не было больно. Но я не возражал. А зачем? Я просто молчал и думал, думал, думал и делал свое дело. Молча. Ежедневно.

Теперь я тщательно изучал каждую пару обуви, которая попалаась мне на глаза. Великолепно, когда обувь была без хозяина, поскольку, когда она была на ногах людей, было очень трудно разглядеть, какова у обуви подошва. Плохо, конечно, что в госпитале все ходили в тапочках, сшитых из голенищ старых кирзачей, то есть совсем без подошвы.

Иногда удавалось изучить туфли медперсонала, когда кто-нибудь из дежурных ординаторов спал на кушетке и его пара стояла на полу, призывая меня к себе. Почти всегда это были хорошие туфли, с чуть изношенными об асфальт подошвами.

После того боя прошло двадцать лет.

Говорят, что я хороший сапожник. Да, честно говоря, я и сам об этом знаю. Вон сколько заказов! Моя дощатая будочка, прилепившаяся в тихом уголке рынка, неподалеку от туалета, забита требующей ремонта обувью.

Особенно мне удастся и очень нравится восстанавливать старую обувь. Я не жалею ничего для такой пары. Отделяю лопнувшую подошву, закрепляю новую, подкрашиваю потертую кожу, прошиваю крепкой нитью ранты, вставляю новые «молнии» и шнурки. Деньги я беру по прейскуранту, то есть гораздо меньше, чем затратил на ремонт. Господь с ними, с деньгами-то. Клиенты довольны, и у меня всегда много заказов, на этом и зарабатываю. На жизнь хватает, еще ведь и пенсия есть. Не в этом дело.

В моей коллекции есть только одна подошва, которая так напоминает Мишкин ботинок. Я ее нашел в лесу. Там ребята из какого-то клуба раскопали останки советских солдат, в сорок третьем году освобождавших наш город от фашистов.

Мальчишки меня не прогнали, уважительно поглядывая на мою выцветшую тельняшку и камуфляжную застиранную куртку, на которой блекло проглядывались наградные планки, серея узнаваемым еще с Великой Отечественно войны прямоугольничком медали «За отвагу».

Ребята аккуратно вынимали из земли останки бойцов, складывали их на плащ-палатку. Отдельно на мешковину укладывали прогнившую амуницию и проржавевшее насквозь оружие.

Когда я попросил мальчишек, они, не возражая, позволили мне взять с собой лопнувшую пополам подошву армейского ботинка, с разлохмаченной ржавой нитью на рантах и с застрявшим в иссохшей трещине камешком.

* * *

Подобрали ранней весной кошечку. Оказалось, всю зиму прожила в трубе под дорогой. Отъелась, отоспалась, раскрасавилась.

Серая густая шёрстка, мягкость и интеллигентность в общении, главное — медовые глаза.

В Газни у нашего расположения бензоколонка стояла. Вручную мальчишка качал. Кланялся клиентам, качал, ловил на лету монетки и качал, качал, качал. До позднего вечера, если были желающие заправиться.

Потом украдкой приходил к нам. Его подкармливали, давали мелкий «бакиши» — подарки: конфеты, сгущёнку, что-то из одежды, «афошки». Он кланялся и брал. Хотели отучить от привычки кланяться, но — нет: кланялся и брал, брал и кланялся.

Малик всегда в серых штанах, длиннополой болотно-серой рубаше, в серенькой тесной жилетке и серой тюбетейке. Но медовые глаза смотрели без заискивания.

Мы улетали вертолётами из Газни, низко-низко делали широкий левый разворот над крепостью. В нависшем над заправкой иллюминаторе видно, как хозяин заправки бьёт Малика палкой.

Серые облака тонкой пыли скрывают всё, только там, вверху, по правому борту в голубизне — лучи солнца.

Запомнились медовые, широко открытые глаза и беззвучный крик.

Бессонница. Мизансцены

ГЛАВА 18. ДЕНЬ ВДВ

То, что рассказывал Лёва, я слабо помнил, как-то не отложилось в памяти, только тревожило иногда во снах. А может, это и был только сон, болезненный, с потными простынями и промокшей подушкой, с яркими вспышками в памяти, с ноющей болью в пояснице и почти ощутимым скрежетом суставов рук и ног.

Лёва смущённо крутил в руках рюмку на тонкой ножке, не замечая, что остатки водки расплываются маслянистыми пятнами, стекая на рукав серого пиджака.

— Ты, что, правда не помнишь? — сомневается он в моей искренности.

Эх, братишка, братишка! Я же контуженный. Так что ничего удивительного. Как там говорится: «Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша!» Кстати, любимая поговорка бывшей супругницы по отношению ко мне. Выходит, права она...

— Лёв, ну чего ты огорчился? Я ж тебе верю! Было, значит было! Ты же сам всё видел.

— Ладно, Игорёха, давай ещё по полтишку и побежал я, — вздохнул Лёва. — Дела. Сам понимаешь!

Да уж. Дела. У всех дела. А сегодня, между прочим, день ВДВ. Хм, пойти, что ли, к памятнику, встретиться с братвой в голубых беретах. Нет, пожалуй! Шумно очень. Провожу-ка Лёву да посижу ещё. Выпью. Может, вспомню.

...Дувалы кишлячка, слившиеся пыльным цветом с землёй, казались очень близкими. Думалось, что за несколько часов возьмём селеньице, прочешем и уйдём дальше в горы на выполнение основной задачи. Кто ж знал, что всё так обернется?! Хадовцы клялись и божились, что кишлак мирный и проблем с его пересечением у нас не будет. Ошиблись. Или не ошиблись. Подставили, скорее всего. А может, и нет. Теперь не важно.

Кишлячок этот стоял на замечательном месте: контролировал перевал, через который караваны тянулись в Иран, Пакистан и, разумеется, обратно. Волокли всё, на чём можно было нажиться: продукты, электронику, одежду, обувь, а главное — наркотики и оружие.

Ну и как? Мог этот кишлак оказаться «проходным»? Нет, конечно! Богато тут жил народ, собирал мзду за проезд через перевал. Жировал-пировал кишлак, оказывая услуги по кормёшке странствующего люда, устройству на ночлег, выручал проводниками и так далее. А тут пришли мы. Кто ж добровольно откажется от даровых доходов? Это как у нас в прошлые времена. Припёрлись в деревню комбеды и начали трести-расстреливать зажиточных мужиков, называя их кулаками, отбирая последние крохи «на нужды пролетариата», того самого пролетариата, который разграбил и обрёк на нищету Россию. Чего уж там, история далеко не всегда развивается по спирали. На некоторых точках глобуса она повторяет очередной круг.

Нам бы пожалеть «бедолаг разжиревших», но нельзя! Враги они сейчас для десантуры. И для меня лично.

Так что — только вперёд! А вперёд не получается. Залегла рота. Слишком уж плотный огонь ведут духи. Эх, сейчас бы пару «вертушек» или хоть самую слабенькую артподготовку провести. Тогда бы — лафа! Воюй — не хочу.

...Сегодня день ВДВ. Второе августа, значит. Командир роты ещё в предутреннем липком тумане поздравил нас, пообещал, что после рейда всё отдаст на разграбление. Нет, не кишлак! Личные запасы сигарет «Родопи». А что там пара пачек? Ничего. Зато, вроде бы, на самом деле обещан праздник.

Подниматься-то как не хочется! Пули визжат, взрываются фонтанчиками в податливой мягкой земле, чиркают или глухо врезаются в камни, обдавая брызгами кремниевой крошки. Чёрт, всё лицо искровянили осколочки. Острые, заразы! И всё же надо подниматься и переться на эти долбаные дувалы.

— Ну, братва, вперёд! — как-то удивительно громко в трескотне пулемёта звучит голос ротного.

Парни косятся в его сторону. Капитан срывает с себя разгрузку, выдирается из побелевшей от пота, солнца и пыли «хэбэшки». По глазам ярко бьют голубые полосы тельняшки. Командир напяливает разгрузку на плечи, хватает автомат и выскакивает из-за огромного валуна навстречу пулемётам.

Ну, и кто после этого усидит в укрытии? Кто из нас тогда не стянул с себя куртки, выставляя напоказ всему миру свой тельник?

Ломанулись мы тогда лихо! Духи, видимо, совсем обалдев от такого зрелища, замялись, что дало нам шанс прорваться почти к самому кишлаку. Только когда мы были почти у дувалов, вновь лупанули из всех стволов. Да куда там. Смяли мы их. Напрочь.

Не без потерь. Напоролись наши братишки на пулемёты. Да кто ж во время боя считает потери? Есть цель. Есть враг. Надо уничтожить!

Вдруг вижу, споткнулся впереди меня Пестик. Здоровенный хохол. Между прочим, фамилия-имя его Павло Тычина. Во как! Только почему-то прилепилось к нему Пестик. Рост под два метра, ручищи как чайники, размер обуви под пятидесятый. Короче, ещё тот Пестик!

Упал Пестик ничком, разбросал руки в стороны, автомат выронил, а ногами сучит, вроде как дальше бежать собирается. Значит, жив! Подскочил я к нему, тяну на себя, а он тяжеленный, в «лифчике» магазинов автоматных немеряно, да и гранат порядочно. Вылушил я Пестика из разгрузки, тяну к себе на загривок. Никак! Хоть бы помог кто. Только все уже вперёд проскочили. Давят духов в кишлаке. Еле взвалил Пестика на плечи.

Тут вторая проблема — два автомата на земле и разгрузка раненого. Встал на колени. Боюсь Пестика на землю уронить, потом ведь не удастся поднять снова. Подобрал добро наше, поднялся в полный рост, аж в глазах померкло, и бодренько зашагал в сторону боя. Благо, стрельба уже сместилась к перевалу, туда, где окраина кишлака.

Неудобно, тяжело, чёрт возьми, такого мужика переть, всё время соскальзывает с плеч. Вот уже и носками ботинок волочится по земле. А ботинки у Пестика исторические. Почему исторические? Так ведь история была замечательная.

Когда молодых привезли самолётом из Ашхабада, построили, посчитали, ржали всем полком. Сами посудите, было ведь над чем. Во-первых, хэбэшка у всех была одного размера. Пятьдесят четвёртого. Это и тем досталось, у кого от природы метр с кепкой. Видок тот ещё! Штаны по щиколотку, рукава по локоть, на животе куртка не сходится, треугольник тельняшки под брючным ремнём заканчивается.

Но и это еще полбеды. Все в ботинках, один Пестик — в кедах. А ступни у него как ласты. Команда была: «Равняйся! Смирно!» Все, конечно, носочки подравняли, на грудь четвёртого, вроде бы

выдупились, а сами через плечи за спины поглядывают и краснеют от сдерживаемого хохота. Потом не выдержали, заржали. Так и было с чего! Наш командир роты, капитан Петрович, даже не цыкнул ни на кого: сам хохотал. Не думайте ничего такого — никакого панибратства. Фамилия у него такая. Была. Погиб потому что Петрович...

Так вот. Ржали-то почему. Из-за строя каблуков далеко выдавались пятки истоптанных кед Пестика.

— Ну, ты — пингвин! — восхитился Петрович.

В общем, пока молодых натаскивали к местным условиям, через месяц прислали ботинки для Тычины. Заказные. Сшитые в военном ателье.

Чувствую я, что Пестик своими замечательными ботинками чиркает по земле. Ну, думаю, сейчас к стеночке прислонимся, сползём как-нибудь и передохнём. Там уж пусть санитары им занимаются, а я дальше погрёбу. Бой-то ещё не закончился.

Дотащились до полуразвалившегося сарая. Сил на то, чтобы дать очередь в тёмный зев уцелевшей двери или бросить гранату, уже нет. Ладно, будем надеяться, что десантура хорошо здесь прошла. Только собрался повернуться к стеночке, как страшный удар в спину опрокинул в пыль.

Потом что-то смутное помнится. Кто-то меня тащит, выдирает из рук автоматы и разгрузку, льют воду на голову, в нос тыкают нашатырём и сквозь ватную заглушку шепчут:

— Да живой он, живой. Видишь, кровь не его. А Пестика уносите туда, к убитым. «Вертушки скоро будут...».

Лёвка видел всё тогда. Они шли за нами следом с другой стороны кишлака.

— Вижу я, Игорёха, как ты взвалил хохла на плечи. Прёшь как бульдозер. Вокруг вас туча пылищи поднялась. Он сполз у тебя с плеч, ногами по земле волочится. Стрельба. Молотим по духам, несёмся за твоей ротой. Потом вижу, ты к дувалам подобрался. Тут вам в спину и стрельнул душара из «бура». Силища-то у ее пули ого какая! Думал, всё, не увижу больше тебя.

Потом уже, когда в «вертушку» убитых грузили, хохла узнал, а тебя — нет. Пошёл искать. Смотрю, ты у колодца умываешься,

льют тебе на спину из кожаного ведра воду, а на спине синячище с тарелку и кровоподтеки...

Теперь, после рассказа Лёвы, дружка моего боевого, стал я понимать, отчего спину ломит на сырую погоду, да и тяжести поднимать могу покряхтывая. Вот уж подарочек, так подарочек получил ко дню ВДВ!

Ладно, хорош отдыхать. Последнюю рюмашку — и побежал. А куда деваться? Дела!

СКРИПАЛЬ СЕРГЕЙ

ЗАБЫТЫЙ КОНТИНГЕНТ

ПОВЕСТЬ

Вёрстка:
Лякин К.Е.

Корректор
Ясинская Е.А.

Отпечатано в ООО «Вектор-Принт»,
620021, г. Кемерово, ул. Стахановская, 1, д. 29а, офис 211
Тираж 700 экз. Заказ №476.